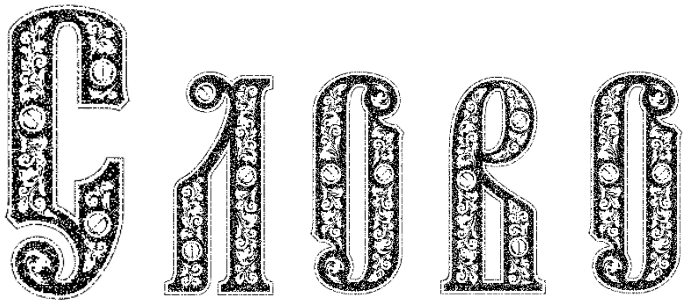
Проект «Homo dicens:
человек, действующий с помощью слова»

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГПУ

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ...

ТОМ 2

Москва
2026

УДК 39, 81, 82
ББК 80/84
В11

Публикуется по решению
Ученого совета института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

Редакционная коллегия:

Абрашина Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент
Геймбух Е.Ю., доктор филологических наук, профессор
Захарова М.В., кандидат филологических наук, доцент
(составитель, ответственный редактор)
Иванова Е.Р., доктор филологических наук, профессор
Райкова И.Н., кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:
Сироткина Т.А.,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры филологического образования и журналистики
Сургутского государственного педагогического университета

Бак Х.,
Doctor of Philosophy,
профессор кафедры русского языка и литературы
Университета Ататюрка (Эрзурум, Турция)

В11

В поисках смыслов…: Сборник научных статей: в 3 томах. Том 2. «Слово» / Сост. и отв. ред. М. В. Захарова. М.: МГПУ, 2026. — 319 с.

Сборник включает в себя научные статьи по материалам ежегодных научных конференций, проводимых в Московском городском педагогическом университете в рамках проекта по продвижению русского языка в мире «Homo dicens: человек, действующий с помощью слова». Издание адресовано преподавателям, научным работникам, аспирантам, студентам, школьным учителям и всем, кто интересуется современными проблемами языка, литературы, культуры, коммуникации.

© Авторы, 2026
© МГПУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Картина мира: сознание человека, выраженное в слове

Астахов Н.А.
Влияние интернет-медиа на современный английский язык
на лексико-семантическом уровне…….……9

Волкова Е.Р.
Концепт «любимый» в русской языковой картине мира…….……17

Волкова Е.Р.
Ольфакторный код розы в русской языковой картине мира……..……25

Ершова Е.В.
Между чувством и расчетом: социальный аспект
матримониального поведения купечества Санкт-Петербурга
во второй половине XVIII в. (по данным метрических книг) ……37

Жеребков И.А.
Роль мифов в культуре Китая на примере легенды о Мэн Цзяннюй……47

Игнатов М.С.
Исследование влияния профессиональной сферы
на восприятие людьми окружающего мира
(на примере концепта «земля») ……57

Карабанова М.И.
Использование титров для создания интерактивной языковой среды
на примере платформы RUTUBE…….66

Кучашвили С.К.
Женский взгляд на город: женщина и мегаполис в литературе США……..73

Марченко В.В.
Эмотивное пространство псковских пословиц и поговорок
с соматическим компонентом……...82

Скоковская Я.Д.
Механистические метафоры:
анализ современного французского экономического дискурса…….89

Сумцова Д.К.
Этимологические связи слов «тесть» и «зять»
(внутренняя форма, родственные слова,
особенности в современных говорах)……..98

Чижикова В.Е.
Изменение семантики медицинских терминов в интернет-дискурсе…….103

Раздел II. Структура языка: слово как объект анализа

Бутина К.Г.
Субстантивированные причастия
и их семантико-грамматические признаки……...…….……*113*

Евдокимова Я.А.
Трансформация языковых форм русского и английского языков
в процессе номинации ЖК……..……124

Еремеева С.А.
Речевой жанр «объяснение» и его субжанры
во врачебном телевизионном дискурсе……..……133

Карасева Н.А.
Урбанонимы с суффиксом -к- в диахронном аспекте (XX–XXI вв.) …..……141

Кирюткина Е.С.
Словообразовательная и семантическая специфика
сложных существительных модели «имя сущ. + (о) + глагольная основа»
(на материале слов: снегоход, дымоход, ледоход, пароход, мореход) ……..…152

Матук М.Х.
Универсальная модель метафоры (УММ):
новый способ понимания метафор и окружающего мира……164

Поляков А.Г.
Синтаксис игровой вербальной инвективы……...…169

Поштанова Е.Д.
К вопросу о терминологии в области вымышленных языков……..……176

Пузакова Е.Д.
От руки до правой стороны: от физиологии до семасиологии…….……181

Синчугов М.В.
Метафорическая репрезентация архетипа орган
в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века……...…189

Филимонова А.Р.
Названия летательных аппаратов
с культурным и символическим смыслом в китайском языке……..……196

Щулькина Е.В.
Семантическая структура имен существительных
модели под- + имя сущ. + ник…….……205

Раздел III.
Столкновение культур: слово в сравнении, сопоставлении и переводе

Бригаденко Л.П.
Передача древнегреческого субстантивированного инфинитива
в древнерусской «пчеле» ……216

Голованова Д.С.
М.А. Булгаков и Г. Уэллс: параллели, сходства, различия……224

Гришкина М.С., Скорбенко А.Д.
Проблемы поэтического перевода рок-оперы «Mozart l'opera rock»
с помощью искусственного интеллекта……231

Кармолиева Л.Р.
Специфика трансмедиального перевода
пьесы Ренаты Литвиновой «Северный ветер» ……239

Корсакова В.А.
Актуальные проблемы перевода,
обусловленные грамматическими особенностями английского языка
(на материале современного разговорного дискурса) ……252

Мамбетназаров М.К.
Процессы деривации в русском и немецком языках
при обозначении рода деятельности людей……262

Скорбенко А.Д.
Сравнительно-сопоставительный анализ
перевода лексических единиц с французского языка на русский
в произведении Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак»,
исходя из звуковой оболочки слова……268

Строганова В.Р.
Особенности передачи глаголов движения to walk и to stroll
на русский язык: профессиональный и машинный перевод……276

Чижикова В.Е.
Детерминативы имени существительного как единица перевода
(на материале мемуаров принца Гарри «Spare»
в переводе на романские / германские языки) ……286

Шудегова Ю.Е.
Речевые модели выражения несогласия в переводческой практике
(на материале англоязычных статей из ИноСМИ.ру)……296

Якушонок П.А.
Лингвокультурный анализ фразеологических единиц
с компонентами-названиями одежды
в русском, английском и французском языках……306

Сведения об авторах……312

Сборник, который вы держите в руках, — второй том в ежегодной серии публикаций по итогам конференций проекта «Homo dicens: человек, действующий с помощью слова». Этот проект уже несколько лет объединяет молодых исследователей, для которых язык — не просто система знаков, а живая стихия человеческого бытия, инструмент познания, средство самоопределения и мост между культурами.

Ежегодно в рамках проекта проходят две конференции: осенняя — «В поисках смыслов», весенняя — «Homo dicens». Масштаб и разнообразие представленных работ столь велики, что в этом году мы решили выпустить три тома. Первый том, «Текст», уже увидел свет. Второй, который вы сейчас открываете, посвящён **Слову** — его природе, его внутренней форме, его способности отражать и формировать картину мира. Третий том, «Мир», находится в печати и будет посвящён тому, как слово структурирует окружающую действительность и культурные пространства.

Главная идея, пронизывающая все работы этого сборника, — слово как ключ к сознанию человека. В каждой статье, на разном материале и с разных методологических позиций, прослеживается один и тот же вопрос: как слово вмещает в себя мысль, чувство, образ, ценность? Как оно связывает внутренний мир человека с внешним миром — природным, социальным, культурным? И как, в свою очередь, изменяясь в потоке времени и в столкновении с другими языками, слово меняет и само мышление?

Сборник состоит из трёх разделов, каждый из которых высвечивает свою грань этого сложного отношения.

Первый раздел — «Картина мира: сознание человека, выраженное в слове» — сосредоточен на том, как язык фиксирует восприятие реальности. Здесь рассматриваются концепты, лежащие в основе национальных мировоззрений: любовь, земля, аромат розы, тело, город, профессиональный опыт. Исследуются механизмы метафорического осмысления — от медицинского дискурса до экономической риторики, от пословиц до интернет-коммуникации. Особое внимание уделяется тому, как современные медиа (титры на видеоплатформах, новостные ленты, интернет-форумы) вторгаются в языковую ткань, порождая новые смыслы и трансформируя старые. Работы этого раздела показывают: картина мира не дана раз и навсегда — она постоянно перестраивается под влиянием времени, технологий и социальных изменений, и слово оказывается главным инструментом этой перестройки.

Второй раздел — «Структура языка: слово как объект анализа» — обращает внимание на внутреннее устройство языковой системы. Здесь исследуются словообразовательные модели, семантические переходы, грамматические категории и синтаксические конструкции. Молодые учёные анализируют, как образуются сложные существительные, как функционируют субстантивированные причастия, как изменяются урбанонимы и названия артефактов. Предлагаются новые теоретические модели — например, универсальная модель метафоры — и уточняется терминология в таких областях, как искусственные языки или игровая инвектива. Этот раздел демонстрирует, что за каждым словом стоит строгая логика: языковая система

живёт по своим законам, и понять эти законы — значит приблизиться к пониманию самого механизма мышления.

Третий раздел — «Столкновение культур: слово в сравнении, сопоставлении и переводе» — выводит исследование за пределы одного языка. Здесь сопоставляются русский, английский, французский, немецкий, китайский и древнегреческий языки. Рассматриваются проблемы перевода художественных и документальных текстов, анализируются межъязыковые параллели и расхождения в фразеологии, грамматике, звуковой организации. Особый интерес вызывают работы о машинном и профессиональном переводе, о трансмедиальных адаптациях, о том, как различия в языковых системах влияют на передачу смысла. Этот раздел убедительно показывает, что перевод — это не техническая операция, а глубокий акт межкультурного посредничества, в котором слово становится полем битвы и диалога двух картин мира.

Всего в сборник вошли работы, охватывающие широчайший спектр тем: от этимологии древнерусских текстов до анализа современных социальных сетей, от диалектологии до искусственного интеллекта. Авторы — аспиранты, магистранты и студенты из разных городов и университетов. Их объединяет не только научная любознательность, но и убеждение, что слово — это главная стихия человеческого существования. Именно слово делает нас людьми, именно через слово мы действуем, творим, понимаем друг друга и самих себя.

Мы благодарим всех участников конференций, рецензентов и редакторов, кто сделал возможным выход этого тома. Особую признательность выражаем научным руководителям, чья поддержка и мудрость помогли молодым исследователям сделать первые, но очень уверенные шаги в большую науку.

Второй том «Слово» продолжает диалог, начатый в томе «Текст», и одновременно задаёт новые вопросы, на которые будет искать ответы третий том «Мир». Вместе они составляют целостную картину того, как Homo dicens — человек, действующий с помощью слова — осмысляет, структурирует и преобразует реальность.

Приятного чтения и новых открытий!

Редакционная коллегия

Раздел I. Картина мира: сознание человека, выраженное в слове

Н.А. Астахов (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
2 курс, магистрант
Научный руководитель: ***И.Н. Пучкова***

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕДИА НА СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В статье анализируются примеры неологизмов, возникших в виртуальных сообществах, и механизмы их перехода в область общеупотребительной лексики, определяются механизмы, благодаря которым процессы функционирования интернет-медиа способствуют появлению, закреплению и изменению значений слов.

Ключевые слова: английский язык, неологизм, сленг, интернет-медиа, лексика, семантика.

Данная статья посвящена анализу влияния интернет-медиа на формирование и изменение лексики и семантики современного английского языка. Актуальность работы связана с увеличением значимости роли интернет-коммуникации в расширении степени употребления новых лексических единиц. Анализ современных неологизмов способствует лучшему пониманию современного состояния английского языка и дает возможности для понимания основных тенденций развития его лексико-семантического уровня.

Цель работы – выявить лингвистические и экстралингвистические механизмы лексико-семантических изменений неологизмов в современном английском языке под влиянием интернет-медиа, а также определить тенденции их перехода из специализированных виртуальных сообществ в общеупотребительную лексику.

Поставленные задачи для достижения цели работы: выявить причины влияния интернет-коммуникации на словарный состав английского языка и семантику слов; выявить механизмы вхождения специфических терминов, возникших в сфере интернет-коммуникации, в сферу общеупотребительной лексики.

Ключевым для исследования является термин «неологизм», определяемый как новое слово, выражение или значение, возникшее в языке в определенный

период и еще не закрепившееся полностью в нормах литературного языка.[1] В основе понимания процессов неологизации и типологии новых лексических единиц лежит работа В.И. Заботкиной «Новая лексика современного английского языка» с определением классификации неологизмов на семантические инновации, трансноминации и собственно неологизмы.[2] Для понимания технологического контекста, обуславливающего лексико-семантические изменения в современном английском языке, были рассмотрены работы лингвиста Д. Кристала, посвященные ускорению процессов заимствования, возникновению новых национальных вариантов английского языка, а также влиянию цифровой коммуникации на язык.[3] Таким образом, в область исследования входят проблемы, непосредственно связанные с неологизмами, требующие более детального рассмотрения: проблема фиксации в словарях новых лексико-семантических изменений, вошедших в область общеупотребительной лексики; проблема описания механизмов изменений на лексико-семантическом уровне английского языка под влиянием интернет-медиа.

Основные методы исследования – обзор литературы, анализ фактического употребления неологизмов в интернет-медиа на основе данных из открытых источников в сети Интернет, корпусный анализ.

Материал исследования – данные из языковых корпусов английского языка Google Ngram Viewer, NOW Corpus, SKELL, онлайн-словари Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries.

Новизна исследования заключается в выявлении на основе корпусных данных тенденций влияния современных интернет-медиа на лексико-семантический уровень английского языка и определении процессов лексико-семантических изменений выбранных неологизмов от момента вхождения в язык до августа 2025 года.

[1] Брагина А.А. Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей. М.: 1973. 224 с.

[2] Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. / М.: Высшая школа, 1989. С. 45–95.

[3] Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 150 с.
Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 с.

Специфика функционирования современных интернет-медиа значительно способствует изменению английского языка. Интернет-медиа, такие как социальные сети, мессенджеры, видеочаты, многопользовательские видеоигры, онлайн-платформы прямых трансляций, форумы и другие средства виртуального общения, позволяют людям со схожими интересами объединяться в виртуальные сообщества независимо от их географического положения, возраста или национальности. В этих сообществах возникают уникальные способы коммуникации, которые часто отражают ценности, нормы и особенности конкретной группы. Закономерно, что в малых виртуальных сообществах появляются неологизмы, служащие либо для обозначения принадлежности участника к данному сообществу, либо для обозначения явлений, характерных или актуальных для этого сообщества.

Рассмотрим переход неологизма из специализированного интернет-сообщества в область общеупотребительной лексики на примере слова «speedrun». Согласно определению Кембриджского словаря, «speedrun» обозначает максимально быстрое прохождение компьютерной игры или ее части, в том числе с помощью выявленных технических ошибок или недочетов разработчиков, либо выполнение чего-либо значительно быстрее, чем обычно.[1] Этот неологизм стал широко употребляться в англоговорящем интернет-сообществе приблизительно в 2016 году как средство обозначения способа прохождения видеоигр, однако на тот период не вошел в область общеупотребительной лексики.[2] Слово «speedrun» стало также и маркером идентичности внутри виртуального игрового сообщества, обозначая цели и навыки участников. Например[3], «Whether you're playing for a speedrun, a no-damage run…»[4], «…any % speedrun is already below 1 hour…»[5] С появлением турниров с призовыми фондами и ростом внимания к ним интернет-медиа слово

[1] Speedrun // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/speedrun (дата обращения: 01.10.2025)
[2] Google Ngram Viewer URL: https://books.google.com/ngrams/ (дата обращения: 01.10.2025)
[3] NOW Corpus (News on the Web). URL: https://www.english-corpora.org/now/ (дата обращения: 01.10.2025)
[4] «Независимо от того, выбираете ли вы скоростное прохождение, прохождение без урона…» (здесь и далее перевод автора).
[5] «…скоростное прохождение на любой процент уже составляет менее одного часа…»

«speedrun» стало широко употребительным, и в 2024 году было внесено в Кембриджский словарь. Оно распространилось за пределы игровых сообществ и перешло в сферу обиходной коммуникации, например: «I tried to speedrun college but it affected my mental health»[1]. Таким образом, слово «speedrun» из узкоспециализированного термина перешло в общеупотребительную лексику английского языка.

Согласно определению Кембриджского словаря, «rizz» обозначает способность привлекать внимание людей и вызывать у них симпатию.[2] Изначально слово «rizz» использовалось как в социальных сетях как наименование игрового, ироничного, дурашливого поведения, но к 2021 году оно приобрело широкое распространение среди участников интернет-сообществ, посвященных обсуждению романтических отношений уже в значении способности быть привлекательным или стремления привлечь внимание другого в романтическом или сексуальном плане. Согласно алгоритму работы интернет-медиа, действия пользователей автоматически анализируются и выводятся в данные, содержащие список персональных интересов и привлекательной для пользователей лексики [Crystal, 2001: 120–135]. На основе этих данных интернет-медиа продвигают контент, содержащий именно эту лексику. Таким образом создается эффект снежного кома: чем чаще пользователь взаимодействует со словом, тем чаще оно появляется перед ним, а следовательно, растет вероятность его нового использования, что способствует закреплению слова в пассивном, а затем и в активном словаре пользователя. В 2022–2023 годах профессиональные создатели контента, осведомленные об алгоритмах работы интернет-медиа, и в частности социальных сетей, начали активно использовать слово «rizz» для привлечения новой аудитории. Это стимулировало рост интереса к слову и его дальнейшее распространение среди пользователей. Таким образом, слово «rizz» демонстрирует, как интернет-медиа послужили виртуальным пространством для организации интернет-сообщества, создавшего неологизм,

[1] «Я пытался закончить колледж как можно быстрее, но это подорвало мое душевное здоровье».

[2] Rizz // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rizz (дата обращения: 01.10.2025)

который, в свою очередь, был распространен при помощи алгоритмов работы социальных сетей. Интернет-медиа поспособствовали возникновению неологизма и позже сделали возможным его переход в область лексики общего употребления.

Однако данные алгоритмы работы могут способствовать и снижению употребления определенных лексем, примером чего является слово «unalive», что можно перевести как «разоживить». Алгоритмы работы интернет-медиа предполагают автоматическое ограничение взаимодействия с контентом на определенные темы, вызывающие негативную реакцию, что выражается, например, в блокировке или снижении просмотров контента, содержащего слова «die», «kill», «murder», что переводятся как «умереть», «убить», «совершить умышленное убийство». Фактически это форма автоматической цензуры, встроенная в алгоритмы работы онлайн-платформ для поощрения их пользователей в употреблении слов с нейтральной эмоциональной коннотацией. Профессиональные создатели контента адаптировались к таким ограничениям, используя неологизм «unalive» с целью эвфемизации и обхода запретов. Например, журналисты могут писать «…how Judy had planned to unalive him», что переводится как «…как Джуди планировала разоживить его», и использовать неологизм «to unalive» вместо «to kill» – общеупотребимого слова в значении «убить».[1] В результате автоматического цензурирования и подкрепления употребления эвфемизма алгоритмами пользователи интернет-медиа оказались в ситуации, когда любое виртуальное обсуждение соответствующей темы происходило только с использованием лексемы «unalive». Таким образом современные интернет-медиа способствуют формированию новых эвфемизмов, которые возникают изначально для соответствия требованиям алгоритмов социальных сетей с нейтральной эмоциональной коннотацией, но с распространением употребления приобретают потенциал к переходу в сферу общеупотребительной лексики.

[1] NOW Corpus (News on the Web). URL: https://www.english-corpora.org/now/ (дата обращения: 01.10.2025)

Еще одна тенденция, которую можно выделить, – это популяризация под влиянием интернет-медиа авторских неологизмов, изначально возникших в художественной литературе, и их переход в общее употребление. Так, в 2025 году получил распространение неологизм «clanker»[1], ранее встречавшийся преимущественно в научно-фантастических произведениях, где использовался как уничижительный термин для обозначения роботов – в русском языке семантически схоже слово «железяка». В настоящее время значение слова расширилось и представляет собой уничижительное наименование искусственного интеллекта или нейросетей, употребляемое в обиходной коммуникации. Современное употребление в интернет-медиа, особенно в социальных сетях, преимущественно связано с критикой некорректной работы моделей искусственного интеллекта, неэтичного применения технологий людьми или прямым оскорблением. Пример употребления пользователем данного неологизма «When I'm applying for Jobs and I have to talk with a clanker first», что переводится как «Когда я устраиваюсь на работу и мне сначала приходится поговорить с железякой» иллюстрирует негодование из-за необходимости взаимодействовать с автоответчиком перед переключением линии на оператора-человека. Другой пример сообщения с использованием неологизма «My new bill makes sure you don't have to talk to a clanker if you don't want to», что переводится как «Мой новый законопроект будет гарантировать, что вам не придется разговаривать с железякой, если вы этого не захотите», иллюстрирует, как пользователь предлагает запрет вынужденного взаимодействия с автоответчиками на фоне предполагаемого общего негативного отношения к нейросетям. При дальнейшем употреблении и расширении значения неологизм «clanker» может начать использоваться в отношении людей, принадлежащих к определенной социальной группе, например, выполняющих рутинную работу, которую мог бы заменить искусственный интеллект, что означало бы дальнейшую смену культурной, социальной коннотации неологизма. Таким образом, слово «clanker» иллюстрирует процесс изменения

[1] NOW Corpus (News on the Web). URL: https://www.english-corpora.org/now/ (дата обращения: 01.10.2025)

семантики авторского неологизма из художественной литературы с потенциалом для интеграции в общеупотребительную лексику.

Современные интернет-медиа становятся не только средством коммуникации, но и активным фактором формирования английского языка [Crystal, 2001: 270]. Рассмотренные в статье примеры «unalive», «speedrun», «rizz» и «clanker» демонстрируют, как неологизмы возникают, закрепляются внутри специализированных сообществ и затем переходят в разряд общеупотребительной лексики [Заботкина, 1989: 90], в том числе через эвфемизацию и расширение значения. Алгоритмы социальных сетей и их системы рекомендаций контента пользователям способствуют закреплению употребления конкретных слов. Процесс перехода неологизмов, появившихся в интернет-медиа в области общеупотребительной лексики, показывает, что современный английский язык находится в том числе и под влиянием доступного в интернете медиа-контента. Новые слова несут в себе культурные, эмоциональные и социальные коннотации, формируя интересы современного общества. Таким образом, изучение неологизмов позволяет лучше понять состояние современного английского языка, его изменения и влияние виртуальных сообществ на лексическое и семантическое развитие английского языка.

Источники

Cambridge Dictionary. Онлайн-словарь издательства Кембриджского университета. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 01.10.2025).

Google Ngram Viewer. Интерфейс для поиска по корпусу Google Books. URL: https://books.google.com/ngrams/ (дата обращения: 01.10.2025).

NOW Corpus. The News on the Web Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/now/ (дата обращения: 01.10.2025).

Oxford Learner's Dictionaries. Онлайн-словарь для изучающих английский язык издательства Oxford University Press. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 01.10.2025).

SKELL. Sketch Engine for Language Learning. URL: https://skell.sketchengine.eu/#home?lang=en (дата обращения: 01.10.2025).

Литература

Брагина А.А. Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей. М.: 1973. 224 с.

Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.

Шалина Л.В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. №8. С. 73-77.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 150 c.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 c.

Е.Р. Волкова (Россия, Москва)
Московский городской педагогический университет
5 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***М.В. Захарова***

КОНЦЕПТ «ЛЮБИМЫЙ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена комплексному анализу концепта «любимый» как значимого фрагмента русской языковой картины мира. В работе рассматривается структура концептуального поля, выявленная в результате ассоциативного эксперимента с участием 139 носителей языка различных возрастных групп (сентябрь 2025 г.). Исследуется соотношение антропоцентрических и предметных ассоциаций в зависимости от контекстуального окружения стимула, а также анализируются перцептивные (цветовые) корреляты концепта. Особое внимание уделяется пересечению полей концептов «любимый», «родной» и «близкий», что позволяет уточнить структуру современного русскоязычного сознания. Результаты демонстрируют устойчивость ядра концепта, связанного с межличностными отношениями, и одновременно высокую вариативность периферии, реагирующей на изменение контекста.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, концептуальное поле, концепт, любимый.

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвященных концептуальному полю «ближний круг человека», и сосредоточена на рассмотрении входящего в него концепта «любимый». Обратимся к используемой нами терминологии и поясним, как мы понимаем термины *языковая картина мира, концепт и концептуальное поле*.

Мы, вслед за Н.А. Гончаровой, считаем, что *языковая картина мира* – это информация об окружающей среде, переработанная и зафиксированная в коллективном или индивидуальном сознании носителей данного языка и репрезентирующаяся средствами этого языка [Гончарова, 2012: 400]. Опираясь на исследования М.В. Захаровой, *концепт* мы понимаем как единицу ментального пространства языка, активизирующуюся вербальными и невербальными стимулами, а *концептуальное поле* как фрагмент общего концептуального пространства языка, который активизируется в момент стимуляции ключевого для данного поля концепта. В этот же момент активизируются и фрагменты других концептов, связанных или сходных с ключевым для сознания конкретного носителя языка [Захарова, 2022: 418–419].

Выбор концепта «любимый» для исследования не случаен. В отличие от существительного «любовь», прилагательное «любимый» обладает более

конкретной семантикой «выделенности» объекта из ряда подобных. Перед началом исследования мы предположили, что концепт «любимый» окажется в бóльшей степени антропоцентричным.

Для верификации гипотезы в сентябре 2025 года нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Общая выборка составила 139 респондентов, из которых возрастную категорию «младше 15 лет» разделили учащиеся трех классов: шестого (16 человек), седьмого (19 человек) и восьмого (18 человек). Самой обширной возрастной группой стала группа реципиентов «15–25 лет»: 71 студент и 1 учащийся 9 класса. Два сектора с соответствующими названиями заняли большую часть диаграммы (диагр. 1).

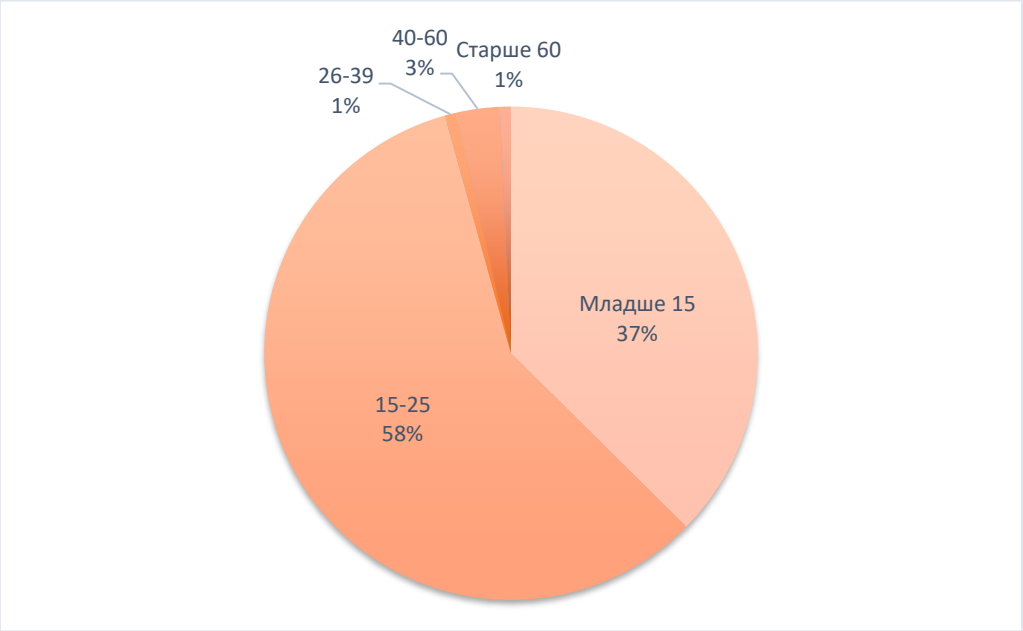

Диаграмма 1. Возрастные категории.

Преобладание в выборке студентов (более 50%) позволяет нам квалифицировать полученные данные как срез языкового сознания наиболее активной в коммуникативном плане возрастной группы – молодежи, получающей высшее образование.

Ассоциативный эксперимент проводился в три этапа. Описание и результаты каждого этапа эксперимента представлены в соответствующих разделах далее.

Анализ и интерпретация результатов

Раздел 1. Ядерные ассоциации: одушевленное или неодушевленное.

На первом этапе стимулом выступал ряд прилагательных, включающий лексемы *красивый, деревянный, зеленый, любимый, круглый, добрый*. Задачей было вычленить реакции именно на стимул «любимый». Полученные реакции были разделены нами на два основных класса: одушевленные и неодушевленные (диагр. 2).

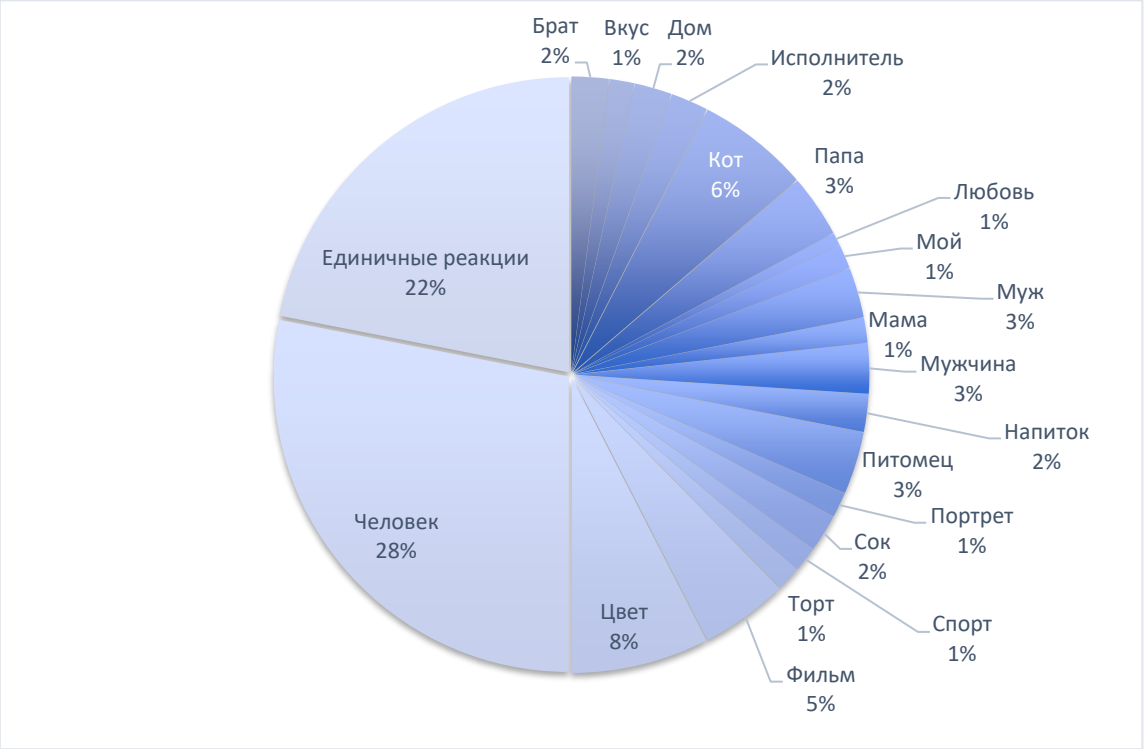

Диаграмма 2. Раздел 1. «Любимый» – ассоциации.

Количественные показатели распределились следующим образом:

- **Одушевленные ассоциации:** 87 реакций (63,9%).
- **Неодушевленные ассоциации:** 49 реакций (36,1%).

Полученное соотношение свидетельствует о выраженной антропоцентрической природе концепта «любимый». В сознании носителя русского языка при неконтекстуализированном предъявлении стимула активируются в первую очередь образы живых существ, и, прежде всего, человека. Очевидно, что ядерная зона концепта образована лексемой «человек», а ближайшую периферию составляют домашние питомцы (*кот, питомец*), близкие родственники (*муж, папа, брат*) и объекты неодушевленные, нравящиеся нашим реципиентам по какому-то признаку (*торт, сок,* – вкусный, сладкий; *фильм* – объект эстетического потребления и др.).

Интересна названная двумя реципиентами реакция «исполнитель»: само по себе существительное является одушевленным, поэтому данная реакция и была отнесена нами к соответствующей группе, хотя по смыслу конструкция *любимый исполнитель* аналогична «любимому фильму»: носитель языка отмечает не личные качества человека, а продукт его творчества.

Отдельного внимания заслуживает единичная реакция *мама*. На первый взгляд кажется удивительным, что при столь высокой значимости материнской фигуры в русской культуре она практически не вербализуется в ответах. Однако это объясняется особенностями условий нашего эксперимента: респондентам предлагалось записать ассоциации к прилагательному *«*любимый*»*, имеющему грамматический показатель мужского рода. В силу языковой инерции испытуемые стремились подбирать согласованные по роду существительные. Реакция *мама* в этом контексте выступает отступлением от формально-грамматического шаблона, свидетельствуя о том, что для данного респондента эмоциональная связь с матерью оказалась сильнее языкового автоматизма. В этом случае мы однозначно можем говорить, что даже единичное появление лексемы значимо: оно маркирует ядерное положение концепта «мама» в структуре концептуального поля «ближний круг человека», несмотря на его латентное присутствие в более частотных ответах типа «человек» или «родной».

Раздел 2. Контекстуальная динамика: расширение поля.

На втором этапе респондентам был предъявлен семантически связанный ряд слов: *родной, важный, близкий, дорогой, любимый, нужный*. При помещении стимула «любимый» в данный синонимический ряд, соотношение одушевленных и неодушевленных реакций меняется (диагр. 3).

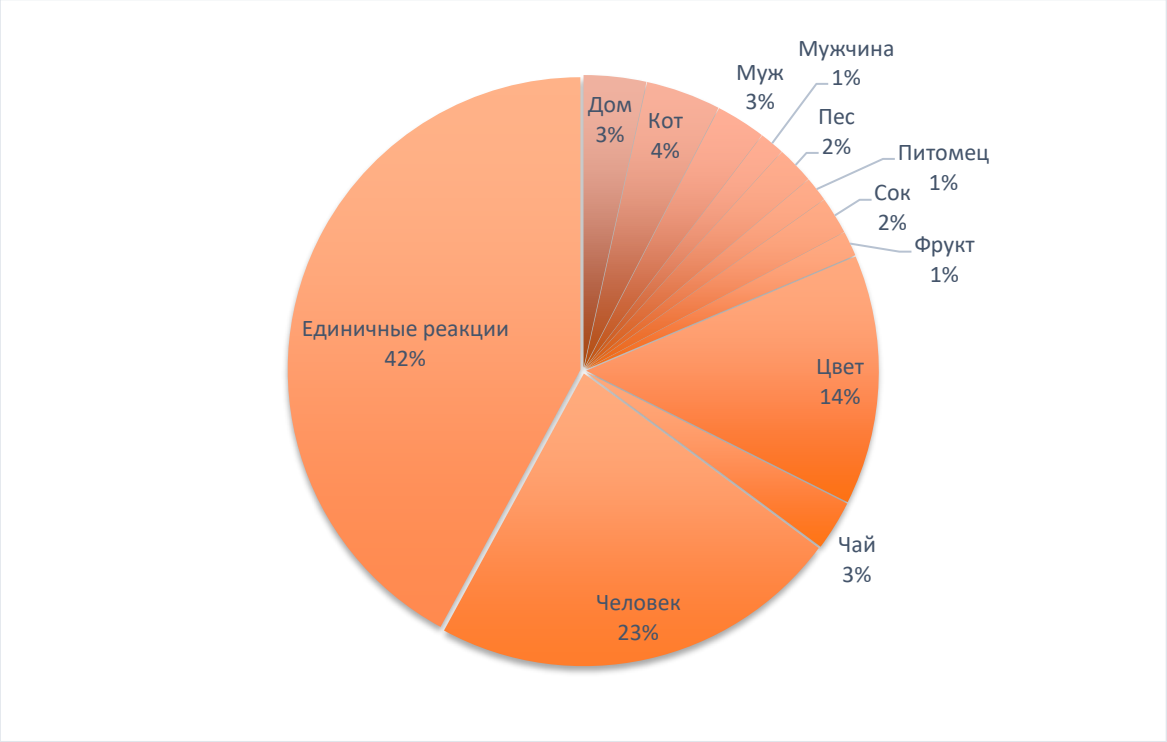

Диаграмма 3. Раздел 2. «Любимый» – ассоциации.

Результаты по данному разделу демонстрируют кардинальное изменение пропорций:

- **Одушевленные ассоциации:** 74 реакции (50,3%).
- **Неодушевленные ассоциации:** 73 реакции (49,7%).

Практически идеальное равновесие (50/50) указывает на то, что при включении концепта «любимый» в один ряд с концептами «родной», «близкий» и «нужный» происходит активация более широкого ментального пространства. Семантика слов *важный* и *нужный* переводит фокус внимания с эмоциональной привязанности на прагматическую значимость.

В данном контексте «любимый» начинает функционировать как атрибут не только человека, но и деятельности, инструментария, увлечений. В сознании реципиентов актуализируются связи: *любимая работа*, *любимое кресло*, *любимая еда*, *любимый писатель*. Важно отметить, что переход в зону неодушевленных объектов не снижает аксиологического статуса концепта; напротив, он демонстрирует его универсальность. Сопоставление с лексемой *родной* позволяет выявить культурно специфичную черту: в русской ЯКМ «любимый» и «родной» часто синонимизируются в значении «внутренне близкий», что

подтверждается практически идентичным распределением ассоциаций в этом блоке.

Раздел 3. Перцептивный код: цветовая ассоциация.

Третий этап эксперимента был посвящен выявлению невербального, цветового компонента концепта. Респондентам предлагалось назвать цвет, с которым у них ассоциируется понятие «любимый» (диагр. 4). Из 148 полученных ответов 72 (48,6%) являются прямыми цветообозначениями, остальные 76 (51,4%) – нецветовыми реакциями, которые частично дублируют ассоциации первых двух этапов (например, *человек, дом, кот, фильм*). Таким образом, почти половина участников оказалась способна вербализовать перцептивный образ концепта.

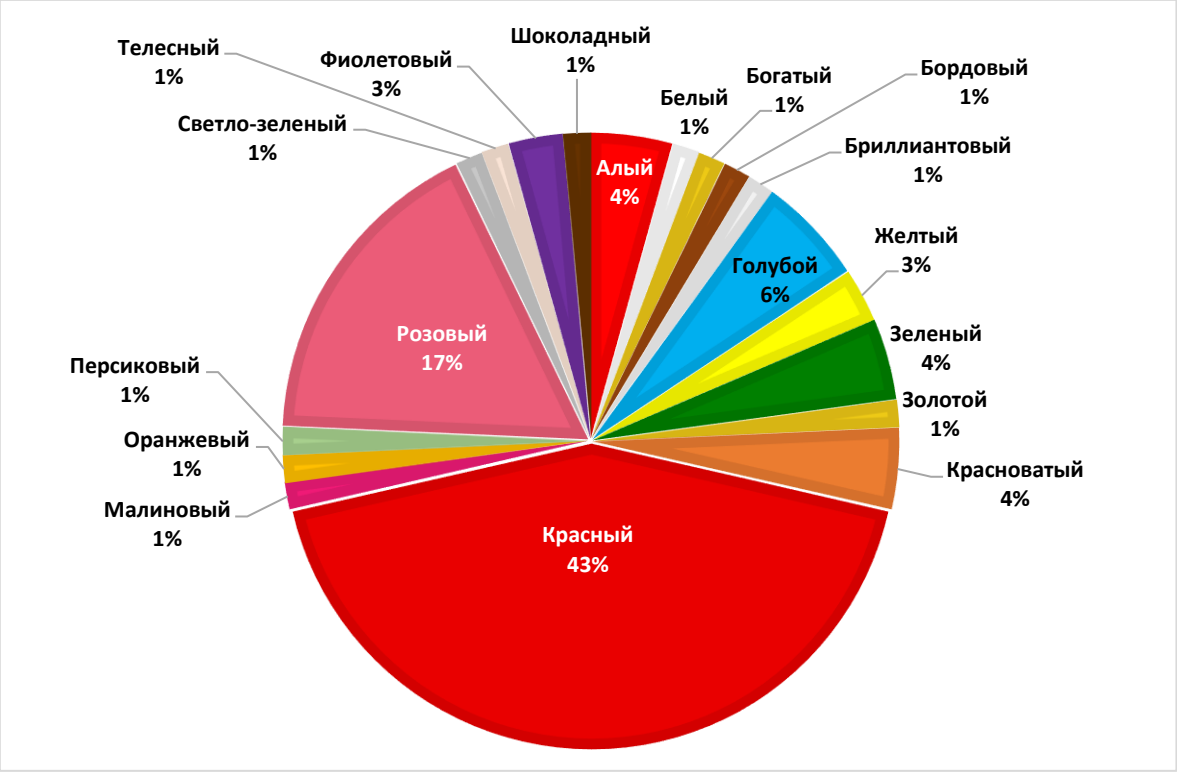

Диаграмма 3. Раздел 3. «Любимый» – цветовые ассоциации.

На основе полученных и проанализированных ответов можно констатировать абсолютное доминирование оттенков красного цвета (72%). Очевидно, что у реципиентов при столкновении со стимулом «любимый» возникают в первую очередь ассоциации, связанные с любовью и страстью (в том числе, телесностью), сердцем, жизненной энергией, внутренним и внешним теплом.

Сравнительно-сопоставительный анализ возрастных групп

Хотя полноценный анализ по возрастам, безусловно, требует большего объема данных, предварительное сопоставление реакций подростков (6–8 классы) и студентов позволяет наметить некоторые тенденции.

- **Подростки** в первом разделе чаще дают конкретные одушевленные ответы, тяготеющие к ближнему кругу (*мама, друг, собака*). В разделе 2 они более чувствительны к стимулу *нужный* в материальном смысле.
- Реакции **студентов** более абстрактны и метафоричны. В разделе 1 появляются такие ассоциации, как *вдохновение, жизнь, счастье*. В разделе 2 неодушевленные ассоциации чаще связаны с профессиональной сферой или хобби (*любимый проект, любимая музыка*).

Данное различие иллюстрирует динамику развития концептуального поля в сознании носителей русского языка: от конкретно-предметного и семейно-центричного в подростковом возрасте к более абстрактному и личностному в более старшем возрасте.

Выводы

1. Концепт «любимый» в русском языковом сознании имеет антропоцентрическую природу: при изолированном предъявлении 58,1% реакций – одушевленные, а наиболее частотным ответом является лексема «человек» (36 случаев из 148).

2. В контексте синонимического ряда *родной, важный, близкий, дорогой, нужный* доля неодушевленных реакций возрастает с 41,9% до 45,9%, причем лидирует лексема «цвет» (16 случаев из 98). Это демонстрирует гибкость концептуального поля и его способность включать прагматически значимые объекты повседневности.

3. Цветовая репрезентация концепта характеризуется преобладанием красного (30 ответов собственно «красный» и 52 по совокупности оттенки красного из 72 цветовых), что соответствует представлению о «любимом» как источнике тепла, страсти и эмоционального подъема.

4. В целом ядро концепта «любимый» составляют: **человек** (близкий, родной), **домашний питомец** (кот, пес), **фильм / цвет** (эстетический объект). Периферия варьируется в зависимости от контекста, охватывая как одушевленные (*муж, папа, брат*), так и неодушевленные (*торт, чай, сок*) референты.

Литература

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. С. 396-405.

Захарова М.В. Вода добрая и злая… (ценностные аспекты концептуального поля «вода» в сознании носителей современного русского языка // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2022. С. 418–433.

Захарова М.В. Животное VS зверь в сознании носителей современного русского языка // Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2023. С. 413–434.

Захарова М.В. Концептуальное поле «времена года» в русском языковом сознании // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2021. С. 370–385.

Захарова М.В. Особенности восприятия концептуального поля «насекомые» носителями современного русского языка // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2020. С. 274–286.

Е.Р. Волкова (Россия, Москва)
Московский городской педагогический университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***М.В. Захарова***

ОЛЬФА́КТОРНЫЙ КОД РОЗЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена изучению ольфа́кторного кода розы в русской языковой картине мира. Рассматриваются ответы, полученные в результате проведения эксперимента, участие в котором приняли 92 носителя современного русского языка. Автор приходит к выводу, что запах розы характеризуется амбивалентностью и активным использованием синестетических переносов (прежде всего вкусовой лексики), а ольфакторный код обладает относительной автономией по отношению к визуальному образу цветка.
Ключевые слова: русская языковая картина мира, концептуальное поле, концепт, ольфакторный код, роза.

В рамках продолжающего исследования языковой картины мира (далее – ЯКМ) носителей русского языка мы, вслед за Н.Н. Гончаровой, понимаем ЯКМ как информацию об окружающей среде, переработанную и зафиксированную в коллективном или индивидуальном сознании носителей данного языка, и репрезентирующаяся средствами языка [Гончарова, 2012: 400]. **ЯКМ** формируется с помощью концептуальных полей и концептов. Мы понимаем **концептуальное поле** как цельный фрагмент ментального пространства языка, актуализируемый семантически сходными в той или иной степени, но различными вербальными и невербальными стимулами. **Концепты** же представляют собой единицы ментального пространства языка, активизирующиеся вербальными и невербальными стимулами [Захарова, 2022: 418–419].

Фрагменты языковой картины мира определенным образом укладываются в сознании каждого носителя языка, исходя из культурного фона и личного опыта. Культурный фон, являясь общим для большинства носителей одного языка, «отвечает» за схожесть языковых картин мира двух разных носителей русского языка одного периода (назовем их носителем А и носителем Б). Личный опыт, наоборот, делает языковые картины мира носителей А и Б отличающимися друг от друга. Так, например, если носитель А всю жизнь прожил там, где водятся медведи, а носитель Б видел медведей только на картинках и в зоопарке, то

концепт «медведь» будет расположен у них в разных фрагментах картины мира. Реакции на вербальный или невербальный стимул *медведь* у таких носителей будут различаться в ситуациях, когда будет различаться их личный опыт, и совпадать при обращении к общекультурным фрагментам языкового сознания [Волкова 2024б].

Ольфа́кторный код – это система мотивов и образов, связанных с семантикой запаха. Одни и те же запахи могут вызывать у разных людей абсолютно разные спектры эмоций. То, как мы воспринимаем, описываем и делим на категории запахи, отражается в языке, в нашей системе знаков.

Ранее, в процессе исследования ближнего круга человека [Волкова, 2024, 2025], мы видели, что задача объяснить, какие люди для наших реципиентов являются *родными*, а какие *близкими*, – была достаточно сложной (в частности, нередко «близких» описывали, используя слово «родные», и наоборот). Интересно было попробовать посмотреть, как современные носители русского языка описывают достаточно хорошо известный им запах.

Для того, чтобы получить представление об ольфа́кторном коде розы в русской ЯКМ, мы обратились к национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ), а также провели психолингвистический эксперимент.

В НКРЯ мы воспользовались поиском точных форм. Мы выделили следующие потенциальные контексты: *«пахнет розой», «розовый запах», «роза пахнет», «розы пахнут», «запах розы», «запах роз», «запахи розы», «аромат роз», «аромат розы», «словно роза», «словно розы», «будто роза», «будто розы»*. Было найдено 129 употреблений. Из 129 контекстов только в 44 запах розы характеризовался каким-либо способом. Мы разделили обнаруженные примеры на четыре группы (табл. 1).

Группа	Примеры
1	Густой, **нежный**, **приятный**, **душный,** сильный, свежий, сладкий, тонкий; возвратный, особенный.

2	Еле уловимый, чуть ощутимый, страшно сильный, одуряющий, нестерпимо режущий.
3	Обдает, врывается, стоит в воздухе пряной волной, ударяет в лицо.
4	«Розы пахнут росой и медом», «запах роз сплетался в воздухе с ароматом женских духов», «роза пахнет лимоном, Испанией и смертью».

Таблица 1. НКРЯ.

В первой группе собраны характеристики запаха. Оценочные выделены жирным шрифтом – ***нежный, приятный, душный***. Наряду с ярко выраженной позитивной коннотацией у первых двух слов, слово «душный» имеет негативную коннотацию. Это связано с ощущением избыточности запаха, и, как следствие, с затруднением для дыхания.

Из первой группы мы получаем представление о запахе розы, основанное на сенсорном восприятии: плотность, интенсивность, вкусовое восприятие (сладкий); также есть субъективная оценка (приятен или неприятен). Из общей системы выбивается единожды встреченная характеристика «особенный». Она подчеркивает не только сложность интерпретации запаха с точки зрения объективной его оценки, но и сосредотачивает внимание на его уникальности в восприятии конкретного человека.

Вторая группа демонстрирует нам широкий спектр интенсивности запаха: от еле уловимого до нестерпимо режущего. Он создается с помощью конструкций с наречиями меры и степени (*еле, чуть, нестерпимо*) и усилителей (***страшно*** *сильный* – в значении «очень»).

В третьей группе даны глагольные характеристики. Они указывают на активное, даже негативно резкое воздействие запаха розы на человека. Запах воспринимается как нечто одушевленное, более сильное, чем человек. Попытки описать запах построены на физическом воздействии (*ударяет в лицо* – прямая агрессия, физическое воздействие; *стоит в воздухе пряной волной* – угроза (волна не может стоять, это ощущение возникает у человека, когда большая волна над ним зависает, а затем обрушивается на него – примеры с использованием глаголов *обдает* и *врывается*).

В четвертой группе объединены развернутые характеристики. Здесь мы можем говорить о запахе как о невербальном стимуле. Запах розы активирует воспоминания и актуализирует иные, зафиксированные в сознании образы и представления. В первом примере запах очевидно приятен и вызывает воспоминания о светлом и родном (*роза пахнет росой и медом*). Во втором – связывается с женской стихией. В третьем, напротив, имеет сложную, во многом негативную коннотацию: *«Она стояла, склонившись над розой, всего один момент, затем выпрямилась и подняла на меня глаза, все так же спокойно и серьезно. Я не скрывал нетерпенья.*

– Вы уловили? Чем она, по вашему, пахнет?

– Эта роза пахнет лимоном, Испанией и смертью»[1].

Судя по примерам из НКРЯ, у запаха розы есть и позитивная и негативная коннотации, первая преобладает. Амбивалентность запаха розы проявляется на нескольких уровнях восприятия:

- на уровне интенсивности (*нежный/страшно сильный, одуряющий*);
- на уровне физического воздействия (*чуть ощутимый/нестерпимо режущий*);
- на уровне степени впечатления, производимого на реципиента этим запахом (*пахнет росой и медом / пахнет лимоном, Испанией и смертью*).

Конечно, амбивалентность характеристик запаха объясняется природой цветка: нежные лепестки и острые шипы. Интересно, что это, в первую очередь, не визуальная, а тактильная характеристика, которая, однако, неоднократно освещалась в литературе в символическом и метафорическом значении (возьмем, например, Розу из «Маленького принца»). *«Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом.* ***Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету****...»; «Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь»* [Экзюпери, URL].

[1] Сахновский И.Ф. Бахчисарайские розы. Из цикла рассказов «Счастливцы и безумцы».

В марте 2025 года мы провели психолингвистический эксперимент, участие в котором приняли 92 носителя современного русского языка (преимущественно это были студенты 1–4 курсов вузов). Эксперимент состоял из двух частей.

Первая часть эксперимента – ассоциативный эксперимент с визуальной стимуляцией. Мы предложили реципиентам 9 изображений, которые, с нашей точки зрения, могли бы вызвать у них ассоциации с розами, а главное, с их запахом (рис. 1). Вопрос ко всем визуальным стимулам был задан один: «Чем пахнет от этих фотографий?» Мы просили назвать сами запахи, а не ассоциации, связанные с ними.

Рисунок 1. Первая часть эксперимента. Визуальные стимулы.

Среди 9 визуальных стимулов только последние 4 вызвали ассоциации, называющие запахи цветов, запах розы называли в 26% таких ответов – всего 28 реакций. На диаграмме показано, как они были распределены (диагр. 1).

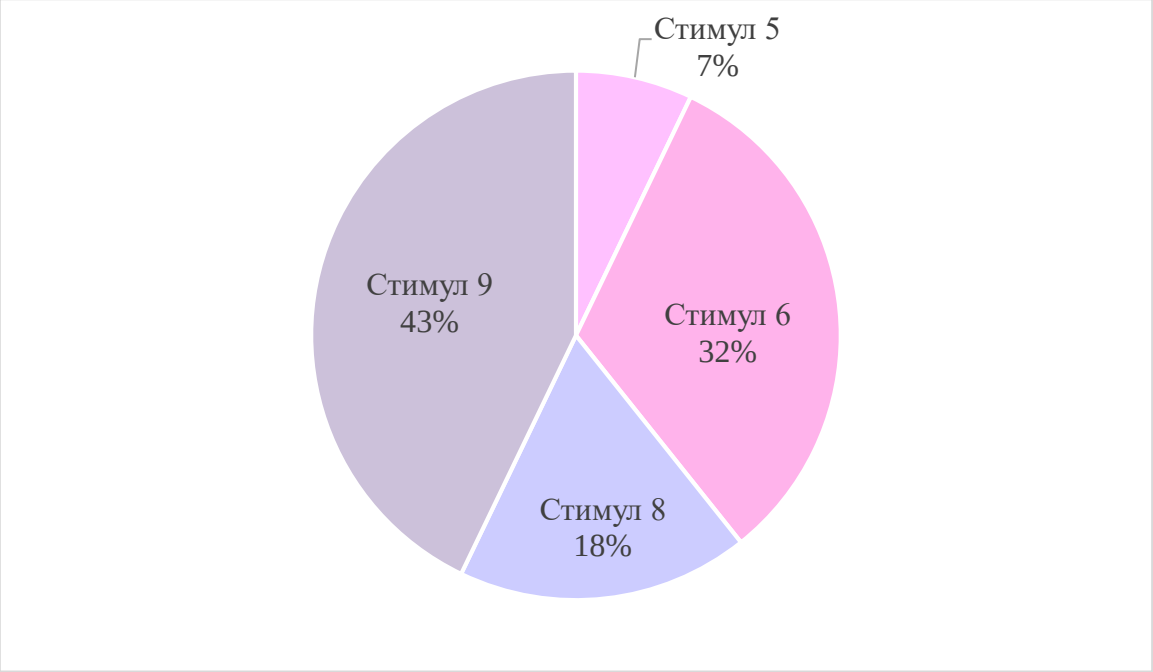

Диаграмма 1. Запах розы.

Очевидно, что стимулы 5, 6, 8, 9 содержат визуальные знаки, которые для носителей русского языка являются ключами к «обонятельным воспоминаниям», в том числе и к запаху розы. Предположительно, такими знаками будут *цвет, сад, флакон* и *вечер*.

Первая часть эксперимента показывает, что запах розы достаточно значим для носителей языка, независимо от пола и возраста, и актуализируется при предъявлении подходящего визуального стимула.

Чтобы можно было более детально говорить о том, как представлен в сознании носителей русского языка ольфакторный код розы, мы провели вторую часть эксперимента – задали реципиентам 4 вопроса:

1) Нравится ли вам роза?

2) Вы любите запах розы?

77% реципиентов запах розы любят. Первый вопрос был нужен за тем, чтобы узнать, есть ли противоречие между восприятием розы в целом и запаха в отдельности. Такое противоречие выявить удалось: 9% реципиентов роза нравится, а запах – нет. Еще у 10% наоборот: им нравится запах цветка, а не сам цветок. Это говорит о том, что ольфакторный код, по крайней мере, у части носителей русского языка, обладает автономией от общего визуально-символического образа объекта. Можно преположить, что отношение к объекту

в целом (роза) и к его отдельному сенсорному атрибуту (запаху) хранятся и обрабатываются в сознании части носителей русского языка независимо друг от друга.

3) Чем пахнет роза? (рис. 2)

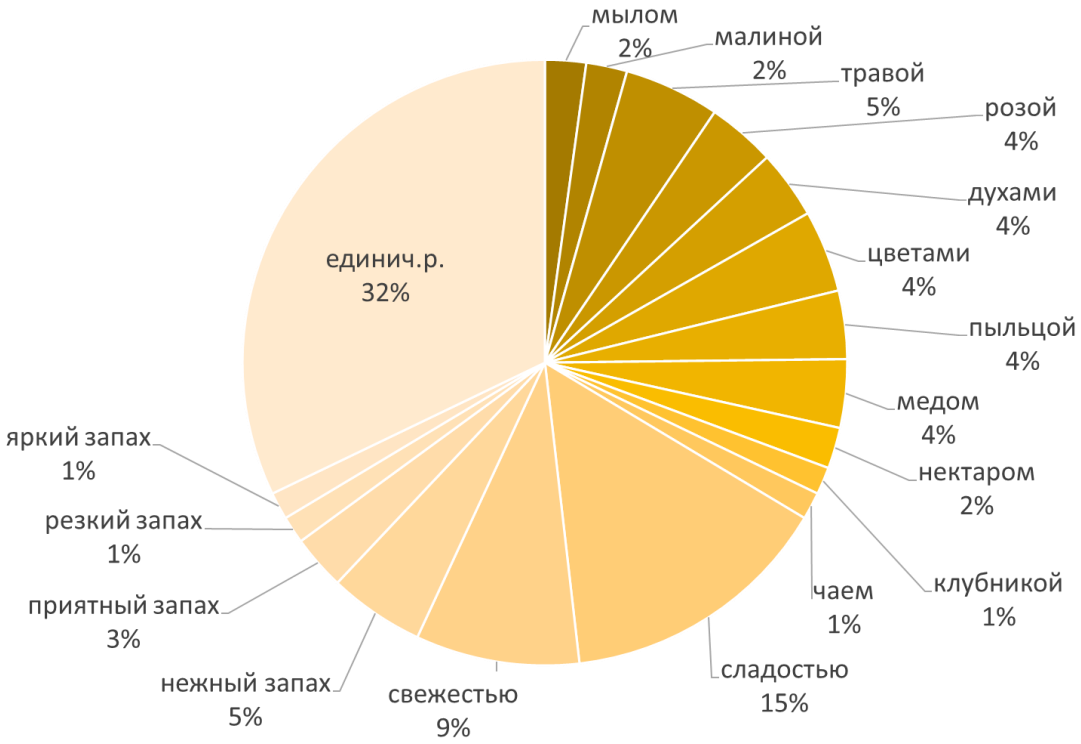

Рисунок 2. Чем пахнет роза?

Наиболее частотным ответом является «сладость» (15%). Это характерная для русской (и шире – европейской) традиции характеристика цветочного аромата. Сладкие ноты воспринимаются как приятные, желанные, что подтверждается и наличием категории «приятный запах» (3%). Интересно, что, кроме «сладости», среди частотных реакций фиксируются «мед» (4%) и «нектар» (2%), которые можно рассматривать как конкретизацию сладкого запаха через вкус.

«Свежесть» (9%) – еще одна значимая категория, указывающая на связь запаха с представлениями о чистоте, прохладе, утренней росе, что может быть отголоском как реального свойства цветка, так и культурных стереотипов о «невинности» и «естественности».

При характеристике запаха розы респонденты очевидно испытывают затруднения и поэтому прибегают к конкретным образам: пахнет «травой» (5%),

«розой» (4%), «цветами» (4%), «медом» (4%), «малиной» (2%), «пыльцой» (4%). Интересно наличие реакции «мылом» (2%), что может быть связано как с личным опытом реципиентов, так и с восприятием запаха розы как искусственного, связанного не с природой, а с деятельностью человека, предположительно, из-за того, что запах розы относится к наиболее частотным запахам косметики, парфюмерии и бытовой химии.

В целом, полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Преобладание образных ассоциаций. Высокий процент ответов, указывающих на сам цветок («розовый», «цветы»), говорит о том, что для носителей русского языка запах цветов прежде всего идентифицируется через объект-источник, а не через абстрактные характеристики.

2. Значимость синестетических переносов. Ассоциации со «сладостью», «свежестью», а также единичные «резкий запах» (1%) демонстрируют активное использование межсенсорных метафор. Вкусовые и тактильные характеристики (*сладость, свежесть*) становятся основными для описания обонятельного опыта. Это характерно для русского языкового сознания, где широко представлены синестезии (ср. «сладкий аромат», «острый запах»). Язык «переадресует» описание обонятельного впечатления к более доступной и вербализуемой вкусовой сфере, что подтверждается высоким процентом именно вкусовых ассоциаций. Эта особенность отражает не столько объективные свойства цветочного аромата, сколько культурно закрепленный способ его концептуализации в русском языковом сознании.

3. Культурные стереотипы. Присутствие ассоциаций «духи» (4%) и «мыло» (2%) указывает на влияние индустриальной парфюмерии.

4) Какая роза на вкус? (рис. 3)

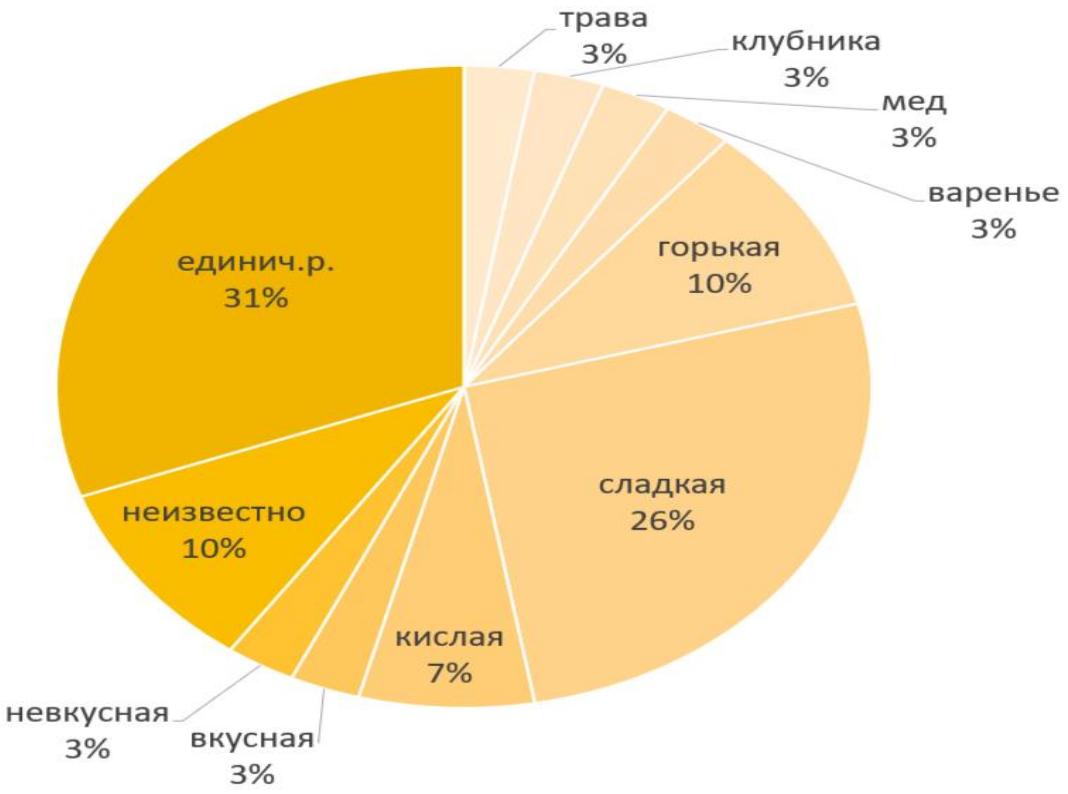

Рис. 3. Какая роза на вкус?

Данный вопрос был направлен на выявление того, как в обыденном сознании работают механизмы **синестезии** – способности человека описывать ощущения из одной сенсорной модальности (например, вкуса) через другую (запах, цвет, форму, ощущения).

В отличие от запаха, который большинство респондентов так или иначе узнают и могут вербализовать, вкус розы – это заведомо гипотетическая, сконструированная характеристика; вкус цветка чаще всего можно лишь представить. Подавляющее большинство опрошенных никогда в жизни не «ели розу». Тем интереснее, что почти никто не отказался от ответа: реципиенты охотно приписывали цветку вкусовые качества – *сладкий, горький, кислый*, а также более экзотические: *«вязкая», «строгая», «цветок у бабушки»* и понятные по своему происхождению – *«леденец»*.

Это значит, что вкус в данном случае не извлекается из непосредственного опыта, а **конструируется** – на основе запаха, визуального образа, культурных стереотипов и личных ассоциаций.

• Сладкая роза (26%) – прямая проекция ее сладкого, приторного аромата на вкусовую сферу, подкрепленная существованием розового варенья и «розовых» сладостей.

• Горькая роза (10%) – здесь возможны отсылки к реальному вкусу некоторых сортов (лепестки действительно могут горчить), к лекарственным настойкам на розе.

• Кислая роза (7%) – редкая, но устойчивая характеристика, которая может объясняться аналогией с кислыми ягодами или же парфюмерными нотами (кисловатые цитрусовые оттенки в аромате некоторых роз).

Особенно показательны единичные реакции (31%). Когда респондент пишет «роза на вкус – как цветок, растущий на клумбе у бабушки» или «строгая», он явно не описывает реальный вкус, а передает личное или общее синестетическое впечатление, где смешаны запах, цвет, текстура лепестков и эмоции.

Таким образом, вопрос о вкусе розы позволил нам частично заглянуть в то, как устроена синестезия: запах «объясняет» вкус, цвет подкрепляет аромат, а культурный контекст (сказки, стихи, парфюмерная реклама) довершает картину, создавая у человека иллюзию, что он знает, какой вкус у цветка, который он, скорее всего, никогда не пробовал.

Подводя итоги, отметим, что запах розы в русском языковом сознании не является однозначно позитивным или негативным. Он характеризуется широким спектром интенсивности (от *едва уловимого* до *одуряющего*), разнообразием сенсорных оценок (*нежный, сладкий, свежий*, но также *душный, режущий*) и способностью к активному физическому воздействию на человека (*врывается, обдает, ударяет*). Эта амбивалентность отражает двойственную природу самого цветка (нежные лепестки и острые шипы) и закреплена в литературной традиции.

Значительная часть современных носителей русского языка (около 9–10%) разделяет отношение к розе как цветку и как к ее запаху: сами розы могут

нравиться, но запах – нет, и наоборот. Это свидетельствует о том, что ольфакторный код обладает относительной независимостью от общего культурно-символического образа объекта и обрабатывается в сознании как отдельный сенсорный элемент.

При описании запаха розы носители языка активно используют сенсорные переносы, прежде всего вкусовую лексику: «сладкий», «медовый», «сладость». Это указывает на то, что обонятельные впечатления в обыденном сознании концептуализируются через более доступную и вербализованную вкусовую сферу. Синестезия проявляется и при описании гипотетического вкуса розы, где респонденты конструируют вкус на основе запаха, цвета, текстуры и культурных стереотипов.

Несмотря на абстрактность обонятельных ощущений, ольфакторный код розы в русской ЯКМ включает значительный пласт конкретных образов: *трава, мед, малина, пыльца*, а также объекты парфюмерной индустрии (*духи, мыло*). Это свидетельствует о том, что восприятие природного запаха обусловлено как личным сенсорным опытом, так и культурными стереотипами, включая рекламу и массовую культуру.

Таким образом, ольфакторный код розы представляет собой сложное, многокомпонентное ментальное образование, в котором переплетаются универсальные сенсорные характеристики, культурные коннотации, индивидуальный опыт и механизмы синестезии. Изучение таких кодов позволяет углубить понимание того, как язык структурирует и хранит информацию о невербальных, трудно вербализуемых сферах человеческого опыта.

Литература

А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц. URL: https://azbyka.ru/fiction/malenkij-princ/ (дата обращения: 14.04.2025).

Волкова Е.Р. (2024а) Близкие люди в русской языковой картине мира // Материалы XI международной научной студенческой конференции. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2024. С. 8–10.

Волкова Е.Р. (2024б) Концепт "медведь" в сознании носителей русского языка // В мире животных (Проект “Homo dicens”) : Сборник статей и материалов совместных проектов Московского городского педагогического университета и Московского Зоопарка. М.: Московский городской педагогический университет, 2024. С. 12-26.

Волкова Е.Р. Разница представлений о родных и близких в русской языковой картине мира // Сборник научных статей. В 2-х томах. Т. 1. М.: Московский городской педагогический университет, 2025. С. 29–37.

Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. Тула, 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya (дата обращения: 14.04.2025).

Захарова М.В. Вода добрая и злая… (ценностные аспекты концептуального поля «вода» в сознании носителей современного русского языка // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2022. С. 418–433.

Захарова М.В. Животное VS зверь в сознании носителей современного русского языка // Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2023. С. 413–434.

Захарова М.В. Концептуальное поле «времена года» в русском языковом сознании // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография. М.: Книгодел, 2021. С. 370–385.

Захарова М.В. Особенности восприятия концептуального поля «насекомые» носителями современного русского языка // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография. М.: Книгодел, 2020. С. 274–286.

Е.В. Ершова (Россия, Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***П.А. Кротов***

МЕЖДУ ЧУВСТВОМ И РАСЧЕТОМ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

Статья посвящена анализу матримониального поведения купечества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII в. На основе изучения метрических книг выявлены брачные стратегии, которые, с одной стороны, были направлены на внутрисословную консолидацию, а с другой − демонстрировали высокую степень социальной открытости, что выражалось в доминировании межсословных браков. Ключевое место в исследовании занимает дифференцированный анализ матримониального выбора в гендерном разрезе. Отдельный фокус исследования направлен на брачные практики вдовствующей части купечества.

Ключевые слова: купечество, брак, купеческие вдовы, гендерная история.

В дореволюционной России брак, выступая в качестве сложного социального института, имел в своей основе не только личные симпатии партнеров, но и определенные хозяйственно-экономические интересы и сословные стратегии. Особый интерес в этом контексте представляет матримониальное поведение купечества как специфичной сословной группы городского населения ввиду его полупривилегированного статуса и открытости для включения в состав новых членов из других слоев общества.

Юридическое оформление купечества как сословия пришлось на XVIII столетие, которое вместе с тем является временем симбиоза традиционной культуры и активно проникающих в нее черт секуляризации, что не могло не оказать влияния на сферу семейно-брачных отношений. По словам Б.Н. Миронова, некогда единая модель демографического поведения начала претерпевать изменения и приобретать сословные особенности именно в XVIII−XIX вв. [Миронов, 2003: 160]. В связи с этим **хронологические рамки** настоящего исследования ограничены 1750−1800 гг., когда купечество окончательно отделилось от посадского населения и стало формировать особую идентичность.

Цель исследования заключается в изучении специфики брачного поведения купечества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII в. как социального явления, отражающего определенные сословные стратегии. **Методологическую основу** исследования составили агрегативный и номинативный анализ, а также квантитативный метод. Сочетание историко-антропологического подхода с количественным методом и приемами дескриптивной статистики при работе с номинативно-статистическими материалами позволило наиболее полно осветить выбранную тему в социальной и гендерной оптике.

Тема исследования находится на стыке истории, демографии и социологии, что позволяет рассматривать такие универсальные понятия, как социальная мобильность, стратегии брачного выбора, социальный лифт на конкретном историческом материале, а также глубже понять внутреннюю жизнь и ценности одного из ключевых сословий Российской империи. Именно это обуславливает **актуальность** настоящей работы. Научная **новизна** обусловлена ранее не проводившимся анализом первичных документов церковного учета населения с целью изучения матримониального поведения столичного купечества во второй половине XVIII в.

В качестве **источниковой базы** были привлечены метрические книги ряда церквей Санкт-Петербурга − Вознесения Господня, Владимирской Божией Матери, Св. и праведного Симеона Богоприимца и Св. Анны Пророчицы, Успенской в Никольской слободе, Св. Николая Чудотворца в Посадских слободах, Св. апостола Матфия, Благовещенской и Андрея Первозванного на Васильевском острове [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 28−128]. Работа проводилась с записями второй части метрических книг («о бракосочетавшихся») за каждый год второй половины XVIII в. (с 1750 по 1800 гг. включительно).

В выборку попали сведения о 2068 брачных союзах, в которых хотя бы один из супругов принадлежал к купеческому сословию. По результатам настоящего исследования, внутрисословные браки составили 40,7% от общего числа.

Примечательно, что у столичного купечества этот показатель уже в XVIII в. был выше, чем у купцов других регионов. Например, по данным Ю.М. Гончарова во второй половине XIX в. сословно однородные браки были характерны лишь для трети сибирского купечества [Гончаров, 2002: 192].

И.Н. Лобачева отмечает, что в 1850-е гг. в Туле на долю гомогенных брачных союзов среди рассматриваемой социальной группы приходилось 28%, а в уездном городе Ефремове Тульской губернии – 20% [Лобачева, 2024: 20]. Во многом это объясняется более широкими возможностями для выбора партнера из своей среды в условиях динамично развивающегося столичного города, торговый потенциал которого возрастал на протяжении всего XVIII в., в том числе за счет притока предприимчивых людей не только из других городов России, но и из заграницы.

Вместе с тем купечество Санкт-Петербурга в этот период демонстрировало высокую степень социальной незамкнутости – 60% браков были заключены с выходцами из других сословий. Это можно рассматривать в качестве маркера слабой внутрисословной консолидации, по сравнению со второй половиной XIX в. Тогда, согласно исследованию брачного поведения горожан Центральной России, проведенному Г.В. Жирновой, смешанные браки у купцов, дворян и духовенства носили единичный характер [Жирнова, 1980: 22].

С целью наиболее полного исследования брачных стратегий купечества осуществлен дифференцированный анализ социального происхождения супругов для мужчин и женщин (табл. 1). Было выявлено, что купцы-мужчины демонстрировали склонность к внутрисословным бракам на 5 процентов чаще женщин (60,7% и 55,7% соответственно). Это может быть связано с большим стремлением купцов сохранить и приумножить состояние (например, за счет приданого невесты), а также расширить коммерческие связи внутри сословия.

Социальная принадлежность	**Мужчины**		**Женщины**	
	N	**%**	**N**	**%**
Купечество	837	60,7	837	55,7
Государственные/	114	8,3	68	4,5

экономические крестьяне				
Мастера	77	5,6	93	6,2
Мещанство	62	4,5	48	3,2
Крепостные крестьяне и дворовые	61	4,4	17	1,1
Рядовые военные	53	3,8	30	2
Мелкие государственные служащие	34	2,5	116	7,7
Служители (в т. ч. придворные)	23	1,7	76	5,1
Военные-офицеры	20	1,4	52	3,5
Чиновники-дворяне	4	0,3	34	2,3
Ямщики	29	2,1	1	0,1
Священно- и церковнослужители	22	1,6	15	1
Управители и служители таможен	7	0,5	17	1,1
Вольные	5	0,4	5	0,3
Бобыли	2	0,1	1	0,1

Таблица 1. Социальная принадлежность женихов и невест представителей купечества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII в.

Второй по распространенности социальной группой, из которой происходили невесты купцов, были государственные и экономические крестьяне (8,3%). Отнюдь не единичный характер носили также брачные союзы купцов и крепостных или дворовых крестьянок (как правило, записи о таких браках встречаются с формулировкой «отпущенная на волю»), на их долю пришлось 4,4%. В этом контексте интересен случай венчания в 1778 г. швейцарского купца Фридриха Еизеля и отпущенной крепостной Авдотьи Ефимовой, которому не помешали ни национальные, ни сословные, ни конфессиональные (жених исповедовал католичество) преграды [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 84. Л. 125 об.].

Во многом распространенность таких межсословных браков можно объяснить тесной связью купечества с крестьянской средой, сохранявшейся во

второй половине XVIII в., потому как нередко купцами становились наиболее предприимчивые выходцы из крестьянства [Перхавко, 2008: 286]. Например, в метрической книге церкви Андрея Первозванного за 1799 г. зафиксирован случай, когда на момент женитьбы государственный крестьянин Иван Петров имел статус «поступающего в санкт-петербургское купечество» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 126. Л. 104 об.].

В свою очередь матримониальные стратегии женщин демонстрируют более слабые связи с крестьянством. Случаи таких венчаний составили 4,5% и 1,1% соответственно. Браки с представителями низшего сословия не сулили перспектив купеческим дочерям, поэтому чаще выбор отдавался в пользу более выгодной партии. Так, одной из наиболее распространенных категорией женихов купеческих дочерей были мелкие государственные служащие (канцеляристы, регистраторы, секретари, копиисты и т. п.), их доля составила 7,7%. Хотя эти лица не имели классного чина, такие браки в будущем могли стать средством социальной мобильности, в том числе и для супруги служащего, в случае получения им личного дворянства.

Примечательно, что купечество было связано относительно тесно с представителями этой группы населения не только брачными связями, но и отношениями кумовства – мелкое чиновничество выступало второй по популярности категорией восприемников у детей петербургских купцов [Ершова, 2025]. Однако сами служащие государственных учреждений не демонстрировали особых стремлений выдавать своих дочерей за купцов, количество таких браков не превышало 2,5%.

Аналогичная тенденция наблюдалась и в практике брачных союзов с чиновным миром более высокого уровня (как правило, лицами, имевшими классный чин не выше 6-го по Табели о рангах и личное, реже – потомственное, дворянство). Если случаи женитьбы купцов на дочерях (вдовах) представителей этой категории носили единичный характер, то число браков между чиновниками и купеческими дочерями превысило три десятка. Кроме того, у женщин более чем в два раза чаще встречались брачные союзы с военными, имевшими

офицерское звание. В свою очередь купцы-мужчины чаще женились на дочерях рядовых – солдат и матросов.

Таким образом, все это демонстрирует стремление купечества путем замужества дочерей породниться с представителями высшего сословия (или лицами, которые имели перспективу получения личного дворянства). Брак становился не только социальным лифтом для купеческих дочерей, но инструментом, соединяющим капитал и дворянские привилегии для обоих партнеров. Выявленная асимметрия матримониальных стратегий мужчин и женщин может быть связана со сложившимся правилом перехода жены в более высокое сословие мужа и невозможностью обратной ситуации.

Вместе с тем представители купечества обоих полов нередко связывали судьбу с выходцами из таких непривилегированных слоев городского населения, как мастера, слуги (в том числе придворные) и мещане. С последней категорией купцы стали устанавливать брачные отношения с 1770-х гг., а увеличение числа таких союзов пришлось на период после издания Жалованной грамоты городам 1785 г., которая окончательно оформила мещанство как сословие.

В целом эти две группы в рассматриваемый период были довольно близкими по социальному положению, потому как многие купцы по всей России после гильдейской реформы 1775−1785 гг. потеряли прежний статус и вынуждены были перейти в разряд мещан [Перхавко, 2008: 285]. Поэтому хотя такие браки и относятся к «межсословным», однако, как и в случае с государственными крестьянами, заключались они между представителями социально близких слоев общества.

В рамках настоящей темы исследования небезынтересным представляется отдельное рассмотрение матримониального поведения овдовевшей части купеческого населения, вступившей в повторный брак. Особого внимания в этом контексте заслуживают брачные стратегии женщин, потому как статус вдовы мог во многом их корректировать, например, сводя к минимуму влияние предпочтений родителей относительно выбора будущего супруга.

Согласно полученным данным, почти четверть всех венчаний приходилась на союзы, в которых хотя бы один из венчавшихся принадлежал к этой категории (табл. 2). Как видно из представленной таблицы, наибольшее распространение, не считая союзов первобрачных, получили полуторные браки (один из венчающихся вступает в брак первый раз, другой является вдовцом/вдовой), реже − вторые. Спорадический характер (менее 1%) носили брачные союзы, в которых один или оба супруга венчались третий раз.

В какой по счету брак вступили венчавшиеся	**N**	**%**
Первый	1566	75,7
Полуторный	371	17,9
Второй	114	5,5
Полутретий	10	0,5
Третий−второй	5	0,2
Третий	2	0,1
Всего	2068	100

Таблица 2. Количество брачных союзов купечества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII в.

Дальнейший количественный анализ позволяет выявить характерные черты брачного поведения вдовых мужчин и женщин. Следует отметить, что число браков этой части населения для обеих половых групп оказалось примерно одинаковым (226 и 221 соответственно), то есть как мужчины, так и женщины имели почти равные шансы вступить в повторный брак. При этом многочисленные этнографические наблюдения, относящиеся прежде всего к крестьянской среде, свидетельствуют о незавидном статусе вдов.

Так, исследовательница положения крестьянских женщин З.З. Мухина отмечает, что «из-за отсутствия пары вдовы считались социально ущербными, неполноценными членами общества» [Мухина, 2012: 63]. Крестьянский менталитет накладывал клеймо позора на брак отрока со вдовой, а брачный союз вдовца и девицы также не приветствовался. В связи с этим наиболее оптимальным вариантом была женитьба двух овдовевших людей.

Однако, как показывают результаты настоящего исследования, в рамках городской культуры ситуация обстояла несколько иначе. На примере купеческих вдов видно, что их супругами отроки становились в 1,7 раз чаще, чем вдовцы или мужчины, вступившие в повторный брак по иным причинам (138 и 83 соответственно). Что касается купцов-вдовцов, то их избранницами в большинстве случаев (66,8%) становились девицы, поэтому здесь также прослеживается расхождение с установками, принятыми в крестьянской среде.

Если обратиться к возрасту вдов-купчих, то становится видно, что многие из них потеряли супруга в молодом или среднем возрасте, зачастую в силу распространенности брачных союзов с большой разницей в возрасте. Возможно, в том числе поэтому вступление во второй брак молодой вдовы с мужчиной-отроком был вполне непредосудительным явлением в городской среде. Эта черта матримониального поведения купеческих вдов Санкт-Петербурга второй половины XVIII в. роднит их с овдовевшими мещанками первой половины XIX в., у которых, согласно исследованию А.А. Емельяновой, доля браков со вдовцами не превышает 35% [Емельянова, 2022: 22].

Также следует отметить, что социальный спектр потенциальных партнеров вдов имел много сходств с брачным кругом девиц. В первую очередь это выражалось в склонности к эндогамным бракам у обеих групп женщин. Среди женихов вдов-купчих в той или иной степени встречались представители практически всех социальных групп, упомянутых ранее, за некоторым исключением (например, священно- и церковнослужителей, единичный характер носят браки с крепостными крестьянами).

Примечательно, что их супругами становились в том числе дворяне, для которых этот брак был первым. Если учитывать состоятельность многих купеческих вдов, о признаках которой можно судить даже исходя из сведений документов церковного учета населения, можно предположить, что такие брачные союзы сулили взаимную выгоду партнерам, обусловленную прагматическими мотивами.

Таким образом, изучение брачного поведения купечества Санкт-Петербурга показывает, что во второй половине XVIII в. оно, хотя и стремилось к укреплению внутрисословной консолидации, о котором свидетельствуют более высокие показатели числа гомогенных браков, чем у провинциальных купцов в XIX в., однако сохраняло высокую степень социальной незамкнутости. Межсословные браки доминировали на протяжении всего рассматриваемого периода.

Дифференцированный анализ сословного происхождения супругов для мужчин и женщин позволил выявить гендерные различия матримониальных практик. Купцы-мужчины демонстрировали большую склонность к заключению эндогамных браков, при этом их брачные стратегии оказались в большей степени ориентированы на выходцев из более низких слоев населения. В то же время своих дочерей купцы старались выдавать за выходцев из социальных групп, находящихся на той же или более высокой ступени общественной иерархии. Сложившийся институт женской гипергамии превращал брак в механизм синтеза капитала и положения в обществе.

Благодаря детальному рассмотрению брачных практик вдовствующей части купеческого населения удалось выявить различия моделей матримониального поведения сельского и городского населения, которые находили проявления уже в XVIII в. Кроме того, было показано, что купеческие вдовы были востребованы на «рынке» невест.

Источники

Метрические книги церквей С.-Петербурга: Андрея Первозванного на Васильевском острове, Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове, Владимирской Божией Матери (в Придворных слободах), Вознесения Господня (при Адмиралтейских слободах), Св. апостола Матфия, Св. Николая Чудотворца в Посадских слободах, Св. праведного Симеона Богоприимца и св. Анны Пророчицы, Успенской в Никольской слободе за 1750−1800 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 28−128.

Литература

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. 348 с.

Емельянова А.А. Вдовы-мещанки в Москве первой половины XIX в.: социальные характеристики повторных браков // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. М., 2022. №4 (48). С. 15–26.

Ершова Е.В. «Кум королю, сват министру»: к вопросу о социальных связях купечества Санкт-Петербурга в 50–80-е гг. XVIII в. (по данным метрических книг) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2025. URL: https://lomonosov msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36906/181315_uid608271_report.pdf (дата обращения: 06.11.2025)

Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980. 148 с.

Лобачева И.Н. Браки представителей тульского и ефремовского купечества 1850-х гг.: расчет, нужда или чувство? // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. №4 (20). С. 16–27.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.

Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX–начало XX в.) // Женщина в российском обществе. Иваново, 2012. № 4. С. 62–71.

Перхавко В.Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008. 512 с.

И.А.Жеребков (Россия,Чита)

Забайкальский государственный университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***А.Н. Булдыгерова***

РОЛЬ МИФОВ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ЛЕГЕНДЫ О МЭН ЦЗЯННЮЙ

В статье представлена концепция роли народных мифов и легенд Китая в формировании современной культуры Китая, китайского мышления, аргументируемая рассмотрением и исторически-культурологической характеристикой популярной китайской народной легенды о Мэн Цзяннюй.

Ключевые слова: китайская ментальность, натальность, маленький человек, диалектика, культурный код.

С ростом экономического и геополитического влияния Китая в мире возрастает интерес к этой стране и ее народу. Изучение страны без понимания ее культуры и этнопсихологии невозможно. Наиболее полно, на наш взгляд, они отражаются в фольклоре, поэтому можно утверждать, что изучение фольклора народа является ключом к пониманию его страны.

Рассматриваемое в рамках данной работы произведение – легенда о Мэн Цзяннюй – сравнительно мало известно отечественной китаистике. Нет работ, полностью посвященных данной легенде, хотя она известна определенному кругу отечественных читателей: в 1972 г. переведена на русский язык Б.Л. Рифтиным, упоминалась в работах Р.Ф. Итса. Тем не менее, на наш взгляд, изучению этого важного для понимания китайской ментальности произведения в отечественной китаистике уделено недостаточно внимания. В западной китаистике есть монографии, посвященные легенде, например, использованная нами в работе монография американского китаиста В. Идемы. Предложенная им периодизация истории легенды была взята нами за основу нашей периодизации. В рамках данной работы мы пришли к новым, не выдвигавшимся ранее гипотезам о роли мифа в китайской культуре и, на основе этого, о «точках соприкосновения» онтогенетических путей китайской и российской цивилизации.

Исследования истории Мэн Цзяннюй как личности и персонажа, различных обстоятельств, связанных с возникновением и формированием

легенды, проводились на основе работ Лю Сяна, В. Идемы, А. Уолдрона, Р. Итса, Н. Мацумото, на материалах «Книги песен», на основе различных вариантов легенды о Мэн Цзяннюй, приведенных в популярных источниках.

В рамках создания работы мы использовали литературоведческие и культурологические методы. В области литературоведения основным методом работы был метод культурно-исторического анализа согласно концепциям, предложенным И. Тэном, в области культурологии – метод структурного сравнения, предложенный К. Леви-Строссом.

Легенда о добродетельной, прославленной своей беззаветной любовью к мужу молодой женщине Мэн Цзяннюй входит в число так называемых четырех великих легенд Китая. Возникновение Мэн Цзяннюй как персонажа относится ко времени создания одного из важнейших памятников китайской литературы – «Книги песен» (XI–VI вв. до н.э.) В текстах входящих в нее стихотворений выведен лирический образ прекрасной «старшей Цзян» – реальной личности, старшей дочери в правившем в царстве Ци (XI–III вв. до н.э., ныне – провинция Шаньдун) роде Цзян. Во времена возникновения этого образа слово «мэн», имеющее в числе других значение «первый, старший в роду», интерпретировалось именно в этом значении, имя «Мэн Цзяннюй» означало «старшая дочь в роду Цзян.

Однако поэтический образ «старшей Цзян» явился лишь внешней оболочкой образа Мэн Цзяннюй – как становится ясно из текстов произведений, «старшая Цзян» интересовала поэтов не с биографической стороны. Ее образ был утилитарен, служил для конкретизации абстрактного предмета перманентной влюбленности лирического героя, биографическим и иным деталям в нем не уделялось внимания. Источником же «внутреннего содержания», которым народные составители образа «Мэн Цзяннюй – идеала женщины» наполнили абстрактное имя, послужило жизнеописание вдовы циского военачальника Ци Ляна, жившей около VI в. до н.э. В другом памятнике древнекитайской литературы – «Книге обрядов» (IV–I вв. до н.э.) упоминается о необычайно

долгом плаче вдовы по покойному мужу, что признается примером конфуцианской добродетели.

В I в. до н.э. в составленном выдающимся китайским историком Лю Сяном труде «Жизнеописания знаменитых женщин» вдове Ци Ляна впервые приписывают разрушение слезами стены, самоубийство путем прыжка в воду. В Дуньхуанских рукописях (V–XI вв.) вдовой Ци Ляна признается старшая дочь в роду Цзян, то есть, реальный прообраз будущей Мэн Цзяннюй [Waldron, 1990: 176]. Можно предположить, что именно так сложился своего рода абрис образа «исторической Мэн Цзяннюй», комплекс ее основополагающих черт – выдающаяся красота и женственность, добродетельность, выраженная в догматичном почитании обычаев, беззаветной преданности мужу. Таким образом, Мэн Цзяннюй как сказочный персонаж имела своим прототипом, по всей видимости, реальную личность, прославленную в народной поэзии и сборниках конфуцианских изречений за красоту и добродетельность.

Окончательное формирование образа «исторической Мэн Цзяннюй» относится к эпохе Тан и Сун, и именно в танскую эпоху, как считается, начала складываться легенда о Мэн Цзяннюй [Idema, 2008:9], образ «исторической Мэн Цзяннюй» перешел в образ «легендарной Мэн Цзяннюй». Формирование легенды представляется рациональным охарактеризовать как «шествие Мэн Цзяннюй в народ». Если «историческая Мэн Цзяннюй» была знатной женщиной, женой знатного человека, строго следующей конфуцианским заповедям, то «легендарная Мэн Цзяннюй» становится крестьянской девушкой, влюбленной в обычного человека, ставящей чувства, веления сердца выше догматов.

В сунскую эпоху действие переносится из периода Вёсен и Осеней (771–476 гг. до н.э.) в эпоху правления императора Цинь Шихуанди (221–206 гг. до н.э.), и девушке приписывают противостояние ему. В ткань сюжета включаются элементы магизма – чудесное рождение Мэн Цзяннюй из тыквы, действия высших сил. В этот же период происходит канонизация Мэн Цзяннюй – в районе города Шаньхайгуань в ее честь был воздвигнут храм. Мы можем сказать, что в этот период Мэн Цзяннюй обрела статус распространенного в

китайской историографии и литературе с древнейших времен до наших дней героя, существующего на грани мифологии и реальности, органично сочетающего в своем образе мифические и реальные черты.

Тогда же сюжет был дополнен деталями, дающими информацию о магических и космогонических представлениях китайцев и их соседей. К таким деталям, к примеру, относится чудесное рождение Мэн Цзяннюй из тыквы-горлянки. Это означает, что в культуре неизвестной народности, представители которой при изустной передаче добавили к тексту легенды свою деталь, тыква имела большое значение и, согласно распространенной тенденции, была наделена свойством рождать людей.

Для обозначения этого свойства «волшебных», сакральных предметов мы предлагаем по близости лексического значения заимствовать из терминосистемы философии введенный в нее Ханной Арендт термин «*натальность*» (от лат. *natalis* – относящийся к рождению), в философии Арендт означающий исключительное свойство человека рождаться и создавать новое [Дуденкова, 2015].

Выдающийся советский этнограф Рудольф Фердинандович Итс отмечал, что идея выбора тыквы-горлянки в качестве «утробы» для Мэн Цзяннюй заимствована из мифологии народа ва, проживающего в провинции Юньнань на юге Китая [Итс, 1990: 98]. Согласно мифологии этого народа, предки ва зародились в мякоти тыквы-горлянки. Нельзя также исключать, что концепция тыквы как «натального» начала была заимствована из индийской или индокитайской мифологии. Японский этнолог Нобухиро Мацумото в изданном в 1929 г. на французском языке «Очерке о японской мифологии» упоминает о распространенной в Индокитае легенде о брате и сестре, во время «всемирного потопа» спасшихся в огромной тыкве, по выходе на поверхность земли поженившихся, в результате чего сестра родила тыкву, из семян которой возникли люди, составившие население возрожденного мира [Matsumoto, 1929: 101].

В фундаментальном эпосе индийской мифологии «Рамаяна» также упоминается сюжет, в котором тыква также обладала натальностью – по легенде, жена индийского царя Сагары, чтобы выполнить данное мужу обещание родить шестьдесят тысяч детей, родила тыкву, из семян которой появились дети. Таким образом, идея о рождении человека из тыквы могла быть заимствована из индийской или индокитайской мифологии, следовательно, эпизод с рождением Мэн Цзяннюй из тыквы можно рассматривать как отражение в народном творчестве взаимодействия китайской и индийской культуры, Китая и Индокитая. Вполне вероятно, что из индийской традиции заимствована и другая сюжетная деталь легенды – в одном из ее вариантов Мэн Цзяннюй сжигает себя заживо на могиле мужа, это явно отсылает к древнему обычаю Индии, согласно которому вдове положено сгореть вместе с мужем в погребальном костре.

Последующий период характеризуется появлением множества вариантов легенды, появлением песен и стихов по ее мотивам. Легенда о Мэн Цзяннюй была увековечена и в таком специфическом явлении китайской культуры, как «женская письменность» – нюйшу, созданная женщинами Сунской эпохи для тайной от мужчин коммуникации между собой. Нюйшу создавалась как своеобразный «инструмент протеста» против тотальной подчиненности женщины мужчине, что служит подтверждением выдвинутой нами гипотезы, что легенда о Мэн Цзяннюй в средневековом Китае воспринималась как выражение женского протеста против подчиненного положения, воплощением образа сильной женщины, ради своей любви способной попрать навязанные незыблемые установки – Мэн Цзяннюй выходит замуж не по сговору родителей жениха и невесты, а по любви, после отправки мужа на строительство Великой Китайской стены против воли семьи отправляется искать его, ее плач доходит до, согласно «Дао дэ цзин», «не знающего доброты» Неба, которое разрушает Великую Китайскую стену и дает ей возможность обнаружить останки мужа и оплакать его, Мэн Цзяннюй идет против воли императора, который решил взять ее себе в жены – не становится его женой, а кончает жизнь самоубийством.

Можно предположить, что именно эпоха Сун, характеризовавшаяся резким снижением статуса женщины и сужением круга ее прав, послужила своего рода катализатором превращения «Мэн Цзяннюй – образцовой жены» в «Мэн Цзяннюй – бунтарку», «Мэн Цзяннюй – объекта» в «Мэн Цзяннюй – актора». Тем не менее, тогда это превращение еще не было «окончательным» – ведь, как уже было указано ранее, Мэн Цзяннюй была канонизирована именно в Сунскую эпоху, а, будучи женщиной «неподобающего поведения», она канонизированной быть не могла. Поэтому можно утверждать, что действия канонизаторов основывались на более старых, устоявшихся официальных представлениях о «Мэн Цзяннюй – образцовой жене», а в народе получила распространение именно легенда о «Мэн Цзяннюй – бунтарке».

Окончательное формирование сюжета легенды традиционно относится к Минской эпохе, когда Великая Китайская стена была достроена до заставы Шаньхайгуань, непосредственно до побережья Желтого моря. В новых вариантах легенды именно это место стало местом гибели Мэн Цзяннюй – до этого времени Великая Китайская стена не доходила до моря, а следовательно, Мэн Цзяннюй не могла броситься с нее в море, как сказано в классическом на данный момент варианте легенды. Самоубийство Мэн Цзяннюй также явно является «маркером» минской эпохи, когда самоубийство вдов было объявлено «желательным» поведением [Ropp, 1994; Lu, 2010].

Характерной чертой легенды является то, что сюжетная канва, характеристики героев и другие сюжетные детали меняются от варианта к варианту легенды. Можно утверждать, что многовариантность данной легенды является типичной для основных литературных произведений, сформировавших китайскую культуру и ментальность. Например, выдающийся русский китаист, поэт и переводчик Валерий Перелешин в своем послесловии к выполненному им поэтическому переводу «Дао дэ цзин» утверждает, что к XX веку в Китае было известно 80 различных вариантов этого произведения [Перелешин, 1971: 100].

Новый всплеск интереса к «Мэн Цзяннюй» относится к XIX–XX вв. В XIX веке проходивший службу в Китае британский офицер Джон Картер Стент

выполнил первый перевод легенды на европейский язык (английский). Начало исследований легенды относится к 1924 году, когда китайский историк Гу Цзеган, исследовав легенду, объявил ее символом торжества романтической любви [Idema, 2008:15]. Так образ Мэн Цзяннюй стал одним из знамен «движения 4 мая» – движения за возрождение и освобождение Китая. Однако во времена японо-китайской войны (1937–1945) и Культурной революции (1966–1976) произведение было подвергнуто критике: в первом случае – поскольку Великая Китайская стена, к которой в легенде выражено негативное отношение, выступила символом единства народа, во втором случае – как произведение «контрреволюционной» культуры. Тем не менее, мы можем сказать, что в XXI веке легенда заняла прочное место в культуре Китая, будучи включенной в 2006 году в список нематериального культурного наследия Китая.

В легенде о Мэн Цзяннюй в полной мере проявилась специфическая функция, роль китайского мифа в истории Китая, к формулированию которой мы пришли по рассмотрении истории мифа. Это увековечение, поднятие из глубин гущи жизни на поверхность исторического дискурса добродетельных людей, чей «исторический» нравственный поступок является малозаметным в масштабах истории страны, придание «маленькому человеку» значимости. Так народная культура боролась с упадничеством и апатией, порожденными положениями китайской традиции и философии о недеянии как о единственно правильном пути, о беспомощности и ничтожестве «маленького человека» из народа перед «не знающими доброты» Небом и Землей, перед сакрализированным Правителем. При помощи легенд, подобных «Мэн Цзяннюй», выступая против подавляющих народ императивов Традиции, народная культура помогла народным массам Китая преодолеть упадничество, вновь обрести и приумножить свой потенциал, обрести достойное место в стране и мире.

Тем не менее, мы ни в коем случае не можем сказать, что традиция и традиционная философия играли сугубо отрицательную роль в истории Китая.

Будет излишним доказывать, что полное отречение народа от своих традиций и от своего культурного кода невозможно – это ведет к прекращению

существования народа. Поэтому китайская народная мифология, как мы видим, стремилась не к уничтожению довлевших установок и догм, а к их переосмыслению [Тун, 2022: 129], к их приближению к народному мышлению, к устранению противоречий, передаче нравственных ценностей, созданию непротиворечивого, самобытного культурного кода.

Это наглядно видно на примере Мэн Цзяннюй, чей исторический образ «примерной и образцовой вдовы», неизбежно несущий оттенок нежизненности, казённости, пройдя горнила народной культуры, пропитавшись народными представлениями, стал цельным гуманистическим образом, *summa summarum* глубинных мечт «маленького человека». Наблюдая такую сущность процесса сотворения образа мифологического персонажа китайской культуры, мы неизбежно делаем вывод о близости, во всяком случае, в данной области, китайской традиции к российской. В российской традиции также при формировании народных христианских представлений и культурного кода российской христианской цивилизации отсекались отдаленные от народного мышления представления, в процессе изустной передачи библейских сюжетов формировались близкие народу образы ключевых личностей христианской религии, подчас отличные от образов, представляемых канонической литературой. Так, изначально чуждое, привнесенное извне, непонятное простому народу христианство становилось глубоко народным, неотъемлемой частью ментальности народа и его «нравственным компасом».

Мы можем предположить, что именно легенда о Мэн Цзяннюй была значительным шагом к кристаллизации одного из основополагающих принципов современного китайского мышления, позже сформулированного Мао Цзэдуном – *«наша задача состоит в том, чтобы превратить скорбь в силу»*[1]. В «Мэн Цзяннюй» иносказательно воплощен путь китайского народа – путь к реализации лучших качеств через скорби и мытарства, через диалектическое отрицание себя, ведущее, по философскому закону отрицания отрицания, к обретению новых

[1] Статья председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна «Величайшая дружба». 11 марта 1953 г. URL: https://istmat.org/node/54274?ysclid=mi02712ndi481653226 (дата обращения: 30.09.2025).

качеств. Диалектика, как мы можем убедиться на примере философской и космогонической концепции «Инь – Ян – Тай-цзи (Великий Предел)», является основой китайского мышления.

Таким образом, мы, изучив историю формирования легенды о Мэн Цзяннюй и культурный контекст, в котором она формировалась, можем утверждать, что роль мифа в культуре Китая заключается в кристаллизации основных представлений и отсечении нежизненных положений, в формировании, укреплении и передаче китайского культурного кода, в его вливании в мировую культуру, в претворении народных масс из безмолвного объекта в субъект истории, в рождении народной истины, заключающейся в конечном счете в единстве непрерывно борющихся противоположностей. Кристаллизуя ценное и близкое народу, отсекая вредное и ненужное, китайская народная легенда перерождает навязанные «сверху» императивы в составные части близкого и понятного народу морального и поведенческого «кодекса». Аналогичную роль в период установления православия как основной религии России играли легенды «народного христианства», что говорит о некотором сходстве путей народов Китая и России, об общности некоторых историко-культурных процессов внутри двух цивилизаций при наличии несомненных глубоких, фундаментальных различий.

Источники

Дао дэ цзин / Перевод с китайского Валерия Перелешина. Рио-де-Жанейро, 1971. 120 с.

Лю Сян. Жизнеописание знаменитых женщин. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/l/Woman_zizn/text.php (дата обращения: 01.10.2025)

Статья председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна «Величайшая дружба». 11 марта 1953 г. URL: https://istmat.org/node/54274?ysclid=mi02712ndi481653226 (дата обращения: 30.09.2025).

Литература

Дуденкова И.В. Начинание, рождение, действие: Августин и политическая мысль Ханны Арендт // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. №1. С. 105–119.

Итс Р.Ф. Шёпот Земли и молчание Неба: Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М.: Политиздат, 1990. 318 с.

Тун Даньдань. Народные легенды как феномен традиционной культуры Китая: дис…канд. культурологии: 5.10.1 / Тун Даньдань. СПб, 2022. 315 с.

Idema Wilt L. Meng Jiangnü Brings Down the Great Wall:Ten Versions of a Chinese Legend. Seattle: University of Washington Press, 2008. 240 p.

Lu Weijing. The Chaste and the Licentious: Female Sexuality and Moral Discourse in Ming and Early Qing China. // Early Modern Women. 2010.5. P. 183–187.

Matsumoto N. Essai sur la mythologie japonaise. Paris, 1929. 144 p.

Ropp Paul S. Women in late imperial China: a review of recent English-language scholarship // Women's History Review. 1994. 3 (3). P. 347–383.

*Waldron Arthur***.** The Great Wall of China: From History to Myth. Cambridge; New York: Cambridge University Press,1990. 296 p.

М.С. Игнатов (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
2 курс, магистратура
Научный руководитель: ***М.В. Захарова***

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ВОСПРИЯТИЕ ЛЮДЬМИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЗЕМЛЯ»)

В статье представлены результаты исследования влияния профессиональной сферы деятельности на структуру концепта «земля» в языковом сознании носителей русского языка. В основе работы лежит сравнительный анализ данных ассоциативного эксперимента с использованием вербального стимула («земля») и двух визуальных стимулов (изображение планеты Земля и лесистой местности). Такой подход позволил выявить как инвариантное ядро концепта, так и вариативную, в том числе профессионально окрашенную, периферию, актуализируемую в зависимости от типа предъявленного стимула.

Ключевые слова: языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, концепт «земля», профессиональная трансформация, восприятие.

Восприятие окружающего мира человеком не является пассивным отражением действительности, а представляет собой сложный процесс, опосредованный системой культурных, социальных и индивидуальных фильтров. Одним из ключевых факторов, формирующих эти «фильтры», выступает профессиональная деятельность. Длительное погружение в конкретную сферу вырабатывает специфический тип мышления, что находит прямое отражение в языке и, в частности, в спонтанных ассоциациях.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов формирования профессиональной языковой картины мира на примере концепта «земля», структура которого варьируется в зависимости от контекста его актуализации. Изучение того, как профессиональный опыт трансформирует восприятие различных аспектов этого фундаментального концепта, позволяет выявить неочевидные связи между профессиональной практикой и структурой мышления.

Концепт «земля» традиционно привлекает внимание исследователей в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Его многозначность в русской языковой картине мира, где он актуализирует значения «почвы», «территории», «родины», подробно анализировалась в работах таких ученых, как В.А. Маслова и Е.С. Кубрякова [Маслова, 2005; Кубрякова, 2000]. Однако в

существующих подходах доминирует культурологический ракурс, тогда как влияние профессиональной принадлежности носителя языка на структуру данного концепта остается малоизученным.

Новизна настоящего исследования заключается в комплексном подходе: для реконструкции концепта «земля» используется не один, а три стимула – вербальный и два визуальных, что позволяет выявить, какие аспекты концепта актуализируются в разных условиях и как в каждом из этих случаев проявляется профессиональная специфика.

Целью исследования является сравнение структуры и содержания концепта «земля», актуализированного с помощью вербального и визуальных стимулов, и выявление предполагаемого влияния профессиональной сферы на его восприятие.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Организовать и провести ассоциативный эксперимент с использованием трех стимулов (вербального и двух визуальных) среди респондентов, представляющих различные профессиональные группы.

2. Провести количественный и качественный сравнительный анализ полученных вербальных реакций для выявления частотных и уникальных ассоциаций.

3. Выявить инвариантные и вариативные компоненты концепта «земля» в зависимости от типа стимула.

4. Установить характерные тенденции в восприятии, свойственные представителям противоположных по роду деятельности профессиональных групп.

Методическую основу данного исследования составляет ассоциативный эксперимент. Его истоки лежат в сфере психологии, где он использовался для диагностики бессознательных процессов (Ф. Гальтон, К.Г. Юнг). В лингвистике этот метод был переосмыслен как инструмент для реконструкции коллективной языковой картины мира (далее – ЯКМ), в том числе в рамках словарей, классическим примером чего является «Русский ассоциативный словарь» под

редакцией Ю.Н. Караулова [Караулов, 1994], который выступил важным ориентиром для настоящей работы. В контексте изучения профессионального сознания метод ассоциативного эксперимента также успешно применялся в работах М.В. Захаровой [Захарова, 2024а].

В рамках лингвистического подхода реакция на слово- или образ-стимул рассматривается не как симптом личностного комплекса, а как акт речевого поведения, актуализирующий одну из смысловых связей в ментальном лексиконе человека [Захарова, 2024б; Караулов, 1994]. Таким образом, каждая реакция становится единицей анализа, позволяющей судить о том, как в сознании носителя языка организована ассоциативно-вербальная сеть. Массовый опрос позволяет выявить статистически значимые реакции, которые в совокупности образуют ассоциативное поле концепта, общее для определенной социальной или, как в нашем случае, профессиональной группы. Эта способность эксперимента выявлять коллективные, а не только индивидуальные паттерны, делает его адекватным методом для проверки гипотезы о влиянии профессиональной среды на восприятие концепта «земля».

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, под ЯКМ мы понимаем исторически сложившуюся в сознании носителей языка систему коллективных представлений о действительности, закодированную в значениях языковых единиц [Попова, Стернин, 2007]. Важно подчеркнуть, что общая ЯКМ не является монолитной – она включает в себя частные, групповые картины мира, в том числе и профессиональную. Профессиональная сфера формирует у человека специфический концептуальный «фильтр», через который он интерпретирует информацию. Таким образом, анализируя ассоциативные реакции представителей разных профессий, мы реконструируем фрагменты их профессиональной ЯКМ, которая, наслаиваясь на общечеловеческую и национальную, вносит свой вклад в индивидуальное восприятие.

Гипотеза о том, что профессиональная сфера способна влиять на восприятие концепта «земля», основана на двух ключевых положениях. Во-первых, на идее профессиональной трансформации, под которой понимается

системное изменение языковой личности под влиянием профессиональной деятельности [Захарова, 2020]. Данный термин, введенный Д.Н. Поляковой, позволяет описывать изменения в сознании и речи специалиста без их оценочной категоризации [Полякова, 2013].

Во-вторых, на том, что язык является прямым отражением этого фильтра. Профессиональная трансформация проявляется в используемой лексике, метафорах и, что особенно важно для нашего метода, в спонтанных ассоциациях. Для проверки гипотезы и решения задач в работе был использован комплекс взаимодополняющих методов:

1. Ассоциативный эксперимент с тремя типами стимулов (вербальный «земля», визуальный «планета Земля из космоса», визуальный «лесистая местность») как основной метод сбора эмпирического материала.

2. Количественный (статистический) анализ, направленный на выявление частотности реакций и их распределения в профессиональных группах.

3. Качественный анализ реакций, позволивший интерпретировать смысловое содержание ассоциаций, выделить их типы (базовые номинации, эмоционально-оценочные, профессионально окрашенные) и выявить уникальные реакции. При отнесении ассоциации к профессионально окрашенной использовался критерий прямой связи с типичными объектами, инструментами или профессиональным жаргоном сферы деятельности респондента.

4. Метод концептуального анализа, примененный для структурирования материала и описания инвариантных и вариативных компонентов концепта.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента. Для обеспечения спонтанности реакций и минимизации эффекта предвосхищения целевые стимулы, релевантные для данного исследования, были включены в общий ряд других вербальных и визуальных стимулов. Данный методический прием, апробированный в исследованиях М.В. Захаровой [Захарова, 2024б], позволяет получить наиболее непосредственные реакции респондентов. Респонденты (в исследовании

приняло участие 134 человека) не были информированы о конкретных целях исследования и ключевых стимулах.

Процедура сбора материала заключалась в следующем: респондентам последовательно предъявлялся набор стимулов, среди которых для последующего анализа были отобраны три ключевых.

1. Визуальный стимул – изображение планеты Земля, сфотографированной из космоса.

2. Вербальный стимул – слово «земля».

3. Визуальный стимул – изображение лесистой местности.

Участникам эксперимента предлагалось дать первую пришедшую на ум вербальную ассоциацию на каждый предъявленный стимул. Инструкция предусматривала называние прилагательных, однако ответы респондентов не ограничивались строго этой частью речи и включали также существительные, что отражает естественный характер спонтанных ассоциаций. Никаких дополнительных пояснений или наводящих вопросов не предоставлялось, что обеспечивало непроизвольность и спонтанность реакций.

Выборка формировалась целенаправленно с целью включения широкого спектра профессиональных групп. Распределение респондентов по сферам деятельности представлено в таблице 1.

Профессиональная группа	**Количество человек**	**Доля в выборке**
Педагогика/образование	29	21,6%
Нефтегазовая сфера	25	18,7%
Прочие профессии (ЖКХ, повара, бухгалтеры, студенты и др.)	28	20,9%
Продажи / менеджмент	15	11,2%
Филология / гуманитарные науки	13	9,7%
Технические специальности (IT, инженеры, строители)	13	9,7%
Медицина	6	4,5%
Юриспруденция	5	3,7%
Всего	134	100%

Таблица 1. Профессиональный состав выборки

В группу «Прочие профессии» были включены представители специальностей, не образующих ярко выраженной профессиональной общности,

а также домохозяйки и пенсионеры, что позволило учесть и «внепрофессиональный» срез восприятия.

Таким образом, для анализа были собраны 402 вербальные реакции (134 респондента *3 стимула), распределенные по профессиональной принадлежности респондентов и типу стимула.

Для получения более репрезентативной картины и проверки выдвинутой гипотезы был проведен сравнительный анализ реакций по трем различным стимулам: визуальный образ планеты Земля из космоса (стимул 1), вербальный стимул «земля» (стимул 2) и визуальный образ лесистой местности (стимул 3). Такой подход позволяет предположить, как способ и содержание стимула влияют на актуализацию тех или иных зон концепта и на проявление профессиональной специфики.

Предварительный количественный анализ выявил существенные различия в структуре и составе реакций, порожденных разными стимулами (таблица 2).

Категория реакций	**Стимул 1 (планета)**	**Стимул 2 (слово «земля»)**	**Стимул 3 (пейзаж)**	**Наблюдение**
Базовые номинации	78% (Земля, планета)	38% (почва, грунт, планета)	68% (лес, природа, степь)	Стимул 1 дает наиболее концентрированное поле. Слово «земля» вызывает наибольший разброс базовых значений.
Эмоционально-оценочные	10% (красиво, страх)	28% (Родина, жизнь, матушка)	22% (красота, свобода, тишина)	Вербальный стимул сильнее провоцирует эмоционально-ценностные реакции, связанные с патриотизмом и жизнью.
Профессионально окрашенные	12%	34%	10%	Стимул 2 является наиболее релевантным для выявления профессиональной специфики.

Таблица 2. Распределение типов реакций на различные стимулы (%)

Как видно из таблицы, вербальный стимул «земля» продемонстрировал наибольший потенциал для актуализации профессионально окрашенных и эмоциональных ассоциаций, что подтверждает полисемантичность данного концепта и его глубокую укорененность в различных видах деятельности.

Для строгого отнесения реакции к профессионально окрашенной был применен следующий критерий: ассоциация должна быть напрямую связана с

типичными объектами, инструментами, процессами или профессиональным жаргоном сферы деятельности респондента.

Наиболее ярко профессиональный «фильтр» проявился в следующих реакциях.

1) Нефтегазовая сфера. Реакции данной группы отражают геологический, технологический и пространственный аспекты работы.

- «Пласт-коллектор» (на слово «земля») – узкий профессиональный термин, однозначно указывающий на профессиональную деформацию восприятия в сторону объекта деятельности.
- «Спутник» (на изображение планеты) – не бытовая ассоциация, а отсылка к ключевому инструменту разведки месторождений и навигации в отрасли.
- «Гигант», «необъятность» (нефтяники) – данные ассоциации интерпретируются как перенос профессионального опыта работы с гигантскими месторождениями и пространствами на восприятие планеты.
- «Вахта» (на пейзаж) – ключевой формат организации труда, через который нефтяник воспринимает любую локацию, включая природную.

2) Филологи / гуманитарии. В отличие от технократического восприятия, здесь доминирует рефлексия, метафоричность и эмоциональная оценка.

- «Страх, одиночество, темнота, замкнутость» (филолог-редактор, на планету) – комплекс экзистенциальных переживаний, связанных с осознанием места человека во Вселенной.
- «Пухом» (на слово «земля») – отсылка к культурному коду, устойчивому выражению «земля пухом», что свидетельствует о восприятии через призму языка и традиций.
- Реакции на пейзаж у гуманитариев часто включают социальный и глубоко личный контекст («друзья, костёр, яркие и разнообразные эмоции»), отсутствующий у других групп.

3) Педагогика / образование. Реакции часто связаны с трансляцией знаний и ценностей («Родина», «Россия», «русский язык»), демонстрируя сбалансированность между базовой номинацией и социально-значимой оценкой.

4) Прочие профессии (ЖКХ, повара, юристы). Сильны бытовые и утилитарные ассоциации на слово «земля» – «огород», «картошка», «рассада», «5 соток». Это яркий пример того, как профессиональная/бытовая практика формирует специфический фрагмент языковой картины мира, отличный от других групп.

На основании данных трех стимулов можно выделить наметившиеся тенденции в когнитивных стратегиях восприятия, характерные для противоположных по роду деятельности групп (таблица 3).

Критерий	**«Технари» (нефтяники, инженеры)**	**«Гуманитарии» (филологи)**
Основная стратегия	Объектно-категоризирующая, утилитарная	Субъектно-оценочная, рефлексивная
Реакция на планету	Констатация факта, связь с технологиями («спутник»)	Осмысление места человека («одиночество», «полёт»)
Реакция на слово «земля»	Профессиональный жаргон, материал («пласт-коллектор», «горная порода»)	Абстрактные концепты, культурные коды («родина», «пухом»)

Таблица 3. Сравнительные характеристики ассоциативных стратегий

Таким образом, профессиональный фильтр не заменяет общечеловеческие значения, но задает приоритеты в восприятии, активируя релевантные профессиональному опыту смысловые связи.

Результаты демонстрируют вариативность в актуализации концепта «земля» в зависимости от типа стимула. Вербальный стимул провоцирует наибольший разброс ассоциаций, в то время как визуальные стимулы порождают более однородные и контекстно-зависимые реакции.

Полученные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о влиянии профессиональной сферы на восприятие. У представителей технических и нефтегазовых специальностей была выявлена тенденция к объектно-категоризирующей стратегии восприятия, тогда как у гуманитариев – к субъектно-оценочной и рефлексивной.

Профессиональная трансформация проявляется не в замене общечеловеческих значений, а в избирательной актуализации профессионально релевантных смысловых связей, которые формируют специфические фрагменты индивидуальной языковой картины мира.

Разработанный критерий отнесения реакций к профессионально окрашенным (прямая связь с объектами, инструментами или жаргоном профессии) показал свою работоспособность и позволил провести более строгий анализ эмпирического материала.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Захарова М.В. Портрет профессиональной языковой личности современного российского копирайтера // Организационная психолингвистика: электрон. науч. журн. 2020. № 2 (10). С. 10–20.

Захарова М.В. Концептуальное поле как инструмент формирования и описания языкового сознания // Русская словесность. 2024а. № 5. С. 42–49.

Захарова М.В. Представление о течении времени в современном русском языковом сознании // Слово. Текст. Контекст. 2024б. № 4 (20). С. 32–47.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. В 2–х т. М.: АСТ, Lingua, 2003. 1776 с.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 266 с.

Полякова Д.Н. Влияние «профессиональной трансформации» языковой личности на восприятие цвета: теоретический аспект // Вестник ЧелГУ. 2013. №16 (307). С. 93–97.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток–Запад», 2007. 314 с.

М.И. Карабанова (Россия, Москва)

Институт лингвистического и педагогического образования НИУ МИЭТ
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***И.М. Доронина***

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТИТРОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ RUTUBE

В статье рассмотрены возможности использования субтитров как инструмента формирования интерактивной языковой среды, проанализированы механизмы представления информации адресату и процесс усвоения им английской лексики и грамматических структур при помощи субтитров. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска наиболее эффективных механизмов интеграции мультимедийного контента в процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: субтитры, иноязычная коммуникативная компетенция, каналы восприятия, интерактивность, педагогика.

В основе исследования лежит системный анализ научной литературы по проблеме формирования иноязычной коммуникативной компетенции (далее – ИКК). Для выявления механизмов влияния субтитров на процесс обучения был проведен детальный анализ их функциональных возможностей как мультимодального инструмента. Этот анализ позволил описать, каким образом синхронная работа аудиального, визуального и текстового каналов восприятия способствует формированию ассоциативных связей и облегчает усвоение лексики и грамматических структур.

Целью работы является теоретическое обоснование и анализ потенциала использования субтитров на видеоплатформе RuTube для формирования интерактивной языковой среды, способствующей эффективному развитию иноязычной коммуникативной компетенции.

Современные требования к владению иностранным языком сместились с простого усвоения правил и лексики в сторону формирования комплексной иноязычной коммуникативной компетенции. Этот процесс требует погружения обучающегося в языковую среду, которая в условиях цифровизации все чаще создается с помощью мультимедийного контента. В данном контексте видеоплатформы, генерирующие огромные объемы материалов на английском языке, становятся незаменимым ресурсом. Одним из таких видеохостингов

является платформа RuTube, на которой собрано множество видео с субтитрами. Однако ключевой проблемой интеграции такого контента в обучение является трудность в восприятии спонтанной речи носителей.

Эффективным механизмом, снижающим нагрузку и трансформирующим пассивный просмотр в активный учебный процесс, являются субтитры. Актуальность данного исследования заключается в анализе того, как субтитры, не только облегчают понимание, но и напрямую влияют на процессы усвоения лексики и грамматических структур английского языка, тем самым внося вклад в формирование ИКК.

Основная сила субтитров заключена в их способности задействовать несколько каналов восприятия одновременно, создавая интегрированную мультимодальную среду. Согласно теории двойного кодирования Аллана Пайвио, информация, представленная вербально и визуально, кодируется в памяти более эффективно [Paivio, 1986: 53–55]. Пайвио пишет, что вербальная и невербальная (визуальная) информация обрабатываются и хранятся в памяти как две независимые, но взаимосвязанные когнитивные системы. Когда эти системы активируются одновременно, как это происходит при просмотре видео с субтитрами (аудиальный канал + визуальный образ + текстовое подкрепление), создаются более прочные и разветвленные ассоциативные связи. Это напрямую способствует лучшему запоминанию лексики и пониманию грамматических структур. Таким образом, субтитры трансформируют пассивное потребление контента в активный когнитивный процесс, где информация кодируется по двум каналам, что значительно повышает эффективность усвоения языка.

Механизм работы субтитров можно представить следующим образом:

- *Аудиальный канал:* учащийся слышит аутентичную речь с ее ритмом и произношением.
- *Визуальный канал:* он видит видеоряд, обеспечивающий контекстуальную и ситуативную поддержку.
- *Текстовый канал:* субтитры предоставляют точную графическую репрезентацию звучащей речи.

Синхронная работа этих трех каналов создает мощный ассоциативный ряд. Например, при встрече незнакомого слова "neighborhood" учащийся не только слышит его произношение, но и видит его написание, а видеоряд (например, живущие по соседству)[1] предоставляет визуальную подсказку к значению. Этот механизм прямого связывания формы, значения и контекста является фундаментальным для усвоения языка. Кроме того, важным аспектом является возможность управления скоростью воспроизведения и многократного просмотра ключевых фрагментов, что позволяет адаптировать процесс восприятия под индивидуальные потребности обучающегося. Это особенно значимо на начальных этапах изучения языка, когда учащиеся могут испытывать трудности с темпом естественной речи. Таким образом, субтитры не только обогащают сенсорный опыт, но и предоставляют инструменты для самостоятельной регуляции учебной нагрузки, способствуя более глубокому и осмысленному усвоению материала.

Вопросу непосредственного применения субтитров в учебном процессе посвящены труды многих отечественных и зарубежных исследователей. Н.Е. Малик отмечает, что «субтитры развивают навыки аудирования, слуховое восприятие и помогают понимать устную речь, совершенствуют навыки непосредственного понимания слов и словосочетаний, развивают навыки подсознательного восприятия звуков, звукосочетаний и интонаций, т.е. звуковой стороны речи. Просмотр фильмов с субтитрами и чтение субтитров развивает навыки и скорость чтения. При работе над субтитрами как формой перевода студенты преодолевают языковые и переводческие трудности, сопоставляют разные варианты переводов, анализируют переводческие ошибки, грамматические конструкции, развивают навыки переключения с языка на язык» [Малик, 2010: 139]. Автор указывает, что субтитры не только облегчают понимание аутентичной речи на слух, но и способствуют развитию скорости чтения, подсознательному усвоению фонетических особенностей языка, а также

[1] Мультик «Немо» 1. На английском, с субтитрами и переводом. 6–10 лет. URL: https://rutube.ru/video/03411624719cef67dd1ec5651a49356e/

формированию переводческих компетенций. Работа с субтитрами, по мнению автора, позволяет студентам преодолевать лингвистические трудности через анализ и сопоставление, что делает процесс обучения осознанным и рефлексивным.

Как показано в работе П. Нейшена, процесс пополнения словарного запаса часто носит инкрементальный характер и происходит за счет многократной встречи лексических единиц в различном аутентичном контексте [Nation, 2001: 232–239]. Использование субтитров, обеспечивающих визуальную и аудиальную поддержку, идеально соответствует этому механизму.

Таким образом, *усвоение лексики* с помощью субтитров происходит по нескольким направлениям:

– Пополнение лексического словаря: субтитры позволяют встречать слова многократно в разных, эмоционально окрашенных контекстах, что способствует переходу слова из пассивного в активный словарный запас.

– Изучение коллокаций и фразеологизмов: Множество видео насыщено устойчивыми выражениями, субтитры делают эти структуры видимыми и доступными для анализа и запоминания.

– Уточнение значения и употребления: написание слова в субтитрах помогает различить омофоны, которые невозможно идентифицировать на слух.

Усвоение грамматических структур облегчается за счет:

– визуализации грамматики в действии: Абстрактные грамматические правила (например, использование временных форм), когда учащийся видит их использование в реальной коммуникативной ситуации;

– узнавания и анализа синтаксических конструкций: Сложные предложения, условные конструкции, пассивный залог становятся объектом для наблюдения: Учащийся может анализировать структуру предложения в комфортном темпе, возвращаясь к нему при необходимости.

П.В. Сысоев определяет интерактивную языковую среду как «педагогически организованную среду, обеспечивающую условия для продуктивной учебной деятельности и интенсивного речевого взаимодействия

на иностранном языке с использованием цифровых технологий» [Сысоев, 2018: 55].

Сысоев также выделяет следующие ключевые критерии интерактивной среды: активность обучающегося – среда должна стимулировать пользователя к активным действиям (поиск, отбор, преобразование информации), обратная связь – среда должна оперативно реагировать на действия пользователя, адаптивность – возможность настройки среды под индивидуальные цели и задачи [Сысоев, 2018: 64–65]. Таким образом, видеохостинг RuTube можно назвать интерактивной средой, так как ее интерактивность обеспечивается за счет активной роли обучающегося, который может:

- Управлять подачей информации: регулировать уровень сложности, отбирать желаемую лексику, регулировать скорость видео.
- Осуществлять поиск и отбор: использовать поиск по каналам, где доступны транскрипции, для нахождения видео на определенную тематику или с конкретной лексикой.
- Работать с текстом: анализировать полную текстовую расшифровку (выписывая, переводя и заучивая новые конструкции).

Говоря о формировании иноязычной коммуникативной компетенции, коммуникативную языковую компетенцию можно рассматривать как состоящую из нескольких компонентов: лингвистического, социолингвистического и прагматического. Каждый из этих компонентов постулируется как включающий, в частности, знания, навыки и умения. Эта модель восходит к трудам Common European Framework of Reference for Languages (CEFR)[1]. Отечественные исследователи такие как Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез, адаптируют эту модель, подчеркивая, что формирование ИКК требует погружения в аутентичную языковую среду, роль которой в цифровую эпоху и выполняют видеоплатформы

[1] Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. URL: https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989 (дата обращения: 11.11.2025).

с субтитрами [Гальскова, Гез, 2018: 58]. Таким образом, взаимодействие обучающегося с интерактивной средой напрямую формирует компоненты ИКК:

- Лингвистическая компетенция: пополняется словарный запас, отрабатываются грамматические структуры.
- Социолингвистическая компетенция: учащийся видит, как язык используется в зависимости от контекста (формальный, неформальный стиль).
- Прагматическая компетенция: наблюдение за живыми диалогами развивает умение понимать имплицитные смыслы, шутки, иронию.

Субтитры являются не просто вспомогательным инструментом, а сложным механизмом, который оптимизирует процесс усвоения языкового материала. Интеграция субтитров в работу с мультимедийным контентом позволяет создать высокоэффективную интерактивную среду, где происходит одновременное развитие аудитивных навыков, обогащение словарного запаса, интуитивное усвоение грамматики и формирование социокультурной осведомленности. Использование данного инструмента является одним из ключевых направлений модернизации методики преподавания иностранных языков и достижения главной цели – формирования полноценной иноязычной коммуникативной компетенции.

Источники

Мультик «Немо» 1. На английском, с субтитрами и переводом. 6-10 лет. URL: https://rutube.ru/video/03411624719cef67dd1ec5651a49356e/ (дата обращения: 15.09.2025)

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. URL: https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989 (дата обращения: 11.11.2025).

Литература

Гальскова Н.Д., *Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2018. С. 57–58.

Зияева С.А. Социолингвистическая компетенция как один из компонентов коммуникативной компетенции. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга». 2016. С. 92–96.

Малик Н.Е. Методика работы с субтитрами в комплексном обучении иностранному языку. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2010. С. 138–143.

Сысоев П.В. Технологии Веб 2.0 в обучении иностранному языку. М.: КНОРУС, 2018. С 45–55.

Nation I. S. P. Learning Vocabulary in Another Language. Cambridge University Press, 2001. P. 232–239.

Paivio A. Mental Representations: A Dual-Coding Approach. Oxford University Press, 1986. P. 53–58.

С.К. Кучашвили (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: **Беляева В.Е.**

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОРОД: ЖЕНЩИНА И МЕГАПОЛИС В ЛИТЕРАТУРЕ США

В статье исследуется трансформация образа Нью-Йорка в американской литературе XX–XXI вв. через призму женской идентичности. На материале произведений Т. Драйзера, С. Плат, Т. Капоте и Э. Гилберт анализируется, как мегаполис из фона повествования превращается в символ внутренней борьбы, свободы и самоопределения.

Ключевые слова: Нью-Йорк, Америка, женщина, город, США.

В литературе XX века город становится не только пространством действия, но и самостоятельным художественным образом, способным формировать судьбы и внутренний мир персонажей. Особенно выразительно это проявляется в произведениях, где главными или ключевыми героями выступают женщины: мегаполис оказывается для них одновременно пространством новых возможностей и сферой ограничений. Нью-Йорк, крупнейший культурный и экономический центр США, приобретает особое значение в американской словесности. В изображении Нью-Йорка переплетаются мотивы свободы, соблазна и отчуждения, а женские образы раскрывают противоречие между личными устремлениями и давлением социального контекста.

Если традиционно урбанистическое пространство в литературе связывалось с образом мужчины-наблюдателя или странника, то женский взгляд на город долгое время оставался на периферии. Однако в американской прозе XX века ситуация меняется: женщины не только появляются в качестве активных объектов городской среды, но и начинают активно осмыслять её в рамках произведения, формируя женский вариант восприятия. Город в прозе XX века становится в числе прочего и символом внутренней борьбы и самоопределения женщин.

В данной статье будет рассмотрено, как этот процесс отражается в оразе Нью-Йорка в произведениях Т. Драйзера («Сестра Кэрри», 1900), С. Плат («Под

стеклянным колпаком», 1963), Т. Капоте («Завтрак у Тиффани», 1958) и Э. Гилберт («Город женщин», 2019). Сопоставление этих текстов позволяет проследить, каким образом мегаполис становится для женщин зеркалом надежд, страхов и поисков себя, а также как художественная литература выявляет двойственность Нью-Йорка в отношении женской идентичности как пространства свободы и одновременно пространства социальных и культурных ограничений.

Роман Т. Драйзера «Сестра Кэрри» (1900) традиционно рассматривается как одно из первых произведений американской литературы, где город изображен не только как фон повествования, но и как самостоятельный художественный образ, активно воздействующий на судьбу героини. Нью-Йорк становится для Кэрри Мибер пространством противоречий: он одновременно обещает свободу, успех, карьерный рост и социальную мобильность, но в то же время оказывается местом зависимости, где движение вперед связано с уступками и компромиссами. Прибытие Кэрри в мегаполис знаменует ее переход из провинциальной среды в новую, насыщенную символами и соблазнами реальность, где витрины магазинов, шумные улицы и театры формируют особую атмосферу, подчиняющую героиню своим законам. Драйзер подчеркивает, что в городской среде женская судьба оказывается неразрывно связанной с социальными и экономическими условиями. Материальное существование Кэрри напрямую зависит от тех, кто обладает властью и ресурсами, а ее движение вверх по социальной лестнице оказывается невозможным без поддержки мужчин. Вместе с тем писатель показывает и другой аспект: героиня постепенно учится использовать городское пространство, осваивает новые социальные роли, меняет внешность, входит в мир театров и ресторанов. Эти шаги позволяют рассматривать ее не только как объект, но и как личность, стремящуюся к самостоятельности. Однако попытка обрести свободу остается у Драйзера незавершенной. Театральный успех Кэрри в финале романа не приносит ей полноты счастья: за внешним признанием скрываются ощущение пустоты и внутреннего одиночества. Таким образом, Нью-Йорк предстает амбивалентным

пространством: он предоставляет возможность самореализации, но одновременно превращает женщину в продукт, встроенный в систему социальных «обменов». Город в романе функционирует как своеобразная «машина», перерабатывающая человеческие стремления в спектакль, где каждая роль предопределена и где личность оказывается зависимой от внешних обстоятельств. «Сестра Кэрри» формирует важную литературную модель, которая будет востребована последующими авторами: мегаполис изображается как испытание и как зеркало женских стремлений. Образ Кэрри отражает то напряжение, которое возникает на пересечении свободы и зависимости, личных устремлений и социальных ограничений. Нью-Йорк в интерпретации Драйзера становится не просто местом действия, но и активным участником повествования, способным возвышать и одновременно разрушать, дарить героине надежду на будущее и лишать ее ощущения внутренней целостности.

Роман С. Плат «Под стеклянным колпаком» является одним из самых ярких примеров того, как образ мегаполиса используется для изображения кризиса личности и внутреннего распада. В отличие от Драйзера, для которого Нью-Йорк сохранял хотя бы амбивалентное значение – город соблазнов и возможностей, – у Плат мегаполис превращается в психологический лабиринт, где обещания успеха и свободы оборачиваются ощущением пустоты и отчуждения. Главная героиня, Эстер Гринвуд, приезжает в Нью-Йорк как одна из «избранных»: молодая девушка получает престижную стажировку в журнале, возможность блистать на вечеринках и погрузиться в атмосферу большого города. На первый взгляд это воплощение мифа о женской мобильности и карьерном росте, но очень скоро внешнее благополучие вступает в острое противоречие с внутренним состоянием героини. Метафора стеклянного колпака, давшая название роману, становится ключом к пониманию этого противоречия. С одной стороны, она обозначает состояние депрессии, замкнутости и безысходности, в котором находится Эстер. С другой – это можно рассматривать и как художественное обозначение самого города: Нью-Йорк оказывается прозрачным, но непробиваемым барьером, в котором героиня отстраняется от мира и от самой

себя. Архитектура мегаполиса, его ритм и символы не открывают ей новые горизонты, а напротив, усиливают ощущение давления и принуждения. Каждая редакционная встреча, каждая витрина и социальное взаимодействие становятся для Эстер напоминанием о том, что ее личность определяется извне и должна соответствовать чужим ожиданиям. Плат противопоставляет внешнюю картину успешности и внутреннюю драму своей героини. Если Кэрри у Драйзера, несмотря на зависимость от мужчин, всё же могла присваивать городское пространство и использовать его для собственных целей, то у Плат Нью-Йорк оказывается лишенным этой возможности. Город не допускает присвоения: он диктует готовые сценарии: роль привлекательной стажерки, будущей жены, перспективной студентки. Любая попытка Эстер выйти за пределы предписанных рамок разбивается о невидимую стену. Мегаполис в «Под стеклянным колпаком» предстает не сценой для самореализации, а пространством тупиков и повторяющихся ограничений. Каждое движение героини наталкивается на новый барьер, и город становится продолжением стеклянного колпака, в котором заключена ее личность. Если в романе Драйзера мегаполис оставлял хотя бы возможность компромисса между стремлением к свободе и социальной зависимостью, то у Плат эта возможность исчезает полностью. Нью-Йорк здесь превращается в символ непреодолимого отчуждения, где граница между внешним миром и внутренним «я» становится прозрачной, но непробиваемой стеной.

Новелла Т. Капоте «Завтрак у Тиффани» (1958) занимает особое место в литературной карте Нью-Йорка, предлагая читателю образ мегаполиса как сцены самоопределения личности. В отличие от амбивалентного города у Драйзера, где мегаполис становится пространством социальной мобильности и компромиссов, и в отличие от Плат, где он превращается в лабиринт отчуждения, у Капоте Нью-Йорк предстает ареной игры, в которой героиня сама «конструирует» свой облик. Холли Голайтли превращает город в театральное пространство, где рестораны, клубы и витрины работают как декорации ее тщательно выстроенного образа. Она свободно перемещается по этим местам, создавая вокруг себя атмосферу

легкости и непринужденности, и именно эта динамика формирует ритм повествования. Холли – фигура предельно противоречивая. С одной стороны, она олицетворяет миф о «новой женщине» мегаполиса: независимой, не связанной традиционными социальными ролями, способной выбирать собственный маршрут. С другой стороны, ее независимость оказывается построенной на зыбком основании: материальное существование героини напрямую зависит от мужского внимания, а ее кажущаяся свобода встроена в систему социальных обменов. Капоте мастерски показывает эту хрупкость: образ Холли словно держится на тонкой грани между независимостью и уязвимостью, свободой и иллюзией. Особое место в новелле занимает символ магазина Tiffany's. Для Холли это пространство, в котором тревога на мгновение уступает место ощущению безопасности, где реальность превращается в сияющую витрину. Однако этот «островок спокойствия» оказывается не настоящей свободой, а частью логики потребительской культуры: Tiffany's принадлежит миру богатых мужчин и превращает женскую мечту о независимости в иллюзию, встроенную в экономику вещей и брендов. В этом смысле Нью-Йорк в интерпретации Капоте предстает городом парадоксов: он допускает игру с личностью, но не позволяет закрепить результат, превращая ее в бесконечное скольжение по поверхности. Внутреннее противоречие образа Холли проявляется и в восприятии ее окружением. Для рассказчика она остается загадкой, «диким духом», который невозможно удержать, – воплощением романтической мечты о свободе. Для общества же Холли оказывается маргинальной фигурой, живущей на грани приличий, чья независимость трактуется скорее как эксцентричность, чем как право на собственную жизнь. В финале новеллы это противоречие достигает кульминации: исчезновение Холли из Нью-Йорка превращает город в пустое пространство, лишенное ее уникального присутствия, словно сам мегаполис не способен удержать женщину в ее полном выражении. «Завтрак у Тиффани» фиксирует мифологию Нью-Йорка как города, где женщина может заново «изобрести» себя, но одновременно разоблачает условность этого мифа. Холли Голайтли воплощает мечту о независимости, однако ее свобода остается

эфемерной и уязвимой, зависящей от социальных связей, мужского признания и экономики гламура. Нью-Йорк в новелле – это сцена иллюзий: он предоставляет возможность игры с идентичностью, но за пределами сцены обнаруживает ее неустойчивость и хрупкость.

Роман Э. Гилберт «Город женщин» (2019) представляет современный художественный взгляд на Нью-Йорк середины XX века, в котором мегаполис предстает ареной женской свободы, творческой самореализации и поиска новой идентичности. В отличие от С. Плат, где город ассоциируется с давлением и отчуждением, или Т. Капоте, где он оказывается сценой иллюзорной независимости, у Гилберт Нью-Йорк изображен как пространство энергии и праздника, где женщина получает право открыто нарушать социальные нормы и создавать собственную судьбу.

Главная героиня, Вивиан Моррис, прибывает в город в 1940-е годы и сразу оказывается в мире театра, бурлеска и ночной жизни. Театр «Лили Плейс» становится для нее своеобразным пространством инициации – местом, где молодая женщина учится не только наблюдать за происходящим, но и действовать, говорить и выбирать от собственного имени. Важной особенностью романа является то, что женские персонажи здесь занимают центральные позиции. Актрисы, певицы, танцовщицы и другие героини создают коллективный образ «города женщин», где каждая может заявить о себе. В отличие от Кэрри Мибер или Холли Голайтли, чья независимость была тесно связана с вниманием мужчин и экономическими зависимостями, героини Гилберт строят свою свободу на праве наслаждаться жизнью и своим телом. Сексуальность в романе предстает не как инструмент подчинения, а как форма самовыражения и радости. Именно этот мотив перекликается с ключевыми идеями второй волны феминизма, для которой женское тело становилось пространством борьбы за автономию и самоопределение. При этом Гилберт не идеализирует мегаполис. За ярким фасадом театральных огней скрываются травмы, осуждение и социальные ограничения. Вивиан сталкивается с неприятием ее образа жизни, ее выборы вызывают скандалы и общественное

порицание. Свобода оказывается дорогостоящей: путь к независимости сопровождается потерями и внутренними кризисами. Но несмотря на это, Нью-Йорк в интерпретации Гилберт остается пространством возможностей, где женщина может переписать свою биографию, выйти из роли пассивной героини и стать автором собственной истории. «Город женщин» расширяет литературную карту Нью-Йорка в контексте женских образов. Если Драйзер фиксировал двойственность свободы и зависимости, Плат показывала ее трагическую невозможность, а Капоте – зыбкость и иллюзорность независимости, то Гилберт предлагает иной ракурс: радость, игру и коллективную женскую энергию. Ее Нью-Йорк превращается в сцену, на которой женщины впервые могут существовать как главные актрисы, определяющие сюжет и правила, а не как второстепенные роли в чужом повествовании.

Четыре произведения: «Сестра Кэрри» Т. Драйзера, «Под стеклянным колпаком» С. Плат, «Завтрак у Тиффани» Т. Капоте и «Город женщин» Э. Гилберт, – образуют своеобразный литературный маршрут по Нью-Йорку, где женский опыт постепенно меняется в зависимости от исторического времени и культурного контекста. Эти тексты демонстрируют, что мегаполис может быть одновременно сценой для самореализации, испытанием внутренней прочности и зеркалом, в котором отражаются надежды, страхи и амбиции героинь. У Драйзера Кэрри Мибер воплощает ранний вариант «новой женщины». Нью-Йорк здесь представлен как «машина капитализма»: он открывает путь к социальному росту, но взамен требует зависимость от мужчин и участие в системе обмена, где личность нередко превращается в товар. Свобода для Кэрри возможна лишь как компромисс и условие в игре, правила которой определяются извне. У Плат ситуация радикально меняется: ее Нью-Йорк лишен даже иллюзии выбора. Для Эстер Гринвуд мегаполис превращается в лабиринт тревоги и отчуждения, в прозрачную, но непробиваемую тюрьму, где любые попытки выйти за пределы предписанных ролей наталкиваются на невидимые стены. Если Кэрри хотя бы «играет» в свободу, то Эстер оказывается полностью лишенной этой возможности. Холли Голайтли у Капоте занимает промежуточное положение.

Она активно использует город как сцену, на которой разыгрывает собственный образ, меняет имена, сочиняет легенду о себе. Нью-Йорк для нее – это спектакль, где она одновременно независима и желанна. Но эта свобода условна и уязвима: она держится на мужском внимании, экономике гламура и иллюзиях, которые легко могут исчезнуть. Холли действительно близка к образу «женщины-наблюдательницы» мегаполиса, но ее маршруты остаются ограниченными социальными рамками. Наконец, Вивиан Моррис в романе Гилберт представляет новый этап. Для нее Нью-Йорк – это уже не тюрьма и не витрина, а пространство радости, сексуальной свободы и коллективного женского опыта. Театр, ночная жизнь и женская солидарность создают альтернативную модель города, где женщины становятся главными актрисами и авторами собственной истории.

Таким образом, если рассматривать все четыре текста в сопоставлении, становится ясно, что в американской литературе XX–XXI вв. Нью-Йорк выполняет роль своеобразного «зеркала женской идентичности». На рубеже XIX–XX вв. он отражает стремления женщин выйти за пределы традиционной роли (Кэрри). В середине века он фиксирует невозможность такой свободы и превращается в символ внутреннего тупика (Эстер). В послевоенную эпоху он становится сценой игры и самопостановки, где независимость существует лишь как условная и хрупкая маска (Холли). И уже в XXI веке мегаполис предстает как «город женщин» в прямом смысле слова – пространство, где женский опыт многоголосен, где возможно коллективное творчество и радость самовыражения (Вивиан).

Анализ показывает, что в литературных репрезентациях Нью-Йорк становится пространством, отражающим изменения женского положения: от объекта городской среды к субъекту, самостоятельно выстраивающему собственную идентичность. Таким образом, мегаполис функционирует как символ культурно-исторической динамики – от зависимости и кризиса к утверждению свободы и коллективного голоса. Нью-Йорк в литературе выступает как символический узел, в котором сходятся голоса женщин разных эпох и социальных положений. Он превращается в «женский город», где опыт

уязвимости и зависимости соседствует с поисками свободы, игры и самоопределения, а индивидуальные истории обретают значение культурной памяти.

Источники

Гилберт Э. Город женщин. М.: Эксмо, 2020. 480 с.

Драйзер Т. Сестра Кэрри. М.: Художественная литература, 1969. 736 с.

Капоте Т. Завтрак у Тиффани. М.: Эксмо, 2015. 224 с.

Плат С. Под стеклянным колпаком. М.: АСТ, 2021. 320 с.

Литература

Герасименко И.Е. «Мужской взгляд» и теория феминистского кино // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 4 (24). С. 42–50.

Сассен С. Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио. М.: Логос, 2008. 480 с.

Шовальтер Э. Собственная литература: британские писательницы от Бронте до Лессинг. СПб.: Symposium, 2005. 480 с.

Wilson E. The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women. London: Virago, 1991. 191 p.

В.В. Марченко (Россия, Калининград)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Т.Ф. Кузенная***

ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПСКОВСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена анализу особенностей функционирования эмотивного кода в малых жанрах псковского фольклора – пословицах и поговорках с соматическим компонентом. Рассматриваются регионально-культурные особенности коннотативного компонента значения фразем, взаимовлияние и взаимозависимость эмотивного и соматического компонентов в их структуре. Производится классификация, структурный и семантический анализ пословиц и поговорок с компонентами-соматизмами. Составлен и представлен эмотивный каркас фразеологизмов как структурная и аксиологическая часть языковой картины мира псковичей.

Ключевые слова: эмотивность, соматизмы, пословицы, поговорки, языковая картина мира.

Категория эмотивности в общегуманитарных и в частности лингвистических исследованиях становится перспективным и востребованным направлением изучения после выхода труда «Лингвистическая теория эмоций» В.И. Шаховского, где эмоции рассматриваются как проблема антропологической лингвистики (Е.Р. Иоанесян, 2020; М.Л. Ковшова, 2020; Л.Г. Бабенко, 2021; В.И. Шаховский, 2022). Эмотиологическое направление в отечественной лингвистике, основоположниками которого считают В.А. Мальцева, С.Б. Берлизона, М.Д. Городникову, Э.С. Азнаурову и И.В. Арнольд, активно развивается с 80-х – 90-х годов XX века. Эмотивность как самостоятельная категория, свойство речи и конкретных языковых единиц активно изучается, открываются новые направления, в рамках которых эмотивный код рассматривается в контексте воплощения культурной памяти в лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях.

Ряд учёных, в том числе на основе изучения мимики, признаёт эмоции универсальными для разных культур, в то время как другие настаивают на их национальной специфике. А. Вежбицкая говорит об уникальных для каждого языка понятиях, связанных с конкретными эмоциями [Wierzbicka, 1999: 325], а К. Лутц утверждает, что тип культуры определяет переживание эмоций [Lutz, 1987: 290–291]. В свою очередь, В.И. Шаховский настаивает на изучении эмоций

с позиций когнитологии и лингвокультурологии, потому что эмоции «накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты упаковывает в свои формы, то он упаковывает в них и этот эмоциональный отпечаток, который также национально специфичен, оригинален, т. е. неповторим» [Шаховский, 2008: 74]. Наибольшей концентрацией эмоций является прагматика языка и эмоционально-оценочно маркированные стереотипы – в них «осуществляются экспликация национально-специфических ценностей и способы, средства описания, классификации, наблюдения, понимания и предчувствования своей реальности и своих мифов внутри неё» [Шаховский, 2008: 70]. Уникальность и сложность изучения эмотивной лексики, по мнению Л.Г. Бабенко, состоит в том, что оно «формируется на пересечении лексических парадигм разного рода: категориально-грамматических, структурно-семантических, функционально-семантических, денотативно-идеографических» [Бабенко, 2016: 11], следовательно, вызывает трудности интерпретации и классификации.

Особенно интересным представляется рассмотрение эмотивности применительно к соматизмам и фраземам с компонентом-соматизмом: «Номинации частей тела универсальны, именно поэтому связанные с ними культурные коннотации позволяют проследить как общее, так и уникальное в мировоззрении их носителей, выявить доминанты в языке и ценностной картине мира разных народов» [Марченко, 2024: 583]. В традиции отражения телесности и семиотизации тела А.Д. Козеренко и Г.Е. Крейдлин предлагают типологию соматизмов во фразеологии: части тела (спина, лицо), части частей тела (палец, ноздря), органы (кишка, сердце), кости (ребра, локти), телесные жидкости (сопли, кровь), места (брюхо, макушка), отверстия (ухо, рот), покровы (волосяной, кожный, роговой) и чужеродные образования (сыпать соль на раны) [Козеренко, Крейдлин, 2011: 59]. Классификация позволяет структурировать характеристики и представления о тех или иных частях тела в контексте лингвистического анализа фразеологии и создать схему их представления в рамках языка или диалекта.

Целью работы является анализ особенностей функционирования эмотивного кода в малых жанрах псковского фольклора с соматическим компонентом. Рассматриваются базовые (гнев, страх, печаль) и сложные (зависть, ревность, стыд, вина и удивление) эмоции, по терминологии П. Экмана. Именно малые фольклорные жанры, по мнению Т.Ф. Кузенной, «традиционно считаются хранилищем важнейших культурных знаний конкретного народа» [Кузенная, 2023: 15]. Рассматриваются регионально-культурные особенности коннотативного компонента значения фразем, взаимовлияние и взаимозависимость эмотивного и соматического компонентов в их структуре. Производится классификация, структурный и семантический анализ пословиц и поговорок с компонентами-соматизмами. Составлен эмотивный каркас фразеологизмов как структурная и аксиологическая часть языковой картины мира псковичей.

Материалом научной работы послужил корпус фразеологических единиц, которые имплицитно передают эмоцию и содержат прямую номинацию части тела из «Словаря псковских пословиц и поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (здесь и далее)[1]. В рамках данной статьи рассматриваются фразеологизмы с эмоциями, обозначающими печаль, гнев, удивление, страх, вина-совесть, стыд. Интересно, что прямое обозначение зависти и ревности не зафиксировано. Вслед за В.Н. Телией и Московской фразеологической школой термин «фразеологическая единица» мы понимаем широко, относя к нему «все сочетания слов, для которых характерны три основные параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее вариабельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов "в готовом виде"» [Телия, 1996: 56], куда в частности входят пословицы и поговорки.

К первой группе относятся примеры, выражающие печаль и горе: *душа*

[1] *Мокиенко В.М.* Словарь псковских пословиц и поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

(душенька)/сердце болит (заболелась, разболелась, выболела); голова вянет как трава; голову весить/повесить (вешать); кошки скребут на душе; вешать/повесить нос; уши опустить/повесить. Кроме печали маркировано изображение русской тоски, например, глаза не видят – душа не болит. Частотны фраземы с компонентом *ржавчина*/*ржа*: *Железо ржа съедает, а сердце печаль погубляет; ржа съедаетъ железо, а печаль сердце* и «червь»: *какъ червь въ орехе, такъ печаль въ сердце; яко червь в древе, тако и кручина в сердце*. Печаль с большой вариативностью в структуре фразеологизмов соотносится с сердцем и душой, но в народном сознании горе проживается и физически с помощью органов чувств: глаза, нос и уши. По П. Экману, «Печаль – это одна из самых продолжительных эмоций» [Экман, 2022: 154], что фиксируется в народном сознании с сохранением доминанты отрицательной эмоции-состояния: переломанная душа «не сживется», а длительный процесс деструкции транслируется через *увядание, ржавчину*, образ «червя». Присутствуют семы «большое количество» и «продолжительность»: *остров в море, а твое сердце в горе*.

Гнев – базовая отрицательная эмоция*: Гнев человеку кости сушит и сердце крушит; сердитая собака в хрепте понесет*. Транслируется физически губительное влияние эмоции. С номинацией гнева пересекаются семантические поля номинации других эмоций: «сердиться/рассердиться» – *довести до белого каления (колена), портить кровь; пасть на нерв; на нерве сидеть; мотать (трепать) нервы; играть на нервах; сидеть в печёнках.* Негодование, гнев, недоброжелательство выражено и в формулах проклятия: *пусть глаза (глазы) вывернет, побей град по уху, трясь тебе в горло, побей гром в ухо, дух вон, колом в горло (по горлу), маткина нога, чтоб руки отсохли, типун тебе на язык*. Именно гнев считается одной из самых деструктивных эмоций, «враждебность как черта личности, либо эмоция гнева является одним из факторов риска возникновения сердечного заболевания» [Экман, 2022: 218]. Сема «разрушение» содержится в паремиях и соотносится с соматизмами *кости, кровь, нервы, печень, сердце*. Подобное восприятие может быть связано с представлением о

застое крови в печени как сосредоточии токсинов в организме, стремлении подчеркнуть дисфункциональность эмоции.

К комплексу фразеологизмов, выражающих удивление относятся: *Абамлёла и носкай вынесли,* где диалектное «носка» значит «носить на руках»; *белутки (белуды, бёльмы) вывалить (выворотить, выголить / выголять, выкачивать, вылупить) на кого – Ну, што бялутки вылупил?; глаза (глазы, гляделки) выголить / выгонять* в первом значении «недоброжелательно смотреть», а в третьем – «смотреть с удивлением» [Мокиенко, Никитина, 2008: 25]*;* паремия *Мозги в голове зашевелйлись* обозначает как удивление, так и страх*; Кто умерший видел б всё, што есть, рот и глазы разодрали б.* В примерах представлены отверстия органы части тела: *руки, глаза, мозги и рот с* изменением размера или состояния. Широкая вариативность соматического компонента наблюдается в фраземах с обозначением глаз: *белутки, белуды, бёльмы, глазы, гляделки.*

Базовая эмоция страха зафиксирована во многих примерах: *волосы поднимаются; волосы дубом (дубью, дыбом, дыбью) становятся (стали, поднялись); душа в пятках; душа вынувши; душа за пятки хватает; души нет; без души (быть); трясёт душу; мозги в голове зашевелились*. Смежный компонент этой группы эмоций «нервничать/переживать» представлен следующими паремиями: *через голову козырять, сидеть как на иглах, зайти в нерв, ходить на ногтях; ходить (заходить) на пестках; на цырлах ходить; держать высокоумливое сердце*. Именно «изучению страха было посвящено больше исследований, чем изучению любой другой эмоции» [Экман, 2022: 259], в его основе «лежит возможность причинения нам боли, физической или душевной» [Экман, 2022: 268], которая фиксирует критическое состояние сознания. Частотны соматизмы групп «покровы»: *волосы, ногти/цырлы/пестки* и «органы»: *душа/сердце, мозг*. Общей семой является «высота» или интенсивное действие – «хватание», «шевеление», «тряска», передающее состояние беспокойства.

«Вина» во фразеологии почти полностью совпадает с «обвинением» и

обозначена с помощью соматизмов частей тела *рожа*, части частей тела *язык*: *Не брани зеркало, коли рожа крива. Не на зеркало пеняй, коли рожа коса. У правого уши смеются, а у виноватого язык уныл*. Транслируется важность категорий «вина-совесть». Понятия стыда и вины коррелируют в наивном сознании и представлены примерами: *не ёлка, глазам не колко; хоть глазы завязывай; ушам горячо; уши вянут*. Вариативность соматических компонентов в данной группе незначительна – включает только два головных органа – глаза и уши. Физический дискомфорт в виде покалываний или жара связан с сенсорными ощущениями, они быстро реагируют на внешние раздражители и становятся чувствительными, передавая чувство стыда.

Таким образом, соматизмы в эмотивном пространстве диалектной фразеологии представлены широко, а значит – закреплены в культуре. В некоторых случаях они сближаются по единому симптоматическому жесту – движению, которое обозначает эмоцию. В рассмотренных примерах наблюдается семантическое пересечение полей значений, выражающих эмоций, например, между эмоциями страха – удивления, гнева – удивления, вины – совести – стыда, что позволяет говорить о вариативности понимания и выражения эмоциональных реакций в языке.

Источники

Мокиенко В.М. Словарь псковских пословиц и поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

Литература

Бабенко Л.Г. Макроструктура идеографического словаря эмотивной лексики в аспекте полипарадигмальности / Л.Г. Бабенко // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения : Материалы докладов и сообщений международной научной конференции, Москва; Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2016. С. 10–12.

Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания, №6, 2011. С. 54–

66.

Кузенная Т.Ф., Лебедева В.Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: «свои» vs «чужие» // Terra Linguistica, 2023. Т. 14. № 2. С. 15–22.

Марченко В.В., Мярикянова Е.А. Языковая экспликация культурных смыслов русской и якутской фразеологии с соматическим компонентом // Материалы XXIV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри: Материалы конференции, Нерюнгри, 30 октября – 01 2024 года. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. С. 582–587.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2022. 448 с.

Lutz C. Goals, events and understanding in Ifaluk emotion theory // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 290–312.

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). 1st ed. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

Я.Д. Скоковская (Россия, Луганск)

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»,
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Н.В. Грицкова***

МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена рассмотрению метафор, используемых в структуре франкоязычного экономического дискурса. В ходе исследования были выявлены основные случаи употребления структурной механистической метафоры. Результаты демонстрируют значимость использования данного типа метафоры при описании происходящих экономических процессов и явлений.

Ключевые слова: дискурс, экономический дискурс, метафора, метафорическая концептуализация, языковая картина мира.

В современном мире язык экономики обретает особую значимость ввиду его активного использования как специалистами, работающими в данной области, так и людьми, профессионально с ней не связанными, социумом. Необходимость доступно и лаконично объяснить экономические процессы привела к широкому использованию образных языковых средств. Одним из самых распространенных из них является метафора, которая важна для полного понимания экономического дискурса того или иного общества.

Лексика, будучи «строительным материалом» языка [Токмачева, 2024: 61], играет ключевую роль в формировании этого дискурса. Понятие «дискурс» в лингвистике зародилось в XX веке и получило свое развитие относительно недавно. Его изучению были посвящены труды как отечественных (Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.Б. Кашкина, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, К.Ф. Седова, Ю.С. Степанова), так и зарубежных исследователей (Р. Водак, Э. Лакло, В. Кинч, Ш. Муфф, М. Стаббс, Т. ван Дейк, М. Фуко). Тем не менее, ввиду многогранности дискурса и включения в него множества взаимосвязанных и взаимозависимых элементов его активное изучение не теряет своей актуальности и находит отражение в работах современных лингвистов.

Неоднозначность понятия «дискурс» влечет за собой наличие немалого количества его определений. По нашему мнению, наиболее всеобъемлющая формулировка данного понятия была предложена Н.Д. Арутюновой, трактовавшей дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [Лингвистический, 1990: 136–137]. Ю.С. Степанов в свою очередь полагал, что в рамках дискурса язык выступает средством выражения «особой ментальности». Исследователь акцентировал внимание на том, что именно дискурс создает «особый ментальный мир» [Демьянков, 1999: 238]. Е.С. Кубрякова, развивая идеи Ю.С. Степанова, считала, что это «ментальное образование» может быть представлено в виде текста. В данном случае текст является проявлением дискурса и его результатом [Кубрякова, 2012: 125].

Таким образом, можно рассматривать дискурс как заданный контекст коммуникативной действительности, определяемый рядом социокультурных факторов, выраженных в текстах и коммуникативных актах со всем многообразием языковых средств.

Целью данной работы является изучение механистической метафоры в структуре экономического дискурса (на материале экономических статей французских периодических изданий «Le Figaro» и «Le Parisien»).

Методы, используемые в ходе исследования: описательный метод, метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа.

Значение метафоры для различных видов дискурса исследуется как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, так как она является «мощным орудием вербализации понятийной области языка», способствуя метафорической концептуализации знания [Метафора, 2021: 135].

Дж. Лакофф и М. Джонсон, разработчики идей концептуального подхода, выделили три типа метафор: структурные, ориентационные и онтологические. Ориентационные метафоры организуют систему понятий согласно основным линейным ориентациям человека в пространстве: «верх – вниз», «внутри

Снаружи». Онтологические метафоры подразумевают проецирование качеств и характеристик живого существа на абстрактные сущности. Структурные метафоры способствуют концептуализации абстрактных процессов и явлений посредством конкретных и уже знакомых человеческому опыту элементов [Лакофф, 2004: 49, 97].

Рассматриваемая в данной работе механистическая метафора относится к структурному типу. Она идентифицирует происходящие экономические явления, события и процессы с функционированием какой-либо машины, действием механизма, «с машиной, инструментом» [Скоковская, 2025: 223]. Во франкоязычном экономическом дискурсе значительный пласт метафор используется для описания ограничений или, наоборот, возможности и разрешения осуществления каких-либо экономических действий, ведения экономической деятельности:

1) ***tour-de-vis*** (поворот винта) = une restriction (сужение, ограничение): *En 2017, le* ***tour-de-vis*** *fiscal décidé par Emmanuel Macron avait concerné environ 300 grandes entreprises* [Un effort] (*В 2017 году налоговая реформа, проведенная Эммануэлем Макроном, коснулась примерно 300 крупных компаний* – здесь и дале перевод наш, Я.С.*)*;

2) ***serrer la vis*** (закручивать гайки) = restreindre ses libertés (ограничение свободы): *Les députés ont notamment* ***serré la vis*** *sur les taxis médicalisés* [Budget de la Sécu] *(Депутаты, в частности, ужесточили контроль над медицинским такси)* – метафора используется в контексте ужесточения дисциплины и регулирования, установления контроля;

3) ***ouvrir la porte*** (открыть двери) = donner occasion (дать возможность): *La porte-parole de l'exécutif Maud Bregeon avait déjà ouvert la porte à une diminution des économies réclamées aux départements dans le cadre du budget 2025* [Budget: l'effort] *(Пресс-секретарь исполнительной власти Мод Брежон уже дала понять, что возможно сокращение расходов, требуемых от департаментов в рамках бюджета на 2025 год)* – метафора обозначает наличие шанса или предоставление возможности осуществить что-либо;

4) ***fermer la porte*** (закрыть дверь) = empêcher (предотвращать, препятствовать, запрещать): *On ne* ***ferme pas la porte*** *au débat* [Budget: l'effort] *(Мы не препятствуем дебатам)* – метафора может быть интерпретирована в значении «исключать возможность» или «лишить возможности»;

5) ***donner le feu vert*** (дать зеленый свет) = autoriser (разрешить): *La Commission européenne a* ***donné son premier feu vert*** *à ce rachat* [Fnac] *(Европейская комиссия дала разрешение на эту сделку)* – в контексте экономики зеленый свет ассоциируется с разрешением или одобрением какого-либо действия.

Кроме того, рассматриваемый тип метафор используется для пояснения последствий тех или иных экономических явлений, характера их протекания и их масштаба:

1) ***couperet*** (топор) = événement inéluctable avec des conséquences importantes (неотвратимое событие с серьезными последствиями): *le* ***couperet*** *est finalement tombé plus tôt que prévu* [Stellantis] *(в итоге последствия ударили раньше обычного)*;

2) ***dérapage*** (занос автомобиля / отклонение самолета от курса) = évolution soudaine dans un contexte négatif (неожиданные, внезапные негативные изменения): ***dérapage*** *budgétaire* [Dérapage] (*дефицит бюджета)* – делается акцент на неожиданности, непредвиденности данного развития событий;

3) ***explosion*** (взрыв) = croissance très rapide et considérable en taille (стремительный и значительный рост, увеличение размеров): *l'ancienne Première ministre a reconnu avoir été «alerté» sur* ***l'explosion*** *du déficit* [Mercosur] *(бывший премьер-министр признался, что был предупрежден о стремительном росте дефицита)*.

В статьях также были выявлены структурные метафоры, позволяющие охарактеризовать успешное экономическое развитие или средства его достижения:

1) ***moteur*** (мотор) = force motrice ou influence principale derrière une évolution ou un développement (движущая сила или основное влияние, лежащее в основе

эволюции или развития): *ensuite, recentrer nos efforts budgétaires sur les* ***moteurs*** *de la croissance* [Sylvain] *(затем перераспределить наш бюджет на движущие факторы экономического роста)* – лексема «мотор» используется как метафора для обозначения факторов экономического роста;

2) ***levier*** (рычаг) = ce qui sert à vaincre une résistance ; moyen d'action (инструмент, способствующий преодолению сопротивления): *c'est le* ***levier*** *budgétaire le plus puissant dont nous disposons* [Sylvain] *(это самый действенный финансовый рычаг, которым мы располагаем)* – в данном контексте слово «levier» описывает инструмент, способствующий преодолению финансовых трудностей;

3) ***boussole*** (компас) = ce qui sert de repère moral, d'axe de conduite (то, что служит моральным ориентиром, осью поведения): *la* ***boussole*** *de notre organisation* [Les annonces] *(цель нашей организации)* – «boussole» олицетворяет собой цели, преследуемые предприятием.

К другим структурным механистическим метафорам, каждая из которых несет в себе уникальный аспект механистической модели, можно отнести следующие: *les outils économiques (экономические* ***инструменты****)* [COP29]*, actionner le bouton (*«нажми кнопку*» = запустить* ***механизм****/план)* [Déclin]*, être sur un siège éjectable (*«находиться в кресле катапульты» = *быть под угрозой увольнения)* [Déclin]*, un mécanisme de reconversion (****механизм*** *профессиональной переподготовки)* [Les annonces]*, fait l'expérience des montagnes russes (*«кататься на американских горках» = *испытывать нестабильность)* [En grande]*, vaisseau amiral (флагман)* [Cybersécurité]*, «machins» sans pilotes (*«машины / вещи без пилотов / тех, кто управляет» = *неуправляемые компании)* [Des fauteuils]*, trappes à bas salaires (****ловушки*** *низкой заработной платы)* [Cette proposition].

Таким образом, анализ представленных в данной работе метафор позволяет сделать вывод о важности метафоризации в структуре франкоязычного экономического дискурса. Механистические метафоры способствуют преобразованию абстрактных экономических теорий в конкретные образы, что позволяет передавать идеи специальных экономических знаний и имеющейся

информации в наиболее доступной для среднестатистического человека форме, облегчая коммуникацию между специалистами и неспециалистами, а также между представителями разных дисциплин. Механистические метафоры могут влиять на восприятие экономических реалий и формировать общественное мнение, создавая определенные ассоциации в сознании людей. Исследуемое языковое средство не только обогащает франкоязычный экономический дискурс, но и служит важным инструментом для понимания, анализа и критики экономической действительности. Его изучение является необходимым шагом для глубокого осмысления как самих экономических процессов, так и способов их представления в языке.

Источники

Budget de la Sécu: biologistes, radiologues…La commission poursuit l'examen de la copie du gouvernement. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/conjoncture/budget-de-la-secu-psychologues-biologistes-radiologues-la-commission-poursuit-l-examen-de-la-copie-du-gouvernement-20241024 (дата обращения: 20.10.2025).

Budget: l'effort demandé aux départements sera réduit «très significativement», annonce Michel Barnier. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/conjoncture/budget-l-effort-demande-aux-departements-sera-reduit-tres-significativement-annonce-michel-barnier-20241115 (дата обращения: 30.10.2025).

Cette proposition de Gabriel Attal pour «désmicardiser» la France dont va s'emparer le nouveau gouvernement. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/conjoncture/cette-proposition-laissee-cle-en-main-par-gabriel-attal-sur-le-bureau-de-michel-barnier-pour-desmicardiser-la-france-20240906 (дата обращения: 30.10.2025).

COP29: le PDG de TotalEnergies défend «le progrès continu» des majors pétrolières dans la lutte contre le réchauffement climatique. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/societes/cop29-le-pdg-de-totalenergies-defend-le-progres-

continu-des-majors-petrolieres-dans-la-lutte-contre-le-rechauffement-climatique-20241115 (дата обращения: 30.10.2025).

Cybersécurité: l'incroyable parcours du petit poucet français Filigran. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-eco/cybersecurite-l-incroyable-parcours-du-petit-poucet-francais-filigran-20241028 (дата обращения: 28.10.2025).

Déclin du cash : un commerçant ne peut pas refuser un paiement en liquide, mais… Le Parisien. URL: https://www.leparisien.fr/economie/consommation/declin-du-cash-un-commercant-ne-peut-pas-refuser-un-paiement-en-liquide-mais-02-12-2024-SQSA775KA5DRDKSVBCDIYATCEM.php (дата обращения: 30.10.2025).

Dérapage budgétaire : « alertée » fin 2023, Élisabeth Borne ne concède pas de faute lors de son audition au Sénat. Le Parisien. URL: https://www.leparisien.fr/economie/derapage-budgetaire-alertee-fin-2023-elisabeth-borne-ne-concede-pas-de-faute-lors-de-son-audition-au-senat-15-11-2024-YTWOQCUPMFG5JJILD77M6TS5DU.php (дата обращения: 30.10.2025).

Des fauteuils dorés qui coûtent «un pognon de dingue»: les bonnes planques de la République. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/politique/des-fauteuils-dores-qui-coutent-un-pognon-de-dingue-les-bonnes-planques-de-la-republique-20241025 (дата обращения: 30.10.2025).

En grande difficulté, l'enseigne de bazar Gifi cherche un repreneur. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/economie/en-grande-difficulte-l-enseigne-de-bazar-gifi-cherche-un-repreneur-20241115 (дата обращения: 30.10.2025).

Fnac Darty annonce le succès de son offre publique d'achat sur l'italien Unieuro. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/societes/fnac-darty-annonce-le-succes-de-son-offre-publique-d-achat-sur-l-italien-unieuro-20241025 (дата обращения: 25.10.2025).

Les annonces de plans sociaux ne sont que la «partie émergée de l'iceberg», alerte la CFDT. Le Parisien. URL: https://www.leparisien.fr/economie/les-annonces-de-plans-sociaux-ne-sont-que-la-partie-emergee-de-liceberg-alerte-la-cfdt-18-11-2024-AMTFLAGDDFDCZNUWHKY6Y7N7KA.php (дата обращения: 18.10.2025).

Mercosur : les doutes de l'UE sur les chiffres officiels brésiliens de grippe aviaire. Le Parisien. URL: https://www.leparisien.fr/environnement/mercosur-les-doutes-de-lue-sur-les-chiffres-officiels-bresiliens-de-grippe-aviaire-19-11-2024-EGLFEDFL3RDLXOZRL5EZZNCGZQ.php (дата обращения: 25.10.2025).

Stellantis: Carlos Tavares, le directeur général du groupe, poussé à la démission. Le Parisien. URL: https://www.leparisien.fr/economie/stellantis-carlos-tavares-le-directeur-general-du-groupe-demissionne-avec-effet-immediat-01-12-2024-4KMKEAAMK5EDLCW5VCDCRGDSDQ.php (дата обращения: 30.10.2025).

Sylvain Catherine: «L'abandon de la réforme des retraites traduirait l'incapacité du pays à regarder la vérité en face». Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/conjoncture/sylvain-catherine-l-abandon-de-la-reforme-des-retraites-traduirait-l-incapacite-du-pays-a-regarder-la-verite-en-face-20241024 (дата обращения: 24.10.2025).

«Un effort ciblé, limité dans le temps»: Michel Barnier veut mettre à contribution les grandes et très grandes entreprises. Le Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/conjoncture/un-effort-cible-limite-dans-le-temps-michel-barnier-veut-mettre-a-contribution-les-grandes-et-tres-grandes-entreprises-20241001 (дата обращения: 20.10.2025).

Литература

Демьянков В.З. Рец.: Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1999. № 4. С. 232–238.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования: Авторский сборник статей. М.: Фирма Знак, 2012. 203 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем; перевод с английского А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.В. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Метафора в структуре экономического дискурса (на материале английского и французского языков) / О.В. Тоцкая, Н.А. Ткачева, И.Б. Андиш, Д.С. Каданцева // Русский лингвистический бюллетень. 2021. №1(25). С. 133–139.

Скоковская Я.Д. Метафоры в современном франкоязычном дискурсе // Первые шаги в романистике: сборник научных статей. М.: Языки Народов Мира, 2025. Вып. 5. С. 220–226.

Токмачева М.А. Реализация коммуникативного подхода к формированию активного словаря в учебниках французских авторов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13. №4. С. 60–65.

***Д.К. Сумцова (Россия, Москва*)**

Московский городской педагогический университет
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***О.В. Кузьмина***

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВ «ТЕСТЬ» И «ЗЯТЬ»

Статья посвящена этимологическим связям слов *тесть* и *зять* в русском языке. Анализируются точки зрения на происхождение славянских корней, внутренняя форма слов, родственные связи в других славянских языках. Исследуется изменение значений данных терминов родства в истории языка и особенности употребления в современных говорах.

Ключевые слова: этимология, внутренняя форма, термины родства, диалекты.

Термины родства – одна из наиболее закрытых лексических групп, такие слова редко заимствуются из языка в язык. Однако у слов одной языковой ветви всегда можно найти общие источники, чему и посвящено множество исследований. Несмотря на значительный вклад, внесенный в установление этимологических связей и значений данной лексики такими учеными, как Н.С. Трубецкой, Г.А. Ильинский, М. Фасмер, О. Шрадер, А. Вальде, Ю. Покорный, целый ряд вопросов остается дискуссионным, что может быть обусловлено как недостатком древних свидетельств, так и сложной эволюцией семантики этих терминов, отражающей трансформацию семейных и социальных институтов. Наибольшая неоднозначность толкований возникает при анализе терминов, обозначающих некровное родство. Целью нашего исследования является комплексный этимолого-диалектологический анализ русских терминов родства *тесть* и *зять*, направленный на выявление их исконной внутренней формы и последующей семантической эволюции в истории языка и современных говорах.

Зять – муж дочери или сестры.

И М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» [Фасмер, 1986: 112], и О.Н. Трубачёв в «Истории славянских терминов родства» [Трубачёв, 1959: 130] указывают, что слово восходит к индо-европейскому *gen- 'рождаться'. Привычное современному носителю языка звучание *зять* возникло в результате исторических процессов: <g> перешло в <z> вследствие satem-палатализации, а <en> прошло через монофтонгизацию дифтонгического сочетания и стало

сначала <ę>, а затем перешло в <’ä> . Интересно, что к этому же корню восходят и такие термины как *жена* и *жених*. Исходя из значения корня *gen- Трубецкой приходит к выводу о том, что *зять* воспринимался семьей жены как кровный родственник [Трубачёв, 1959: 131].

Иную точку зрения высказывали А. Вальде и Ю. Покорный. Они видели контаминацию корня *gen- с другим индоевропейским корнем *gem-, имеющим значение 'жениться' и 'спаривать' [Трубачёв, 1959: 130]. Гипотеза, восходящая к *gen-, акцентирует внимание на статусе *зятя* как человека, «рожденного» или «принадлежащего к роду» своей жены, что предполагает его глубокую интеграцию в семейную структуру как родственника. Напротив, версия о контаминации с корнем *gem- смещает фокус на его функцию: *зять* – это прежде всего тот, кто взял в жены дочь, то есть совершил акт соединения, спаривания, его ключевая функция – оплодотворение. Эта гипотеза отображает иную социальную модель, где связь *зятя* с семьей жены воспринимается не как кровная, а устанавливается через акт бракосочетания, маркируя его как чужого, вошедшего в семью через определенное действие.

В диалектных названиях *зятя*, живущего у родителей жены, можно увидеть во внутренней форме и иные характеристики. Например, русское диалектное *валазень*[1] происходит от названия обряда переселения в новую постройку – *влазины*. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечается, что зять принимался в дом тестя в том случае, если у второго нет сыновей и ему нужна помощь в хозяйстве, чтобы впоследствии передать двор по наследству избраннику дочери [Брокгауз, 1892: 943]. Такого зятя также могли называть *вдомником* или *зятем-приемышем*. Белорусское диалектное *приймач*, украинское *приймак*, польское диалектное *pristac* и болгарское диалектное *привидник*[2] также указывают на то, что *зять* — это человек, которого приняли, привели извне в дом семьи жены. В сопоставительном отношении интересно

[1] Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 128.

[2] Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 131.

чешское диалектное название *zenich*[1]. В отличие от предыдущих оно так же, как и *зять,* восходит к корню *gen- (мы считаем наиболее точной эту версию) и не выражает конфронтации мужа и семьи жены.

Таким образом, проведенный анализ диалектной лексики позволяет выявить две принципиально различные модели номинации *зятя*, отражающие эволюцию семейных отношений в славянской традиции. Эти модели находятся в отношении семантической оппозиции. Можно увидеть, что внутренняя форма слова *зять* в момент возникновения указывала на восприятие его как человека своего рода, а слова, возникшие позже в диалектах для обозначения той же степени родства, указывают на иное отношение к зятю. Восприятие *зятя* как чужого человека могло обуславливаться возникшими изменениями социальных отношений и структуры семьи.

Тесть – это отец жены.

Этимология этого термина родства также неоднозначна. С одной стороны, *тесть* может восходить к индоевропейскому *tek-. Этот корень имеет значение 'рождать, производить', поэтому в некоторых индоевропейских языках от этого корня образуются названия детей, потомков, например, в греческом – *τέκνον* – дитя. Тогда отглагольное славянское tьstь является названием деятеля, то есть, *тесть* – это родитель. Трубачев пишет: «Это название определяло не отношение отца матери жены к моей жене, а отношение родителя жены ко мне самому» [Трубачёв, 1959: 126]. Из этого следует, что зять называл родителей жены своими родителями, что также объясняется древним обыкновением приравнивать свойственное родство к кровному.

Для современных носителей языка внутренняя форма слова не является очевидной в силу определенных довольно ранних изменений в лексике. Корень *tek- постепенно выходил из употребления в связи с омонимичностью образованиям от глагола *tesati*, что в свою очередь привело к образованию новых корней со значением родства, например, *родити*.

[1] Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 131.

Иную точку зрения излагал Г.А. Ильинский. Он считал, что «тесть» восходит к корню *tьt- 'отец', как и другие слова индоевропейской группы, например, русское *тятя* или греческое *τέττα* «папаша». При этом слово *тесть* образовано при помощи суффикса -st-(h)i- со значением «находящийся на месте». Исследователь полагал, что пара *тесть – тятя* является отголоском кросскузенного брака.

Эту теорию подтверждает диалектное название тестя в чешском языке – *tatinek*[1]. Среди прочих названий тестя особенно интересны наименования из сербского диалектного *прijатель*, а также название, встречающееся в Косово – *pretelji*[2]. Этими словами называли не только тестя. Так мог обратиться и тесть к свекру.

Причину такого наименования И. Попович видит во влиянии северо-албанского *mik*, восходящему к латинскому *amicus*, т.е. «друг» [Трубачёв, 1959: 128]. Таким образом, внутренняя форма называний *тестя* в сербских диалектах указывает на близкие дружественные отношения между семьями, но не на их кровное родство.

В этих современных диалектных названиях *тестя* в славянских языках можно увидеть тот же процесс изменения внутренней формы, что и в словах, обозначающих *зятя* в диалектах, и связано это, на наш взгляд, с изменением семейных отношений, приведшим к стиранию внутренней формы, в которой когда-то подчеркивалась кровная связь. В более поздних диалектных словах во внутренней форме отражается новое отношение к этим членам семьи как пришедшим в нее, принятым.

Подводя итог, хочется отметить, что у терминов кровного родства *зять* и *тесть* нельзя однозначно указать этимологический источник, но проведенный в статье анализ позволяет выявить общую динамику эволюции их. Сопоставление этих терминов родства в диахроническом аспекте отражает изменения социальных отношений внутри семьи. Говоря об этимологии, можно заметить,

[1] Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 128.

[2] Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 128.

что по основной версии оба слова восходят к корням, обозначающим рождение: *зять* – от индоевропейского *gen-, а *месть* – от индоевропейского *tek-. Однако диалектные формы и современное восприятие этих слов показывают уход от представлений о кровном, истинном, родстве. Таким образом, язык сохранил в этих терминах следы сменяющих друг друга социальных эпох: от архаической родовой модели со свойственным родством, приравненным к кровному, до более поздней структуры, четко разграничивающей «своих» по крови и «пришлых» по браку. Эволюция внутренней формы этих слов служит лингвистическим свидетельством изменений в восприятии семьи, родства и социальных ролей в рамках славянской культурной традиции.

Источники

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь русского языка. В 86 тт. СПб: Типо-литография И.А. Ефрона, 1892. 944 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт., 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Литература

Аванесов Р.И. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М.: Академия наук СССР, 1957. 1103 с.

Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства. / М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 213 с.

В.Е. Чижикова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***И.Н. Пучкова***

ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИКИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются трансформации значения, которые претерпевают медицинские термины при вхождении в англоязычный и немецкоязычный интернет-дискурс. Анализируются процессы популяризации и адаптации профессиональной лексики в онлайн-коммуникации в обиходном употреблении. Сопоставление двух языков позволяет выявить как общие тенденции, так и национально-культурную специфику.

Ключевые слова: семантические изменения, медицинская терминология, интернет-дискурс, английский язык, немецкий язык.

Цель данной статьи – выявить трансформации значения, которые претерпевают медицинские термины при вхождении в англоязычный и немецкоязычный интернет-дискурс.

За последние два десятилетия интернет-форумы, тематические сообщества и платформы вопросов-ответов стали существенным источником медицинской информации для широких слоев населения. В результате коммуникации между непрофессионалами медицинская терминология активно входит в обыденный дискурс, причем не обязательно в форме метафор. Часто изменения проявляются как смещение границ значений внутри самой медицинской номенклатуры. Эти смещения выражаются в обобщении, замещении одних согипонимов другими и замене медицинской терминологии бытовыми эквивалентами. Актуальность исследования обусловлена не только лингвистическим интересом (динамика значения), но и практическими последствиями искажений терминологии, которые могут влиять на самодиагностику, выбор терапии и поведение при обращении за медпомощью. Исследование направлено на выявление и описание типов таких искажений и их сравнительный анализ в англо- и немецкоязычном интернет-дискурсе.

Семантические изменения традиционно рассматриваются в рамках исторической и когнитивной семантики как процессы расширения/сужения значения, эвфемизации, элевации (улучшения значения), пейорации (ухудшения

значения), метонимизации и метафоризации. Однако в случае профессиональной лексики (медицина) особый интерес представляют те процессы трансформации, когда термин остается в медицинской семантической области, но теряет часть специфики, точности или границу экспликации. Личностно ориентированное общение в рамках интернет-дискурса [Рябко, Флюг, 2020: 2] значительно ускоряет процесс трансформации семантики терминов за счет неформального характера коммуникации, отсутствия профессиональной редакторской фильтрации и активного участия непрофессионалов, чьи субъективные интерпретации влияют на общее языковое употребление.

В качестве основы нашего исследования были использованы работы, посвященные влиянию медицинской терминологии на процессы самодиагностики и принятие решений об обращении за медицинской помощью. Эти работы показывают, что выбор и интерпретация терминов оказывают существенное влияние на действия непрофессионалов [D'Angelo, Humphreys, Li, Young, 2017]. Материалом нашего исследования послужили тематические форумы и сообщества на английском и немецком языках (публичные разделы Reddit и форумы, посвященные детскому здоровью, как в англо-, так и в немецкоязычном сегменте; в немецкоязычном секторе – форум, посвященный обмену вопросами и ответами на различные повседневные темы https://www.gutefrage.net/ и пр.). Для анализа было отобрано около 30 фрагментов форумных обсуждений, содержащих примеры употребления медицинских терминов в непрофессиональном контексте. Отбор осуществлялся по принципу репрезентативности: в выборку вошли тексты, демонстрирующие характерные типы семантических изменений. При выборе материалов был учтен широкий спектр жанров: вопросы, личные рассказы, посты с описанием симптомов – все они демонстрируют типичное употребление терминов в дискурсе пациентов.

В результате анализа языкового материала нами были выявлены следующие типы искажений первоначального значения медицинских терминов при их употреблении непрофессионалами.

Первый из них – расширение значения за счет гиперонимизации (обобщение категорий). Гиперонимизация – употребление гипонима (слова, обозначающего видовое понятие) в качестве гиперонима (обозначения родового, более общего понятия). Например, в англоязычных корпусах термин «*flu*» (*a common infectious illness that causes fever and headache*[1]) часто служит обозначением любой острой респираторной инфекции или простудного состояния. Так, пользователь в посте под заголовком *«My timeline of what I think is the flu…»* описывает свое состояние: «*Then a few days later, on the following Sunday (July 20), I started to get a headache and fever. Fever lasted for around a day or two. Its now a week later, and I have congestion, blocked sinuses, coughing up phlegm and occasional low key headache and viral pinkeye*»[2] (*Несколько дней спустя, в следующее воскресенье (20 июля), у меня началась головная боль и поднялась температура. Температура держалась около дня или двух. Прошла неделя, и у меня заложенность носа, заложенность пазух, кашель с мокротой, периодические головные боли и вирусный конъюнктивит*, здесь и далее – перевод наш, В. Ч.). В этом примере лексема «*flu»* выступает в качестве обобщенного термина для симптомов, которые клинически могут соответствовать нескольким различным вирусным заболеваниям.

Аналогичное явление наблюдается в немецкоязычном дискурсе с термином «*Grippe*» (*akute Infektionskrankheit, die mit (hohem) Fieber und Muskelschmerzen und Gelenkschmerzen verbunden ist* [3]). Так, на популярном форуме пользователь обсуждает возможность посещения кинотеатра при заболевании: «*Leichte schnupfende Nase damit könnte man ins Kino gehen ohne sich selbst zu schaden und andere zu nerven. Aber mit Grippe ins Kino zu gehen wo es einem schon sehr schlecht geht sollte man lieber lassen*»[4] (*С лёгким насморком можно пойти в кино… Но*

[1] Cambridge University Press. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Reddit. My timeline of what I think is the flu… URL: https://www.reddit.com/r/flu/comments/1m9w2vt/my_timeline_of_what_i_think_is_the_flu/ (дата обращения: 04.10.2025).

[3] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 06.10.2025).

[4] Gutefrage.net. Geht man mit Grippe ins Kino? URL: https://www.gutefrage.net/frage/geht-man-mit-grippe-ins-kino (дата обращения: 04.10.2025).

походов в кино с гриппом, когда вы уже чувствуете себя очень плохо, пожалуй, лучше избегать…). Здесь термин «*Grippe»* употребляется для обозначения состояния, которое с медицинской точки зрения может быть ОРВИ, демонстрируя **семантическое расширение** значения термина в повседневной коммуникации. Такой сдвиг иллюстрирует тенденцию интернет-дискурса к **частичной потере клинической точности** медицинских терминов.

Особый интерес представляет использование медицинской терминологии родителями в интернет-форумах, посвященных детскому здоровью. Так, на немецкоязычном сайте *Rund-ums-Baby* пользователь задает вопрос: *«Kann ein Kind die Lactoseallergie seiner Mutter erben?»*[1] (*Может ли ребенок унаследовать аллергию на лактозу от своей матери?*). В формулировке наблюдается характерное для непрофессиональной коммуникации **смешение терминов:** медицински корректным понятием является «*Lactoseintoleranz»* (*Unverträglichkeit von Milchzucker*[2]), тогда как «*Allergie»* (*Überempfindlichkeit eines Organismus gegen bestimmte (im allgemeinen harmlose) Stoffe und die dadurch hervorgerufenen krankhaften Reaktionen des Immunsystems*[6]) обозначает иммунный ответ на белок, а не на углевод – «*Milcheiweißallergie»*. Иными словами, термин «*Allergie»* используется как гипероним для обозначения любых нежелательных реакций организма на пищевые продукты.

Схожие процессы наблюдаются и в англоязычном интернет-дискурсе. На форумах пользователи нередко смешивают понятия «*milk protein allergy» (Allergy – a condition that makes a person become sick or develop skin or breathing problems because they have eaten certain foods or been near certain substances*[3]*)* и «*lactose intolerance» (the inability to digest lactose).* Так, в одном из обсуждений встречается вопрос: *«Anyone any experience of a milk or lactose allergy with their baby?»*[4] *(У кого-нибудь был опыт аллергии на молоко или лактозу у ребёнка?)*. В

[1] Rund-ums-Baby. Lactoseallergie – URL: https://www.rund-ums-baby.de/experten-forum/milch-beikost-ernaehrungsberatung/lactoseallergie__46751 (дата обращения: 05.10.2025).
[2] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 06.10.2025).
[3] Cambridge University Press. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 06.10.2025).
[4] BabyCenter Community. Dairy or Lactose Allergy – URL: https://community.babycenter.com/post/a78568342/dairy-or-lactose-allergy (дата обращения: 05.10.2025).

данном случае наблюдается **объединение двух различных клинических понятий** под общим термином «*allergy*», что свидетельствует о **гиперонимизации** медицинской лексики.

Следующий тип семантических изменений – использование психиатрических терминов для обозначения психологических проблем неклинического характера. Очень заметное искажение смысла терминов наблюдается в сфере психиатрии: термин «*depression*» (*a mental illness in which a person is very unhappy an anxious (= worried and nervous) for long periods and often feels no interest in anything*[1]) часто используется для описания временных снижений настроения или стресса, а не клинических расстройств, требующих диагностики и лечения. С клинической точки зрения *«депрессивное расстройство (также называемое депрессией) является распространенным нарушением психического здоровья. Оно характеризуется длительными периодами подавленного настроения либо утраты интереса к привычной деятельности или способности получать от нее удовольствие»*[2].

Тем не менее, на форуме *Mental Health Forum* пользователь описывает временное эмоциональное состояние с использованием термина «*depression*» в обыденном значении: «*I was feeling really down yesterday because of my exam – total depression mood.* 😔 *But today I'm feeling much better!*»[3] (*Вчера из-за экзамена я была очень подавлена – абсолютно депрессивное настроение.* 😔 *Но сегодня мне гораздо лучше!*). В данном случае слово «*depression*» используется для описания кратковременной грусти и разочарования, а не клинического диагноза.

Исследования форумов показывают доминирование личного восприятия и повседневной интерпретации симптомов над строгим медицинским описанием,

[1] Cambridge University Press. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Всемирная организация здравоохранения (WHO). Depression: Fact Sheet – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression (дата обращения: 06.10.2025).

[3] Mental Health Forum. Depression during exam period – 2020. – URL: https://www.mentalhealthforum.net/forum/threads/depression-during-exam-period.465094/#post-2873133 (дата обращения: 05.10.2025).

что усложняет разграничение между патологией и нормальной реакцией на жизненные обстоятельства.

В теоретическом ключе показательными также являются исследования, демонстрирующие, что у непрофессионалов оценки психических состояний и симптомов часто субъективны и отличаются от клинических диагностических критериев. Так, исследования по восприятию субклинической депрессии показывают, что непрофессиональные суждения опираются на бытовые признаки, а не на формальные шкалы диагностики [Mehl, 2006].

Однако необходимо отметить, что аналогичный пример из немецкоязычного дискурса найти не удалось. Было замечено, что в контексте описания временной подавленности пользователи часто используют лексемы *«Niedergeschlagenheit»* и *«niedergeschlagen»*[1], обозначающие состояние угнетения, удрученности, уныния, подавленности, упадка сил, эмоционального истощения. Эти единицы семантически близки к термину *«Depression»*, однако функционируют преимущественно в рамках повседневного, а не медицинского дискурса. Так, на одном из немецкоязычных форумов заголовок поста звучит следующим образом: «*Ich fühle mich niedergeschlagen was kann ich dagegen tun?*»[2] (*Я чувствую себя подавленным. Что мне с этим делать?).* Вероятно, именно наличие в языке лексемы *«Niedergeschlagenheit»*, обладающей достаточной экспрессивной емкостью, снимает необходимость прибегать к термину *«Depression»* для выражения состояния временной угнетенности или подавленности.

Следующая тенденция – пейорация – ухудшение значения медицинских терминов при их переносе в оценочный, часто оскорбительный контекст.

Так, в немецкоязычном дискурсе можно встретить следующее высказывание: «*Warum hat es keinen Sinn, sich mit Idioten zu unterhalten?»*[3]

[1] Multitran – URL: https://www.multitran.com/ (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Gutefrage.net. Ich fühle mich niedergeschlagen – was kann ich dagegen tun? – URL: https://www.gutefrage.net/frage/ich-fuehle-mich-niedergeschlagen-was-kann-ich-dagegen-tun (дата обращения: 06.10.2025).

[3] Gutefrage.net. *Warum hat es keinen Sinn, sich mit Idioten zu unterhalten* – URL: https://www.gutefrage.net/diskussion/warum-hat-es-keinen-sinn--sich-mit-idioten-zu-unterhalten (дата обращения: 06.10.2025).

(*Почему нет смысла разговаривать с идиотами?*). Аналогичные примеры встречаются и в англоязычной среде: «*One of the dumber idiots in an administration of morons*»[1] (*Один из самых тупых идиотов в администрации, состоящей из идиотов*). Нужно отметить, что, согласно толковому словарю психиатрических терминов, термин «*идиотия*»[2] означает наиболее тяжелую форму умственного недоразвития, олигофрении, однако в данном контексте он используется в качестве бытового оскорбления. Лексема «*moron*» также утрачивает свою связь с психиатрической терминологией, будучи употребленной в уничижительном, не медицинском смысле. Хотя первоначально «*the "moron" represented those who could not develop beyond the primitive savagery of adolescence*»[3].

Подобные случаи пейорации иллюстрируют переход медицинских обозначений в сферу разговорной и оценочной лексики, закрепляясь в общеупотребительном языке как эмоционально окрашенные оскорбления.

В целом, сопоставление англоязычного и немецкоязычного интернет-дискурсов показывает, что характер семантических искажений медицинской терминологии во многом совпадает. В обеих лингвокультурах наблюдаются процессы обобщения, смещения значений и подмена профессиональных понятий бытовыми, что отражает общую тенденцию к утрате точности терминов. Существенное различие отмечено лишь в употреблении термина *depression / Depression*: в англоязычном дискурсе он часто используется для описания временного эмоционального спада, грусти или стресса, тогда как в немецкоязычной среде пользователи, как правило, прибегают к более нейтральным словам – *Niedergeschlagenheit* и др., – избегая употребления профессионального термина вне клинического контекста. Это позволяет предположить, что в немецком языке несколько чаще сохраняется более четкое

[1] Reddit. *One of the dumber idiots in an administration of morons* – URL: https://www.reddit.com/r/WhitePeopleTwitter/comments/1npm4ld/one_of_the_dumber_idiots_in_an_administration_of/ (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Dictionnaire russe des termes psychiatriques – URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_TERMES_PSYCHIATRIQUES.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

[3] Eugenics Archive. Encyclopedia Entry – URL: https://www.eugenicsarchive.ca/encyclopedia?id=53480acd132156674b0002c3 (дата обращения: 06.10.2025).

разграничение между медицинской и обыденной номинацией психоэмоциональных состояний, тогда как в английском чаще наблюдается их частичное пересечение.

Источники

Reddit. My timeline of what I think is the flu… – 2014. – URL: https://www.reddit.com/r/flu/comments/1m9w2vt/my_timeline_of_what_i_think_is_the_flu/ (дата обращения: 04.10.2025).

Gutefrage.net. Geht man mit Grippe ins Kino? – 2024. – URL: https://www.gutefrage.net/frage/geht-man-mit-grippe-ins-kino (дата обращения: 04.10.2025).

Rund-ums-Baby. Lactoseallergie – URL: https://www.rund-ums-baby.de/experten-forum/milch-beikost-ernaehrungsberatung/lactoseallergie__46751 (дата обращения: 05.10.2025).

BabyCenter Community. Dairy or Lactose Allergy – URL: https://community.babycenter.com/post/a78568342/dairy-or-lactose-allergy (дата обращения: 05.10.2025).

Mental Health Forum. Depression during exam period – 2020. – URL: https://www.mentalhealthforum.net/forum/threads/depression-during-exam-period.465094/#post-2873133 (дата обращения: 05.10.2025).

Die Herzklappe. Antibiotika? – 2008. – URL: https://www.die-herzklappe.de/forums/index.php?/topic/2568-antibiotika/ (дата обращения: 05.10.2025).

Cambridge University Press. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 06.10.2025).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 06.10.2025).

Всемирная организация здравоохранения (WHO). *Depression: Fact Sheet* – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression (дата обращения: 06.10.2025).

Multitran – URL: https://www.multitran.com/ (дата обращения: 06.10.2025).

Gutefrage.net. Warum hat es keinen Sinn, sich mit Idioten zu unterhalten – URL: https://www.gutefrage.net/diskussion/warum-hat-es-keinen-sinn--sich-mit-idioten-zu-unterhalten (дата обращения: 06.10.2025).

Reddit. One of the dumber idiots in an administration of morons – URL: https://www.reddit.com/r/WhitePeopleTwitter/comments/1npm4ld/one_of_the_dumber_idiots_in_an_administration_of/ (дата обращения: 06.10.2025).

Dictionnaire russe des termes psychiatriques – URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_TERMES_PSYCHIATRIQUES.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

Eugenics Archive. Encyclopedia Entry – URL: https://www.eugenicsarchive.ca/encyclopedia?id=53480acd132156674b0002c3 (дата обращения: 06.10.2025).

Gutefrage.net. Ich fühle mich niedergeschlagen – was kann ich dagegen tun? – URL: https://www.gutefrage.net/frage/ich-fuehle-mich-niedergeschlagen-was-kann-ich-dagegen-tun (дата обращения: 06.10.2025).

Литература

Рябко Е.И., Флюг Л.И. Особенности современного интернет - дискурса // E-Scio. 2020. №12 (51). С. 381–385.

Mehl M.R. The lay assessment of subclinical depression in daily life // Psychological Assessment. 2006. Т. 18, № 3. С. 340–345.

D'Angelo M.C., Humphreys K.R., Li T., Young M.E. The Impact of Medical Terminology in Self-Triage Decision-Making // Frontiers in Communication. 2017. Т. 2. https://doi.org/10.3389/fcomm.2017.00006. URL: https://www.frontiersin.org/journals/communication/articles/10.3389/fcomm.2017.00006 (дата обращения: 04.10.2025).

Раздел II. Структура языка: слово как объект анализа

К.Г. Бутина (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
1 курс, магистратура
Научный руководитель: ***Н.М. Девятова***

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЧАСТИЯ И ИХ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Статья посвящена исследованию субстантивированных причастий в русском языке с точки зрения их семантико-грамматических признаков. Особое внимание уделяется разграничению актуального и функционального значения данных единиц, степени их субстантивации, а также изменению морфологических и синтаксических признаков при переходе причастий в разряд существительных.

Ключевые слова: субстантивация, причастие, словообразование, актуальное значение, функциональное значение.

Академик А.А. Шахматов в своих исследованиях даёт названия видам переходов одной части речи в другую: адъективация (переход других частей речи в разряд прилагательных), субстантивация (переход в разряд существительных), прономинанция (переход имени собственного в имя нарицательное), предикативация (переход в разряд категории состояния), модаляция (переход в разряд вводных слов) и другие. Как же ведут себя единицы, оказавшись в «чужом» пространстве, каково влияние на них чужой системы?

Субстантивация – это процесс образования имен существительных в результате перехода в их состав слов других частей речи, например, имен прилагательных, причастий, порядковых числительных. Субстантивация – продуктивный способ словообразования, который сопровождается не только изменением частеречного статуса слова, но и изменением его семантико-синтаксических свойств.

Проблема субстантивации причастий рассматривалась в лингвистике с различных позиций: грамматической, семантической, стилистической. Основу изучения данного явления заложили такие учёные, как В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко и др. Они рассматривали субстантивированные

формы как проявление переходности между частями речи, анализируя роль контекста и синтаксической функции в процессе номинации.

Наиболее продуктивный подход к пониманию поэтапности субстантивации предложила Г.Ю. Сызранова. Она выделяет несколько степеней перехода от глагольной природы к номинативной – слабую, неполную и полную субстантивацию [Сызранова, 2015]. Однако остаются малоизученными вопросы функциональной семантики субстантиватов, в частности: как они соотносятся с категорией времени, сохраняют ли валентности глаголов, как это влияет на сам процесс субстантивации.

В настоящей статье ставится цель показать связь видо-временного значения глагола и синтаксического поведения субстантивированного причастия, а также выявить и классифицировать семантико-грамматические признаки субстантивированных причастий, определить степень их субстантивации.

В круг задач входят определение морфологических и синтаксических характеристик субстантивированных причастий, анализ степени их субстантивации, исследование сохранения или утраты глагольных признаков, установление закономерностей в распределении актуальных и функциональных значений. Вслед за Е.Я. Шмелевой [Шмелева, 1983], показавшей связь лексического значения отглагольных существительных со значением лица и видо-временного значения производящего глагола, мы покажем эту связь на примере субстантивированных причастий. Мы будем различать формы, соотносящиеся с актуальным значением, называющие признак, проявляющийся ситуативно, и единицы, соотносимые со временем постоянного действия – функциональными именами.

Новизна работы заключается в попытке комплексного подхода к описанию субстантивированных причастий с позиций грамматической классификации, семантического анализа и функционального употребления. Предложена типология таких единиц по степени их субстантивации с чётким разграничением по ряду признаков: временной изменчивости, способности к распространению, степени закреплённости в языке.

Материал исследования составили примеры из произведений художественной литературы, публицистики, научных текстов. Использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Начальный этап работы был связан с определением круга глаголов, причастные формы которых допускают субстантивацию. Состав единиц определялся по Малому академическому словарю.

Метод исследования – сплошная выборка с последующей классификацией субстантиватов по параметрам:

- степень субстантивации;
- тип значения (актуальное / функциональное);
- наличие / отсутствие временной изменчивости и распространителей и др.

Частой является субстантивация причастий, которая представляет собой результат сокращения словосочетания (эллипсиса). Например: *подбитый солдат → подбитый, бежавшие ребята → бежавшие, пострадавший гражданин → пострадавший.* При такой субстантивации происходит включение семантики определяемого слова в значение самой причастной формы. Такое сокращение связано с тем, что причастие утрачивает свою зависимость от определяемого слова и становится самостоятельной лексической единицей в предложении:

Тут ударили автоматы, прикрывая ***подбитого****, и старшина совсем уж было вскочить хотел, к своим кинуться, да удержался* (Б.Л. Васильев – НКРЯ).

Бежавшие *последними не без испуга натыкались на валяющиеся на асфальте изуродованные, безногие или безголовые тела* (З. Прилепин – НКРЯ).

Спасибо, верный друг, заступился за ***пострадавшего****!* (М.А. Булгаков – НКРЯ).

Способность изменяться по временам и сохранять глагольное управление служит основанием различения двух групп субстантиватов: с актуальным и функциональным значением.

Субстантивированные лексемы с актуальным значением называют временные состояния или действия субъектов, которые остаются актуальными в

момент речи. Как правило, они указывают на непосредственное участие субъекта в действии и могут изменяться в зависимости от контекста. Например, «читающий» в одном случае может обозначать конкретного человека, выполняющего действие в данный момент, а в другом – характеризовать человека, имеющего привычку читать.

Было очень тихо, и ***читающий*** *не видел ничьих лиц, даже забыв в тот момент, что его слушают* (А. Варламов – НКРЯ).

Ах, если бы ***читающие*** *Шиллера в последующие годы учились у него любить добро и ненавидеть зло!* (А. Эфрос – НКРЯ).

И в первом, и во втором случае перед нами актуальное имя. *Читающий* в первом примере может быть распространено: *читающий текст*.

Среди проанализированных нами субстантивированных причастий с актуальным значением можно выделить следующие лексемы: *берущий, бросивший, бунтующие, вальсирующие, влюблённый, вмешавшийся, выстреливший, любящий, награждаемый, найденное, написанное, ношеное, отвергнутый, побитый, приготовленное, проверяющий, проданное, проигравший, проигранное, пройденное, сбежавший и др*. Всего – 53 слова с актуальным значением (65,43%).

Так ***вальсирующие****, взявшись за руки, кружатся вокруг некой точки пространства, разделяющей их* (НКРЯ).

Как назло, именно в этот день заявился очередной ***проверяющий*** *от компании и сделал суровый выговор бригадиру, Рите Ламбинас* (Д. Донцова – НКРЯ).

Функциональное значение реализуется в следующих субстантиватах: *верующий, ведомый, ведущий, впередсмотрящий, вычитаемое, говорящий, млекопитающие, подозреваемый, пострадавший, обвиняемый, обучающиеся, пресмыкающиеся, уменьшаемое, учащиеся и др.* Всего – 28 слов (34,57%).

Уменьшаемое *в уравнении функции описывает активы компании и связывает их с доходностью и сроком вложений* (НКРЯ).

Твоя жизнь скудна, игемон, – и тут ***говорящий*** *позволил себе улыбнуться* (М.А. Булгаков – НКРЯ).

В отличие от субстантивированных причастий с актуальным значением, данные слова приобретают устойчивую функцию в языке и часто используются в качестве специальной лексики, предназначенной для определённой области знаний или профессиональной деятельности. Они обозначают категории или группы объектов, наделенных определенными устойчивыми характеристиками. Например, слово *«млекопитающие»* используется в биологии для обозначения класса животных, а *«обвиняемый»* – в юриспруденции для обозначения человека, которому предъявлено обвинение. Такие лексемы в лингвистике принято называть узуальными. Субстантиваты с функциональным значением, хотя и произошли от причастий, давно утратили свою первоначальную временную окраску и сейчас воспринимаются как устойчивые имена существительные. Такие единицы не изменяются по временам и не сохраняют глагольных распространителей.

Одной из ключевых особенностей актуальных субстантиватов является возможность временной вариативности, что свидетельствует о сохранении глагольных признаков исходного слова. Примеры: *уезжающий – уезжавший; бунтующий – бунтовавший; провожающие – провожавшие.*

Это отличает их от форм с функциональным значением, где временной компонент отсутствует: «нападающий» (профессиональное наименование) не допускает в данном значении формы прошедшего времени. Следовательно, только субстантиваты с актуальным значением могут изменяться по временам, сохраняя глагольную основу.

Субстантивация причастий приводит к изменениям их грамматических свойств в той или иной степени. В результате конверсии причастие приобретает морфологические свойства существительного, теряя при этом ряд характерных черт исходной части речи. Актуальное значение субстантиватов, в отличие от функционального, позволяет существительному сохранить больше грамматических качеств причастий. У субстантивированных причастий

актуального значения грамматическая структура видоизменяется, приобретая качества субстантивного характера: грамматический род как классифицирующий признак и формообразование по числу при конкретной семантике лексемы. Например:

- ***Бежавшие*** – субстантиват актуального значения (род и число являются нефиксированными признаками). Ср. *бежавшие из России за границу.*
- ***Вычитаемое*** – субстантиват функционального значения (средний род является постоянным признаком; singularia tantum).

Однозначность числового формообразования (pluralia tantum или singularia tantum) присуща большинству лексем неличной семантики, а также непарным образованиям личного значения, характеризующимся специальным, терминологическим употреблением *(командующий, ведомый, впередсмотрящий)*. Такую грамматическую особенность можно встретить в субстантивированных причастиях функционального значения, что указывает на утрату глагольных признаков и более полную степень субстантивации.

Развитие значений субстантиватов в языке, а также их активное употребление в отрыве от определяемого слова может приводить к закреплению таких слов в толковых словарях. Среди проанализированных нами 81 субстантивированного причастия было обнаружено 32 слова, закрепленных в различных толковых словарях (среди них 8 – с актуальным значением, 24 – с функциональным): *арестованный, береженый, будущее, верующий, ведомый, ведущий, влюбленный, вычитаемое, говорящий, голодающий, делимое, любимый, любящий, мороженое, нападающий, обвиняемый, обучающиеся, опрошенный, млекопитающий, подозреваемый, пострадавший, пресмыкающиеся, приданое, проверяющий, протестующий, незаконнорожденный, впередсмотрящий, убитый, уважаемый, уменьшаемое, болеутоляющий, учащийся*. Таким образом, за счет процесса субстантивации в языке появляются новые слова, которые могут закрепляться в узуале и переходить в разряд общеупотребительных лексем

(будущее, ведущий, мороженое и др.) или переходить в категорию специальной лексики *(подозреваемый, пострадавший, протестующий и др.)*.

Некоторые субстантивированные причастия могут сохранять свою связь с исходной глагольной формой, продолжая выражать временные (актуальные) значения. Например, слово «ведущий» может означать как профессиональную деятельность («тот, кто ведёт концерт, теле- или радиопередачу, сопровождая их комментариями»), так и временное состояние субъекта.

Ведущий *уточнил цену: «От 500 тысяч долларов?» – «Иногда бывает даже меньше», – ответил эксперт* (НКРЯ).

Всегда в жизни были ведомые и ***ведущие*** (НКРЯ).

Тем не менее, при частом употреблении в одном устойчивом значении слово может окончательно закрепиться в языке в качестве существительного. Среди таких слов мы обнаружили следующие примеры: *млекопитающие, пресмыкающиеся, приданое, незаконнорожденный*.

В связи с этим лингвисты выделяют степени субстантивации: полная, неполная и слабая. К лексемам с полной степенью субстантивации принято относить различные термины и слова специальной лексики. Так, субстантиваты становятся универсальными и незаменимыми для обозначения определенных понятий: *млекопитающие, пресмыкающиеся, незаконнорожденный, болеутоляющее и др.* Лексемы с полной степенью субстантивации всегда несут в себе функциональное значение. Эти слова не требуют определяемого слова, их значение полностью реализовано в субстантивате. Такие причастия окончательно утрачивают свои грамматические признаки, свойственные глагольным формам, и функционируют исключительно как существительные:

Как-то у поэта заболел зуб, он принял ***болеутоляющее*** *и впал в забытье* (Н. Фомина, Ф. Павлов-Андреевский – НКРЯ).

Субстантиват, образованный от глагола «утолять» (с прибавлением существительного «боль»), полностью перешёл в разряд существительных, утратив свою глагольность и все сопутствующие признаки. Так, данная лексема характеризуется постоянностью родового признака (средний род) и склонения

(второй тип). Среди непостоянных признаков выделяются число *(болеутоляющее – болеутоляющие)* и падеж *(болеутоляющее – болеутоляющего)*.

Лексемы с функциональным значением, реализующие полную степень субстантивации, не допускают распространителей. Такие формы заключают в себе максимально полное, исчерпывающее значение, не требующее уточнения и конкретизации:

Летом температура на почве там доходит до семидесяти градусов, но этой, сравнительно прохладной весной было не больше сорока и поэтому ***пресмыкающиеся*** *встречались редко* (Б. Медников – НКРЯ). Субстантивированное причастие «пресмыкающиеся», в котором реализуется функциональное значение, употребляется как зоологический термин. В данном значении субстантиват не может иметь при себе распространителя.

К неполной субстантивации можно отнести такие слова, как *«атакующий», «верующие», «говорящий», «нападающий», «обучающиеся», «окружающие», «опрошенные» и др.* При неполной субстантивации причастие сохраняет некоторые грамматические черты глагола, но при этом уже может выступать в роли существительного. К данной группе слов также относятся субстантивированные причастия, выражающие преимущественно функциональное значение, хотя и актуальное значение встречается нередко. Такие слова часто употребляются в форме множественного числа:

В ходе разбора ситуаций ***обучающиеся*** *учатся действовать в «команде», проводить анализ и принимать управленческие решения* (С.С. Тихомирова – НКРЯ).

Лексемы неполной степени субстантивации с функциональным значением иногда допускают распространение. Однако и оно носит неполный, неяркий характер, часто выражающееся в определении:

Нет, так советские ***учащиеся*** *себя не ведут* (Ю.О. Домбровский – НКРЯ). Субстантивированное причастие *«учащиеся»*, реализующее функциональное

значение, имеет при себе распространителя – согласованное определение *«советские»*, выраженное относительным прилагательным.

Отличаются слова неполной степени субстантивации, выражающие актуальное значение. Они имеют при себе распространителей намного чаще. Как правило, характер распространения у субстантиватов актуального значения неограниченный, ярко выраженный:

А мы новые ***смотрящие*** *по этой ситуации на мосту* (А. Терехов – НКРЯ). Субстантивированное причастие *«смотрящие»* реализует актуальное значение. Данный субстантиват распространён целым рядом слов: *«по этой ситуации на мосту»*.

Несмотря на приобретенные признаки существительного, формы с неполной субстантивацией сохраняют связь с глагольной основой и возможность использоваться как причастия:

Имеется в виду, что люди, ***обучающиеся*** *пользованию интернетом, обычно обращаются за помощью к знакомым и друзьям, у которых больше навыков в этой сфере* (О.Н. Вершинская – НКРЯ).

Слабая степень субстантивации наблюдается в случаях, когда причастие ярко сохраняет свою глагольность. Такие субстантиваты всегда выражают актуальное значение: *подлежащий, зависящий, бросивший, берущий.* Они требуют обязательное наличие при себе зависимого существительного, так как сами они не несут в себе полного значения (чаще всего они образованы от глаголов, требующих обязательной связи – релятивных глаголов):

Бросивший гранату *кинулся бежать* (Ф. Искандер – НКРЯ). Глагол *«бросить»*, от которого образовано субстантивированное причастие, хоть и обозначает конкретное действие, всё же при переходе в разряд существительных, не реализует конкретное и ясное для понимания значение. Лексема сохраняет в себе глагольность и требует уточнения, конкретизации. Без распространителя *(«гранату»)* понимание смысла данного речевого высказывания было бы затруднено.

Бросивший курить *отличается от остального человечества тем, что не просто избавился от пагубной привычки* (Н. Щербак – НКРЯ). Тот же субстантиват имеет при себе уже другой распространитель: инфинитив *«курить»*. Распространитель полностью меняет смысл лексемы, если рассматривать его в сравнении с прошлым примером.

Старец – это ***берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю*** (НКРЯ). Субстантиват *«берущий»* имеет в данном предложении целый ряд однородных распространителей: *«вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю»*.

Как мы видим, в таких конструкциях причастие со слабой степенью субстантивации не может существовать самостоятельно и сохраняет полную зависимость от контекста, реализуя актуальное значение.

Таким образом, субстантивированные причастия с актуальным значением отражают временные действия или состояния субъектов, что обусловливает их изменчивость и зависимость от контекста. Такие лексемы носят окказиональный характер и могут субстантивироваться в неполной и слабой степени.

Субстантиваты с функциональным значением представляют собой устойчивые языковые единицы, значение которых закреплено в толковых словарях. Такие слова часто относятся к специальной лексике: они функционируют в качестве терминов и обозначений для групп объектов, категорий или профессиональных ролей. Эти слова утрачивают связь с определяемым словом и теряют признаки глагольности. Они переходят в разряд существительных, зачастую перенимая все частеречные грамматические признаки.

Различие между актуальным и функциональным значением субстантивированных причастий лежит в их степени устойчивости, области употребления, а также в ряде грамматических особенностей. Субстантивированные причастия с актуальным значением сохраняют зависимость от контекста, в то время как функциональные субстантиваты становятся свободными лексическими единицами, фиксированными в словаре.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 03.03.2025).

Литература

Сызранова Г.Ю. Употребление субстантивированных причастий в современном русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Пенза, 2015. 291 с.

Шмелева Е.Я. Названия производителя действия в современном русском языке: словообразовательно-семантический анализ: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 1983. 246 с.

Я.А. Евдокимова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
1 курс, магистратура
Научный руководитель: ***А.В. Алексеев***

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ НОМИНАЦИИ ЖК

Статья посвящена анализу языковых особенностей названий жилых комплексов Москвы в контексте принятия закона об обязательном использовании кириллицы. Применялись общенаучные и лингвистические методы исследования. На материале портала «Дом.рф» исследуются 54 ойкодомонима, выявляются случаи смешения кириллических, латинских и/или цифровых знаков; языковой игры; нарушения языковых норм. Установлено, что около 33% названий содержали некириллические элементы, а 24% – ошибки и/или элементы, не свойственные русскому языку, что отражает влияние маркетинговых стратегий и тенденций урбанонимики.

Ключевые слова: ойкодомоним, наименования жилых комплексов, урбаноним, урабнонимический ландшафт, закон о защите русского языка.

Инфраструктура в Москве переживает этап масштабного развития и модернизации, но особенно активно развивается строительство жилой недвижимости. По официальной статистике в Москве построили более 150 миллионов квадратных метров недвижимости с 2011 года.

Такая ситуация не может не отражаться на топонимической картине Москвы, что доказывает **актуальность исследования**. Более того, именно «в топонимической системе Москвы произошло становление таких новых урбанонимических категорий собственных имен, как названия торговых центров и жилых комплексов» [Разумов, 2016: 122].

Актуальность данного вопроса также подтверждает интерес государства к номинации жилых объектов. 17 июня 2025 года Государственная дума Российской Федерации приняла поправки в закон «О защите прав потребителя», который фактически является «Законом о защите русского языка», согласно которому с 1 марта 2026 названия жилых комплексов (ЖК – здесь и далее) должны быть выполнены только с использованием кириллицы [168–ФЗ, 2025: Ст. 1]. С законодательной точки зрения данные требования были оформлены в федеральном законе от 24.06.2025 №168–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Целью работы является фиксация языковой ситуации до информации о принятии такого закона и рассмотреть особенности номинаций для последующего анализа тенденций, поскольку названия ЖК – это уникальная языковая среда, в которой отражаются не только языковые тенденции, но и сферы маркетинга, права и потребительской культуры.

Мы рассмотрели период от 16 октября 2024 года до 16 июня 2025 года, предшествующий публикации информации о принятии закона «О защите русского языка» 17 июня 2025 и его вступлению в силу 1 марта 2026 года.

Основным источником данных для исследования послужил официальный портал «Дом.рф» – единая информационная система жилищного строительства (ЕИСЖС). Согласно Федеральному закону №214–ФЗ, застройщики обязаны размещать на этом портале достоверные сведения о жилых комплексах, включая их названия и технические характеристики. Это гарантирует надежность используемой информации, хотя часть технических данных не была задействована в рамках нашего исследования.

В данной работе мы рассмотрели теоретическую базу на основе работ Т.П. Романовой, Р.В. Разумова, М.В. Голомидовой, О.В. Врублевской.

Название жилого комплекса является урбанонимом – это «название городского объекта, отражение материальной и духовной сфер городской жизни» [Голомидова, 1995: 76]. Современные урбанонимы отличаются самыми разнообразными номинациями, которые привлекают к себе внимание. Важно отметить, что имя собственное, и убраноним в том числе, «сворачивает, сокращает до лексической единицы сведения о ситуации, сопровождавшей номинативную деятельность. Компонентами же этой ситуации выступают реальные свойства объекта, замысел и установки номинатора, его языковой и интеллектуальный опыт» [Голомидова, 1995: 77].

Некоторые исследователи также предлагают термин «ойкодомоним», обозначающий «собственные имена не только отдельных зданий как топографических объектов, но также и любых архитектурных сооружений, в том

числе наименования жилых комплексов, коттеджных поселков, дачных кооперативов» [Романова, 2022: 100].

Мы также разделяем данное мнение и в работе будем использовать термин «ойкодомоним», т.к. он представляет собой конкретное обозначение жилого объекта, в отличие от «урбанонима», который понимается более широко.

Переходя к анализу материала, стоит отметить, что за данный период в системе «Дом.рф» отображается 80 ойкодомонимов. Проведя анализ, удалив дублирующийся элементы в силу нюансов кадастровой регистрации, мы получили 54 уникальных ойкодомонима.

В 17 из них использовалась латиница, что составляет ~31,5% от общего количества названий (таб. 1).

№/№	Название ЖК	Класс	Дата публикации	Район	ID номер	Застройщик
1.	MIRA	Элитный	29.10.2024	Алексеевский район	62998	ООО СЗ ПМ-ДЕВЕЛОПМЕНТ
2.	ЖК UNO Соколиная гора	Бизнес	18.10.2024	Район Соколиная Гора	62789	ООО СЗ АК БАРС-ИНВЕСТ
3.	Mariinn Park	Элитный	17.12.2024	Район Марьина Роща	63924	ООО СЗ ЭТАЛОН МАРИИН ПАРК
4.	DREAM RIVA	Элитный	28.12.2024	Район Нагатинский Затон	64096	ООО СЗ ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ
5.	Жилой комплекс PAVE	Бизнес	22.01.2025	Даниловский район	64244	ООО СЗ ГРАНИ
6.	Level Бауманская	Комфорт	21.01.2025	Басманный район	64222	ООО СЗ ВЕКТОР ДВИЖЕНИЯ
7.	Жилой квартал Shagal	Комфорт, Бизнес	28.01.2025	Даниловский район	64325	ООО СЗ ЗИЛ-ЮГ
8.	Sokolinn Park	Бизнес	07.02.2025	Район Богородское	64454	ООО СЗ 3-Я ГРАЖДАНСКАЯ, ВЛ.1
9.	City Bay	Бизнес	18.02.2025	Район Покровское-Стрешнево	64568	АО СЗ ТПУ ЛЕСОПАРКОВАЯ
10.	ЖК «ICE TOWERS»	Элитный	10.03.2025	Район Проспект Вернадского	64808	ООО СЗ ГРАД ПЛАЗА
11.	Victory Park Residences	Элитный	13.03.2025	Район Дорогомилово	64841	ООО СЗ ФОНЧЕНКО

12.	Level Южнопортовая	Комфорт	19.03.2025	Район Печатники	64983	ООО СЗ АПД
13.	UNO Горбунова	Бизнес	31.03.2025	Можайский район	65141	ООО СЗ ГЕРМЕССТРОЙ
14.	ЖК MYPRIORITY Дубровка	Бизнес	18.04.2025	Южнопортовый район	65465	ООО СЗ ГРАНЕЛЬ СТОЛИЦА
15.	Жилой комплекс «ULTIMA CITY»	Бизнес	19.05.2025	Район Печатники	65944	ООО СЗ ЛИДЕР
16.	U2	Бизнес	22.05.2025	Район Южное Тушино	66013	ООО СЗ ЛОДОЧНАЯ
17.	ЖК MYPRIORITY Павелецкая	Бизнес	09.06.2025	Район Замоскворечье	66240	ООО СЗ ГРАНЕЛЬ ПЛЮС

Таблица 1. Ойкодомонимы, в которых используется латиница

Для ойкодомонимов характерна трансформация языковых форм русского и английского языков в процессе номинации ЖК.

Нами были зафиксированы

1) смешение кириллических и латинских знаков,

2) буквенно-цифровые названия,

3) смешение языков, использованных в названии,

4) языковая игра,

5) нарушение языковых норм: графические ошибки, грамматические ошибки, орфографические ошибки.

Разберем подробно каждый случай, представленный в таблице 2:

№/№	**Название ЖК**	**Класс**	**Дата публикации**	**Район**	**ID номер**	**Застройщик**
1.	MIRA	Элитный	29.10.2024	Алексеевский район	62998	ООО СЗ ПМ-ДЕВЕЛОПМЕНТ
2.	КОСМО 4/22	Элитный	22.10.2024	Муниципальный округ Замоскворечье	62882	ООО СЗ ГАЛС-КОСМОДАМИАНСКАЯ
3.	Жилой комплекс «Саларьево парк»	Типовой	25.11.2024	Район Коммунарка	63497	ООО СЗ ТИРОН
4.	Mariinn Park	Элитный	17.12.2024	Район Марьина Роща	63924	ООО СЗ ЭТАЛОН МАРИИН ПАРК
5.	РОДИНА ПАРК	Бизнес	23.12.2024	Можайский район	64003	ООО СЗ РОДИНА ПАРК

6.	Sokolinn Park	Бизнес	07.02.2025	Район Богородское	64454	ООО СЗ 3-Я ГРАЖДАНСКАЯ, ВЛ.1
7.	ЖК «Крекшино Парк»	Комфорт	14.04.2025	район Поселение Марушкинское	65372	ООО СЗ НАРАСТРОЙ-М
8.	Инди Тауэрз	Бизнес	17.04.2025	Хорошёвский район	65452	ООО СЗ НОВОПЕСЧАНАЯ
9.	ЖК MYPRIORITY Дубровка	Бизнес	18.04.2025	Южнопортовый район	65465	ООО СЗ ГРАНЕЛЬ СТОЛИЦА
10.	Клубный проект «Кутузов Сити»	Элитный	30.04.2025	Можайский район	65723	ООО СЗ ГРОДНЕНСКАЯ 18
11.	ЖК А22	Бизнес	17.03.2025	Даниловский район	64921	ООО СЗ АВТОЗАВОДСКАЯ 22
12.	U2	Бизнес	22.05.2025	Район Южное Тушино	66013	ООО СЗ ЛОДОЧНАЯ
13.	ЖК MYPRIORITY Павелецкая	Бизнес	09.06.2025	Район Замоскворечье	66240	ООО СЗ ГРАНЕЛЬ ПЛЮС

Таблица 2. Материал, отобранный для анализа

В названии ЖК *МИRA* произошло смешение кириллических и латинских знаков (графическая ошибка), при этом все буквы являются прописными, что противоречит правилам русского языка.

В названии *КОСМО 4/22* произошло сокращение названия набережной, на которой построен ЖК, Космодамианская набережная, и при этом название в разных источниках имеет запись либо только прописными, либо и строчными, и прописными.

Названия *Mariinn Park*, *Sokolinn Park* представляют собой игру слов. К русским частям слова, записанным на латинице (*Mari-* от названии станции Марьина Роща и одновременно адреса ЖК: Москва, ул. Октябрьская / 5-й проезд Марьиной Рощи, где располагается ЖК; *Sokol-* от находящегося рядом парка Сокольники), добавлено *-inn*, которое стилизован под английское слово *inn* (гостиница, постоялый двор), тем самым создается видимость английского названия и подчеркивается, что ЖК – это место для отдыха.

В названиях ЖК *Саларьево парк*, ЖК *Крекшино Парк*, ЖК *РОДИНА ПАРК* (название в разных источниках имеет запись либо только прописными, либо и строчными, и прописными) допущены ошибки в склонении топонимов (морфологические ошибки). Правильными были бы названия *Саларьевский парк* или *Парк «Саларьево»*, ЖК *Крекшинский Парк* или *Парк «Крекшино»*, ЖК *Парк «Родина»*.

Название *Клубный проект «Кутузов Сити»* имеет сразу несколько нюансов. Во-первых, неправильное образование прилагательного (усечение) от названия Кутузовский проспект, рядом с которым расположен ЖК. Во-вторых, употреблено английское слово *city – город*, записанное кириллицей. И хотя сити активно употребляется в других названиях, например, Москва-Сити, русским по происхождению оно не является. В целом для названия ЖК использовалась скорее английская модель, чем русская.

По статистике среди новостроек Москвы стало больше жилых комплексов (ЖК), названия которых ассоциируются с природой. «Слово "парк" в нейминге новостроек (или англоязычное "park") остается самым популярным: его доля составляла 75% с 2010 по 2016 годы, а после 2021 года снизилась до 66%» [Sostav, 2023]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие названия создаются из-за маркетинговых стратегий, чтобы название было похоже на английское и при этом ассоциировалось с природой, спокойствием и отдыхом.

В ЖК *MYPRIORITY Дубровка* и *MYPRIORITY Павелецкая* не поставлен знак пробела (орфографическая ошибка) между английскими словами my – мой и priority – приоритет. Также отмечается смешение русского и английского языков, использованных в названии.

В названии ЖК *A22* представлена языковая игра, которая отсылает к географическому положению объекта – улице Автозаводской, 22. Языковая игра – это сознательное нарушение для создания какого-либо эффекта для воздействия на слушателя. В данном случае нарушается стандартная аббревиация, к которой добавляются цифровые обозначения, для достижения эстетической цели: краткости названия ЖК и отражения геоположения.

По аналогии создано название ЖК *U2*, которая находится в районе Южное Тушино. Интересно, что в других источниках встречается запись *ЮТУ*, которое появилось, как предполагается, после информации о принятии закона «О защите русского языка». Любопытным является и тот факт, что в английском языке *U2* является популярным сокращением от *you too – ты/вы тоже*. Такой вариант мог быть выбран не случайно, а чтобы подчеркнуть роль каждого будущего жителя комплекса в его функционировании, создании общего пространства.

Самым нестандартным названием является *Инди Тауэрз*, которое явно произошло от английского словосочетания *Indy Towers – Башни Инди*. Авторы проекта решили записать его кириллицей, хотя в других источниках встречается запись и на латинице.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за 8 месяцев до принятия поправок в закон «О защите прав потребителя» почти одна треть из исследуемых названий ЖК имела некириллические элементы в названиях, а ~24% (13 ЖК) имели ошибки и/или элементы, несвойственные русскому языку. То есть в процессе номинации сознательно выбирались языковые решения, противоречащие русской языковой системе. Интересен также тот факт, что такой процесс зафиксирован в названиях ЖК всех классов, однако в типовой застройке только 1 ойкодомоним имел специфическое название.

Перспективы работы состоят в рассмотрении вопроса о номинации ЖК в динамике в контексте вопроса о языковом регулировании названий и связи маркетинговых стратегий с лингвистической и топонимической картиной современного города.

Источники

В Москве ввели более 150 млн кв. м. недвижимости с 2011 года // Градостроительный комплекс Москвы. URL: https://stroi.mos.ru/news/v-moskvie-vvieli-bolieie-150-mln-kv-m-niedvizhimosti-s-2011-ghoda?ysclid=mflhut5oku235208731 (дата обращения: 15.09.2025).

Дом.рф // Справочно-информационный портал. URL: https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.09.2025).

Подписан закон о защите русского языка // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/77278 (дата обращения: 15.09.2025).

Федеральный закон от 24.06.2025 № 168–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/ (дата обращения: 15.09.2025).

Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214–ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 15.09.2025).

Sostav // Независимый проект брендингового агентства Depot. URL: https://www.sostav.ru/publication/yandeks-63500.html?ysclid=mfl8btuhh8369394714 (дата обращения: 15.09.2025).

Литература

Врублевская О.В. Названия жилых комплексов: признаки модного имени / Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 36–41.

Голомидова М.В. Урбанонимы в контексте культуры современного города / Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург: [УрГУ], 1995. С. 76–86.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 187 с.

Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации / Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 121–125.

Романова Т.П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени / Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 99–106.

С.А. Еремеева (Россия, Казань)

Казанский государственный энергетический университет
3 курс, аспирантура
Научный руководитель: ***Г.Ф. Лутфуллина***

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ОБЪЯСНЕНИЕ» И ЕГО СУБЖАНРЫ ВО ВРАЧЕБНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию речевого жанра объяснения, который часто реализуется на телевидении как рассказ медика о заболеваниях. Цель статьи – на основе контекстуального анализа выявить разновидности рассматриваемого жанра в русском языке.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, врачебный дискурс, речевой жанр, объяснение-лекция, объяснение-интервью.

К актуальным вопросам отечественной лингвистики относится проблема полидискурсивности, о чем свидетельствуют работы М.А. Кожиной (2012), Е.А. Костяшиной (2009), А.А. Календр (2017), М.П. Кожарнович (2021) и др. Чаще всего данное явление интерпретируют как взаимодействие двух и более дискурсов в едином коммуникативном (текстовом) пространстве [Кожина, 2012: 8]. На сегодняшний день к полидискурсивным образованиям можно отнести все продукты массово-информационной деятельности. Так, разнообразие тем современных телепередач позволяет говорить о взаимодействии масс-медийного телевизионного дискурса и дискурсов политического, экономического, учебного, туристического, медицинского и т.д. По данным отечественного портала «Кино Mail», особой популярностью на сегодняшний день пользуются просветительские программы о здоровье. Обзор научных диссертаций и статей показал, что работы в области исследования популярно-медицинского телевизионного дискурса недостаточно представлены в литературе по лингвистике. К числу ученых, затрагивающих данную проблему, можно отнести Е.Ю. Васильеву (2019), Г.Ф. Лутфуллину (2023) и И.П. Зайцеву (2025). Что касается классификации жанров дискурса просветительской телепередачи о здоровье, то она вовсе отсутствует в научной литературе. Таким образом, новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка проанализировать жанры врачебного телевизионного дискурса.

Выбрав в качестве источника фактического материала телепередачу «Обыкновенные рецепты здоровья»[1], мы установили, что ее композиционный план состоит из трех основных блоков: рассказ о болезни (объяснение), представление медицинских инноваций (презентация), профессиональные рекомендации (совет). Цель работы – исследовать рассказ о болезни как речевой жанр врачебного объяснения на телевидении.

Теоретическую базу исследования составили:

1) труды по теории дискурса: E. Benveniste (1970), П. Серио (1999), Н.Д. Арутюнова (1990), В.И. Карасик (2000);
2) труды по теории речевых жанров: М.М. Бахтин (1996), М.А. Кожина (2012), Е.А. Костяшина (2009), Г.Ф. Лутфуллина (2018).

Зарубежные авторы соглашаются с тем, что *дискурс* – это многоаспектный феномен, и интерпретируют его как «речь, присваиваемую говорящим» [Benveniste, 1970: 13], как речь / высказывание / текст [Серио, 1999: 26–27]. В отечественной лингвистике при описании дискурса, как правило, ссылаются на дефиницию Н.Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте <…> речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990: 136]. В языкознании также получила распространение классификация В.И. Карасика, согласно которой дискурс делится на персональный и институциональный [Карасик, 2000]. Вслед за М.А. Кожиной, мы будем называть взаимодействие институциональных дискурсов в едином коммуникативном (текстовом) пространстве термином «полидискурсивность» [Кожина, 2012: 8]. Е.А. Костяшина отмечает, что полидискурсивный контекст создает особую иерархию жанров, которая включает в себя комплексные жанры и составляющие их разновидности (субжанры) [Костяшина, 2009: 14–15].

Соглашаясь с М.М. Бахтиным, мы рассматриваем жанр речи как высказывание, обладающее тематическим, композиционным и стилистическим

[1] URL: https://vk.com/orz_efir, дата обращения: 16.11.2025

единством [Бахтин, 1996: 159–160]. Речевой жанр, как указывает Е.А. Костяшина, характеризуется наличием следующих конститутивных параметров: цель коммуникации; пара «адресант – адресат»; основной дискурс; стратегия коммуникации, а также составляющие ее тактики; речевые акты; лексико-грамматические средства реализации жанра [Костяшина, 2009: 11].

Эмпирический материал исследования представлен 30 выпусками просветительской передачи «Обыкновенные рецепты здоровья», в которых содержатся 83 примера с рассказом медика о том или ином заболевании. Отобранные речевые эпизоды строятся на единой композиции: предисловие (введение в тему) – описание заболевания (определение, причины, симптомы, последствия, группы риска, статистика и т.д.) – послесловие (основные выводы, переключение на жанр совета или презентации). Другим общим признаком является публицистический стиль, так как высказывания автора носят публичный и просветительский характер. Следовательно, отобранные примеры относятся к одному и тому же жанру речи. Ввиду того, что основная задача адресанта-медика состоит в том, чтобы просто и ясно рассказать о сложном научном феномене, мы идентифицируем рассматриваемый речевой жанр как объяснение: «сообщение кому-л. информации, к-рая делает что-л. ясным, понятным или более легким для понимания, использования и т.п., а ткж. слова, текстовый отрезок, содержащие такую информацию» [Большой универсальный словарь русского языка].

Для проведения дальнейшего анализа приведем примеры, репрезентирующие речь врача на телевизионной передаче о здоровье.

Пример 1: выпуск от 09.11.2013[1].

Корреспондент: Древние лекари разрабатывали и практиковали различные дыхательные техники / направленные на оздоровление организма / продление жизни и профилактику определенных заболеваний (1) // Искусство дыхания и профилактика заболеваний / именно об этом мы сегодня ***поговорим*** *с нашим постоянным экспертом / врачом-хирургом / лауреатом госпремии по*

[1] URL: https://vkvideo.ru/video-43086103_166573635?t=12m4s, дата обращения: 16.11.2025.

медицине / психологом / ведущим тренингов по оздоровительному дыханию Виктором Одинцовым (2) // Виктор / здравствуйте (3) // (12:51–13:17)

Специалист: Здравствуйте / Лена (4) // (13:18)

Корреспондент: Виктор / вот меня интересует конкретика / да / профилактика заболеваний (5) // Ну вот / например / инфаркта (6) // Есть ли какие-то дыхательные упражнения / которые нужно выполнять каждое утро или каждый вечер / и они будут отличной профилактикой заболеваний сердца (7) // (13:19–13:34)

*Специалист: Несомненно (8) // Есть дыхание / которое **важно знать** / в том числе людям / у которых есть болезни сердца (9) // Но прежде всего **надо понять** / что внутри каждого человека есть программа жизни (10) // Организм человека не предназначен для избытка эмоций / и вот избыток эмоций повреждает внутренние органы важной системы (11) // И можно заметить / что каждая эмоция имеет какую-то свою локализацию (12) // **Например** / гнев / он вот здесь (13) // Сердитое лицо / и здесь вот будет морщинка (14) // Обида / здесь (15) // Вина / **кстати говоря** / вот здесь сердечная чакра (16) // Страх и вина (17) // Вы заговорили об инфаркте (18) // **Важно понимать** / что эмоция вины очень опасна для больных сердечной патологией (19) // Жадность / зависть / похоть / эти эмоции / они располагаются в теле в каких-то местах / и сочетание этих эмоций дает болезнь (20) // Задает тот или иной вид болезни (21) // Избыток эмоций / **это как пересоленный суп** / и тогда эти эмоции отлагаются на стенках сосудов / внутренних органов / **это образно говоря** (22) // Я сразу **хочу сказать** об очень древнем способе профилактики болезни через дыхание (23) // Он **называется** трехстадийная пранаяма (24) // Прана / **это энергия** (25) // Яма / **это порядок** (26) // Пранаяма / **это порядок дыхания** (27) // А три стадии / **это** / я их прямо сейчас покажу (28) // <…> (13:35–17:15)*

*Корреспондент: Это профилактика гипертонии / вегетососудистой дистонии и того же инсульта (29) // **Да** (30) // <…> Виктор / спасибо / что Вы вновь **поделились с нами** своим опытом и знаниями (31) // До новых встреч (32) // (17:16–17:42)*

Пример 2: выпуск от 02.11.2013[1].

Ведущий: Увы / детский церебральный паралич вылечить нельзя / но во многих случаях родителям при помощи специалистов вполне по силам воспитать ребенка так / чтобы он чувствовал себя счастливым и востребованным человеком (33) // (25:27–25:39)

Специалист: ***Детский церебральный паралич / заболевание / при котором*** *сильно пострадал мозг ребенка (34) //* ***Причин может быть несколько*** */ недоношенность плода / родовая травма / внутриутробная гипоксия / недостаточность кислорода во время беременности и во время родов / гидроцефалия (35) // Такие дети отстают в своем развитии от сверстников (36) // (26:05–26:25) <…> Для каждого пациента необходимо подобрать индивидуальную схему лечения (37) //* ***Благодаря этому*** *каждый из потерянных навыков разрабатывается и восстанавливается (38) // Необходим комплексный метод (39) // Это микротоковая рефлексотерапия / назначение лекарственных препаратов / массаж и занятия с логопедом (40) <…> // (26:39–27:00)*

Оба примера представляют собой врачебное объяснение на телевидении, так как:

- адресант – это представитель социального института медицины: в первом примере – врач-хирург Виктор Одинцов, во втором примере – невролог-рефлексотерапевт Ильхамия Садыкова;
- главный адресат – телезритель и потенциальный клиент социального института медицины: *«спасибо / что Вы вновь поделились с нами» (31)*, *«Для каждого пациента необходимо…» (37)*;
- стиль – публицистический, так как высказывания порождаются в условиях массово-информационного общения;

[1] URL: https://vkvideo.ru/video-43086103_166546528, дата обращения: 16.11.2025).

- тема – болезнь / заболевание: в первом примере – инфаркт, гипертония, вегетососудистая дистония, инсульт и др., во втором примере – детский церебральный паралич;
- цель адресанта – удовлетворить запрос адресата на получение ясной и понятной информации о заболевании, что достигается с помощью основных глаголов жанра *(2, 9, 10, 19, 23)*, вопросно-ответного комплекса *(7–8)*, уточнения *(16, 30)*, аргументации *(35, 36, 38)*, экземплификации *(13)*, метафоризации *(22)*, дефиниции *(24–28, 34)*;
- композиция состоит из трех частей: предисловие, или введение в тему *(1–4, 33)*, основная часть, или разъяснение *(5–30, 34–38)*, послесловие, или завершение высказывания / переключение на следующий жанр *(31–32, 39–40)*.

Несмотря на вышеперечисленные сходства, речевые эпизоды не являются абсолютно идентичными. Наличие второстепенных признаков позволяет нам также рассматривать разновидности (субжанры) врачебного объяснения.

Так, первый речевой эпизод относится к **объяснению-интервью**. Такое высказывание существует в виде диалога между тележурналистом и приглашенным на передачу медиком. Для интервью характерны элементы произвольной и спонтанной речи, свойственной естественному живому общению. Участники интервью в рамках врачебного телевизионного дискурса преследуют разные цели: тележурналист стремится завоевать доверие телезрителя через привлечение к коммуникации авторитетной и общественно-значимой фигуры, тогда как медик стремится донести до слушателя важную информацию, а также спровоцировать его на посткоммуникативное действие – позаботиться о своем здоровье.

Второй речевой эпизод является примером **объяснения-лекции**. Как правило, лекция – это публичный монолог, однако на телевидении она становится реактивным и диалогизированным жанром. В основе объяснения-лекции лежит сложное целостное высказывание с четкой и логически выстроенной речевой

структурой. Как субжанр врачебного телевизионного дискурса, лекция ориентирована на бытовое общение и содержит в основном общеупотребительную лексику. Это обусловлено тем фактом, что целевая аудитория обладает наивной, а не научной картиной мира.

Объяснение – это комплексный речевой жанр, встречающийся в дискурсе просветительской телепередачи о здоровье. Сложная природа жанра связана с двумя факторами: во-первых, объяснение порождается в условиях полидискурсивного образования, а, во-вторых, имеет свои разновидности (субжанры). Анализ эмпирического материала показал, что в русскоязычном врачебном телевизионном дискурсе преобладает объяснение-лекция: 51 пример из 83 (61%). Объяснение-интервью представлено в меньшем объеме – 32 примера из 83 (39%). К перспективам исследования мы относим описание лексических и грамматических средств реализации жанра врачебного объяснения на телевидении.

Источники

Большой универсальный словарь русского языка. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka (дата обращения: 16.11.2025).

Кино Mail. URL: https://kino.mail.ru/ (дата обращения: 16.11.2025)

Обыкновенные рецепты здоровья. URL: https://vk.com/orz_efir (дата обращения: 16.11.2025).

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940-х–начала 1960-х годов. 731 с.

Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Кожина М.А. Языковые маркеры полидискурсивности в художественном тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.

Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2009. 30 с.

Лутфуллина Г.Ф. Приказ как речевой акт, тактика или жанр (на материале английского и русского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1(28). С. 66–75.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.

Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation // Langages. 1970. No. 17 (5). P. 12–18.

Н.А. Карасева (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
2 курс, магистратура
Научный руководитель: ***Е.Н. Абрашина***

УРБАНОНИМЫ С СУФФИКСОМ -К- В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ (XX–XXI ВВ.)

В данной статье рассмотрены урбанонимы с суффиксом -к- в историческом (диахронном) аспекте XX–XXI веков при помощи инструментария НКРЯ, выявляются изменения в развитии значения словообразовательного форманта -к- в урбанонимах.

Ключевые слова: урбанонимы, топонимический формант, топонимическое словообразование.

Урбанонимы – важнейшие элементы культурного, исторического и социального контекста, формирующие идентичность города и их жителей.

Для обнаружения изменений в развитии значения словообразовательного форманта **-к-** обратимся к терминологическому аппарату и выявим значимые для нас понятия *урбаноним, топонимический формант и топонимическое словообразование.*

Урбаноним, по словарю Н.В. Подольской, – «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [Подольская, 1988: 154].

Топонимический формант – вид ономастического (онимического форманта) [Подольская, 1988: 150].

Топонимическое словообразование – «образование топонимов с помощью словообразовательных средств данного языка по моделям, свойственным топонимии данного региона или общей топонимической модели» [Подольская, 1988: 151].

Многие отечественные лингвисты затрагивали проблему словообразовательных моделей. Например, Н.Ю. Забелин выделяет следующие модели:

1. Адъективные однословные топонимы + суффиксы, раскрывая далее подробно каждый подтип.

2. Генитивная модель (номенклатурный термин + название в Р.п. или Им.п.).
3. Составные (композитные) топонимы, среди которых выделяются: нумерально-адъективная модель; адъективная модель с особыми определениями; субстантивная генитивная модель, основанная на формуле имени; посессивно-субстантивная номинативная модель и другие.

В книге «Топонимия Москвы» Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский отмечают, что одним из типичных и наиболее древних словообразовательных типов являются названия улиц с суффиксом **-к-**: «Они образовались в результате стяжения сочетаний, состоящих из прилагательного и существительного: Петровская улица (по Высоко-Петровскому монастырю) – Петровка, Сретенская улица (по Сретенскому монастырю) – Сретенка» [Смолицкая, Горбаневский, 1982: 176]. Авторы отмечают, что без названий такого типа трудно представить себе Москву – они определяют собой московскую топонимию.

Такой способ в нашем работе мы будем именовать *субстантивацией*.

Здесь интересна в своей оценке исследуемых нами топонимов мысль А. Горнфельда: «...московские улицы – Варварка, Ильинка, Лубянка и даже столь неуважительно – Покровка, Сретенка, Воздвиженка кажутся просто незаменимыми. В Москве Знаменка и Владимирка естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге Знаменскую или Владимирскую: так условны причуды языка» [Горнфельд, 1981: 190].

Обратимся к Национальному корпусу русского языка[1], чтобы выявить, как используется в русском языке данный формант.

С суффиксом **-к-** встречается довольно много примеров. В историческом (древнерусском) корпусе встречается 25 текстов с примерами урбанонимов такого типа. Приведем некоторые из них:

[1] Национальный корпус русского языка: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.11.2025).

И дѣда да(л) єсми в мидлешѣ двѣ дѣревни а на ***пинешкѣ*** *да(л) єсми три дѣревеньки в до(м) велико(м) иванѵ бг҃ословѵ и трїємъ ст҃ителе(м) васи(л)ю великомѵ григорью бг҃ословѵ и иванѵ златwоустомѵ в манастырь игѵменѵ и братїє в общинѵ съ всѣми оугодьи куды ходила коса и секыра по старинѣ* [Данная Исака Семеновича и его матери Офимьи Важскому Богословскому монастырю на деревни в Мидлеше и на Пинежке (конец 1470-х – 1480-е)][1].

Пинежка – название деревни в Архангельской области Шенкурского района. Вероятно, населенный пункт был назван по реке, которая протекает в этом районе. Образовано от *Пинега* – река в Архангельской области России, правый приток Северной Двины. Лингвисты связывают происхождение с финским словом pieni – маленький. То есть *Пинежка*, с одной стороны, «маленькая река», а суффикс -к- выполняет *уменьшительно-ласкательную роль*. С другой стороны, суффикс -к- *выражает отношение принадлежности*: деревня *Пинежка* находится ***при такой реке.***

В следующем примере встречается урбаноним *Стрежевка* – название села Подольской земли, ныне поселок городского типа Винницкого района:

На имѧ село микулиньцѣ · лѣтъıню вонѧчинъ дешковцѣ ***стрѣжевку*** *ї со всѣмъ с тъıмъ што к тому прислушаєть то также ємѹ вѣчно єсть ї єго послѣдко(м)* [Подтвердительная грамота подольского князя Федора Кориятовича Гриньку и его теще на город Соколец и села {Смотрич} (1391)].

Название, вероятнее всего, связано с русским диалектным словом **«стреж», «стрежень»**, которое означает «середина и самое глубокое место в реке, быстрое течение»[2]. И снова видим, что название урбанонима связано с гидронимом *стреж*. Получается, что и в этом случае выражаются отношения принадлежности: село при определенном месте реки.

[1] Здесь и далее примеры, взятые из Национальный корпус русского языка: https://ruscorpora.ru, указаны без библиографической ссылки, только с названием текста-источника в квадратных скобках.
[2] Этимологический онлайн-словарь М. Фасмера. URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/c/стреж (дата обращения: 07.11.2025).

В основном в историческом корпусе встречаются именно такие урбанонимы с формантом **-к-**.

Мещерка раменка *пѣсочна брашева* съ селце(м҃) з *гвоздною и съ иване(м҃) гжелѧ деревни лѣвичинскулневъ маковець каневъ кочема комаревъ з берего(м҃) городна* [Второе завещание великого князя Дмитрия Ивановича (1389)].

Мещерка, Раменка – это бывшие коломенские волости, которые также названы по рядом расположенным рекам.

Таким образом, до конца XIX века привычный нам тип урбанонима , представляющий собой сокращенное название, практически не встречается, поскольку в большинстве случаев в текстах используются полные официальные наименования.

В НКРЯ первые источники, включающие урбанонимы с суффиком **-к-**, датируются 1920–1930 гг. Всего в основном корпусе найдено более 25 тысяч текстов с подобными примерами.

Рассмотрим некоторые из них:

Я шла по ***Петровке*** *и с облегчением думала о том, что тоска, угнетавшая меня в этот вечер, – случайность, а примечания к «Записным книжкам» Вяземского – закономерный факт*. [Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

Брики сказали, что Володя сегодня, вероятно, не придет (он мог остаться в своей комнате на ***Лубянке****) или придет очень поздно.* [Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

От ближайшей станции, ***Михайловки****, ветвь железной дороги шла по р. Куре к Боржому, резиденции вел. кн*. [П.Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). Том первый (1940–1943)].

*Другая, настоящая, с большим выбором книг, но по ценам не всегда мне доступным, называлась «****Сухаревкой****» (на площади у Сухаревой башни, теперь не существующей).* [П.Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). Том первый (1940–1943)].

В одном из селений, неподалеку, в десяти километрах от ***Мартыновки****, нам встретился парень 25 года рождения, который там учительствовал (это было калмыцкое селение).* [В.Н. Гельфанд. Дневники (1941–1943)].

Только что наш младший лейтенант узнал, что в ***Николаевке*** *никого нет и разговоры о немцах – вымысел.* [В.Н. Гельфанд. Дневники (1941–1943).

Обеспечив себе свободное утро, я поехал на ***Таганку*** *и не без труда разыскал красивый небольшой дом с башенкой, расположившийся на бугре, в садике, глубоко запрятанном в изломе улицы*. [И.А. Ефремов. Эллинский секрет (1942–1943)].

На примете очень много пейзажей по дороге на ***Масловку*** *(всякий раз, когда хожу за обедом, очень сильно их «переживаю»), и надо воспользоваться первой оттепелью, чтобы рисовать прямо на улице (пейзаж с недостроенным домом).* [В. Н. Вакидин. Дневник (1943)].

Мы находимся в одной из украинских деревень – ***Юрьевка****.* [Е.Г. Вейде. Дневник (1943)].

И она неслась над тихой ***Каховкой****, песня о* ***Каховке*** *гражданской войны.* [Б. Л. Горбатов. Письма товарищу (1941–1944)].

Повез меня к нему в ***Тимирязевку*** *Серафим Прусов.* [В. Н. Вакидин. Дневник (1944)].

Она уже покойно знала, что не попадает на сами похороны, потому что будет в деревне ***Валентиновка*** *не раньше обеда.* [Игорь Савельев. TOLSTOY // «Бельские просторы», 2018].

Видим два примера номинаций: суффикс -к- обозначает *принадлежность.* В первом случае села и другие населенные пункты были образованы от фамилий бывших землевладельцев (*Мартыновка – от фамилии Мартынов, Каховка – от Каховский, Тимирязевка – от фамилии Тимирязев, Масловка – Маслов*), а во втором – могли быть названы в честь святого или выдающего человека (*Николаевка, Михайловка, Валентиновка, Юрьевка*).

Следующий тип представляет особый интерес. Урбанонимы появлялись уже от готовой модели «адъективные однословные топонимы + суффиксы»,

происходило стяжение форм, о чем писали в своей книге Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский. Таковы примеры *Сухаревка* – от Сухаревская улица (по Сухаревой башне), *Петровка* – от Петровская улица (по Высоко-Петровскому монастырю), *Таганка* – от исторического Таганского холма и Таганной слободы, *Лубянка* – от Лубяной слободы.

Находим примеры и в художественной литературе:

*У него неладно с пьесой – **Александринка** не берет.* [Е. Л. Шварц. Дневник (1947)].

Здесь автор использует просторечное, разговорное название *Александринского театра*, получившего свое название в честь супруги императора Николая I – Александры Фёдоровны.

*В **Третьяковке** Игорь был потрясен «Портретом неизвестной» Крамского.* [В.А. Швец. Дневник (1947)][1].

В конце 90-х – начале 2000-х гг. употребление урбанонимов такого типа начинает становится нормативным. Формант **-к-** играет уже не только словообразующую, но и эмоционально-оценочную, коннотативную роль, причем без оттенка пренебрежения, который отмечал А. Горнфельд, а с семантикой положительной оценки («то, что для меня близко», «то, что мое»). Это можно связать и с образом жизни современного города, и с упрощением некоторых форм в языке.

Приведем примеры:

*День выдался солнечным, и дом № 15 по соседству с **Мариинкой** блистал отреставрированным фасадом.* [Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток» 2019][2].

*Виктор вспомнил, как наставляла его после **Бауманки** Нина на раменском заводе.* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019][3].

[1]Здесь имеется в виду урбаноним *Третьяковская галерея*.

[2] *Мариинка* – разговорный и сокращенный вариант Мариинского театра.

[3] *Бауманка* – разговорный вариант, сочетающий в себе аббревиатуру и существительное в Р.п. – МГТУ им. Баумана.

Следующие примеры можно объединить на основании общего принципа – это сокращенный вариант городских наименований, обозначающих шоссе. Суффикс **-к-** также придает оттенок разговора о привычном и знакомом:

На день рождения заказал столик в детском кафе на ***Ленинградке****, поближе к Аниному дому*. [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].

Вчера вечером ему позвонил Ваня Ескевич, звонил откуда-то из пробки на ***Волоколамке*** *или на* ***Ленинградке****, что ли*. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Через всю столицу, от Каширки до ***Ленинградки****, движется ударная волна.* [Борислав Козловский, Алексей Торгашев. Теорема светофора // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января – 7 февраля 2008].

Это же тоже по ***Ярославке****, недалеко от Мытищ!* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Советую вам поехать на проспект Андропова на пересечении с ***Каширкой*** *и посчитать по головам сколько людей там едут в автобусах по выделенке*. [Форум: Ура! Платные парковки внутри бульварного кольца (2013)].

Кутузовский и ***Можайка****, слава богу, оказались свободны, и «лексус» Глеба быстро летел к МКАДу, заодно приближаясь и к Кубинке, где жила Орли.* [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

Дорога пересекает ***Можайку****, а затем в* ***Минку***. [Учимся водить (2007–2008)].

Такой же тип сокращений в современной разговорной, публицистической и художественной речи используется для названий станций метро, городских районов и мемориальных комплексов:

Только передохнул, и тут снова – первая на ***Пушку****, вторая по* ***Маяковке****, а третья – ба-бах, и прямо в этот кабинет!* [Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)].

В данном примере речь идет о районах вблизи станций метро *Пушкинская и Маяковская.*

Там за три рубля можно было купить коробок травы, неподалеку было кафе «Московское». На ***Пушке*** *происходили всяческие демонстрации. В частности, если 10 декабря, в день защиты прав человека, ты, бородатый, появляешься на* ***Пушкинской площади****, то прямой тебе путь в милицию*. [Анна Карабаш. Быть Vasey Strelnikoff (2002) // «Домовой», 04.03.2002].

В самом тексте происходит развертывание урбанонима.

Кстати, «в ***Бутырке****», Бутырской тюрьме НКВД, о которой в этих рассказах тоже упоминается, А.И. Берг содержался всего лишь месяц.* [Ю.Н. Ерофеев. Аксель Берг (2012)].

«Крылья победы» знаю почти наизусть за годы исследований, в музее на ***Поклонке*** *сфотографировался у стенда с наградами Алексея Ивановича…* [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)].

Заметим, что многие из подобных сокращений укореняются в национальном сознании и становятся самостоятельными символами-номинациями. Таковы, например, *Ходынка и Рублёвка.*

Урбаноним *Ходынка* создает себя вокруг себя особую историю. Поле было названо по реке Ходынка, казалось бы, типичный процесс номинации, который происходил еще в средние века. Однако урбаноним *Ходынское поле* приобретает негативную коннотацию после трагических событий, произошедших 18 мая 1896 года. Со словом *Ходынка* найдено 159 текстов и 305 примеров в основном корпусе. В некоторых примерах действительно встречается негативная коннотация при использовании урбанонима *Ходынка*:

Казалось, что они до сих пор видят ***Ходынку****, ощущают* ***Ходынку*** *и смотрят оттуда, из двадцатилетней дали, с Ходынского поля, полного криков, стонов, проклятий, крови и смерти.* [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990–2000)].

Мне очень хотелось увидеть царя, хотя особых симпатий к нему я не мог питать – еще свежи были в моей памяти разговоры взрослых о событиях 1905 года, о «кровавом воскресенье» 9 января и о знаменитой ***Ходынке****.* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

Таким образом, на ***Ходынке****, как на месте проведения спортивных мероприятий, можно ставить крест*. [Новости (2002) // «Автопилот», 15.04.2002].

Однажды, когда нас в очередной раз выгнали с ***Ходынки****, мы огромной колонной поехали искать новый уголок.* [Хасан Ганиев. Быстрые роды (2002) // «Автопилот», 15.09.2002].

Согласно одной из версий, в минувшую субботу смертницы планировали устроить на поле вторую ***Ходынку***. [Сергей Кредов, Андрей Шаров. Смертниц взорвали? (2003) // «Российская газета», 15.05.2003].

Слышал, что они устали бояться, что однажды какой-нибудь разочаровавшийся в жизни летчик решит спикировать на Кремль: от ***Ходынки*** *до его башен ровно пять километров, «полетное время» меньше минуты, а за такой срок противовоздушная оборона и рта раскрыть не успеет.* [Владимир Шаров. Ходынцы и Трубные // «Русская жизнь», 2012].

Слово *Ходынка* имеет историко-культурные коннотации, определенный образ и потому может являться концептом.

Говоря о *Рублёвке*, сделаем важное замечание: официального названия этой территории нет, существует лишь *Рублево-Успенское шоссе*, по которому и стала неофициально называться административно-территориальная единица. В этом случае мы тоже можем говорить об образовании урбанонима *в* результате стяжения сочетания, состоящего из прилагательного и существительного. Формант -к- также выполняет не только словообразовательную, но и коннотативную функции.

Но спустя четверть века слава ***Рублевки*** *померкла, и он по старой памяти, щекотавшей эмоции, возмечтал приобрести здесь стрёмный особнячок.* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019][1].

*Для родственников погибших шахтеров построили многоквартирный дом – его в Вершино-Дарасунском называют «Вдовьим домом» и «****Рублевкой****» (из-за того, что семьи получили компенсации: например, детям погибших каждый год*

[1] Национальный корпус русского языка: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.11.2025).

до 18 лет платили по 60 тысяч рублей). [Даниил Туровский. Не будет золота – начнутся убийства. Как пытаются выжить жители поселка под Читой, незаконно добывая золото в заброшенных шахтах. Репортаж Даниила Туровского, 2018][1].

Рублевка как урбаноним стала определенным культурно-ментальным образованием, своеобразным концептом, объединяющим в себе понятия роскоши, богатства, хорошей жизни.

Таким образом, на основе материала из Национального корпуса русского языка, мы можем сделать вывод о том, что предназначение суффикса -к- постепенно видоизменялось: от словообразовательного форманта, обозначающего принадлежность, к меморативной, символьной, стилистической и эмоциональной функциям. Формант -к- выполняет роль не только словообразовательной единицы, но и культурного маркера эпохи.

Источники

Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения 10.11.2025).

Литература

Мишина Е.А., Пичхадзе А.А. Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 99–115.

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. 2024. №2. С. 7–34.

Сичинава Д.В. Корпус берестяных грамот как параллельный // Труды Института русского языка РАН, 2022. № 2 (32). С. 92–106.

[1] То же.

Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука,1982. 176 с.

Сытин П.В. Из истории московских улиц: очерки. М., 1958 (2016). 844 с.

Цюй Юе, Васильева Н.В. Параметризация топонимического материала как основа построения обучающей базы данных «московская топонимика» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. №4. С. 20-29.

Е.С Кирюткина (Россия, Москва)

Московский педагогический государственный университет»
3 курс, специалитет
Научный руководитель: ***Е.В. Огольцева***

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛИ «ИМЯ СУЩ. + (О) + ГЛАГОЛЬНАЯ ОСНОВА» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ: *СНЕГОХОД, ДЫМОХОД, ЛЕДОХОД, ПАРОХОД, МОРЕХОД*)

В статье представлен комплексный анализ словообразовательной и семантической специфики сложных существительных модели «имя сущ. + (о) + глагольная основа» на материале пяти сложных слов одной словообразовательной модели: *снегоход, дымоход, ледоход, пароход, мореход.* Исследование выполнено в рамках семантико-словообразовательного подхода с привлечением сведений из авторитетных лексикографических источников. Цель работы заключается в выявлении системных закономерностей образования и функционирования вышеуказанных сложных существительных. Достижение этой цели предполагает определение словообразовательного значения модели, установление лексических значений исследуемых единиц, а также анализ степени их идиоматичности.

Ключевые слова: производное слово, словообразовательная модель, идиоматичность, словообразовательное значение, лексическое значение, сложное слово.

Идиоматичность семантики производного слова уже в течение нескольких десятилетий остается в центре внимания дериватологов, что закономерно, учитывая широкую распространённость этого феномена, демонстрирующего сложность взаимоотношений между формальной структурой слова и его значением. В.В. Виноградов характеризует идиоматичность (фразеологичность) как «невыводимость значения целого из компонентов», применяя этот критерий к анализу фразеологических единиц. На основании этого критерия учёный разграничивает фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. [Виноградов, 1977: 2].

Этот принцип «невыводимости» оказывается очень важным и при анализе семантики производных слов, в том числе при описании дериватов, образованных по словообразовательной модели «основа имени сущ. + (о) + усеченная глагольная основа -**ХОД**». Семантика существительных этой модели представляет собой единство двух основ – именной и глагольной. Возникает вопрос: в какой степени лексическое значение производного слова, например, *пароход* или *мореход*, соотносится с «суммой значений его частей»: «пар» +

«ход» и «мор» + «ход»? Чтобы понять, где проходит граница между регулярным, предсказуемым словообразовательным значением и идиоматичным, реально использующимся в актах коммуникации, необходимо чётко определить сам инструмент анализа – словообразовательную модель.

Обратимся к учебному пособию В.Н. Немченко: «**Словообразовательная модель.** 1. Единая структурная (формальная) схема построения производных слов, характеризующихся общностью: а) лексико-грамматического характера (части речи) их производящих и б) основных словообразовательных средств (словообразовательного форманта), 2. То же, что морфонологическая модель. 3. То же, что словообразовательный тип в 1-м значении» [Немченко, 1984: 226]. Из этого определения следует, что модель – это схема, определяющая, из каких частей и в каком порядке строится новое слово. Это как бы формально-семантический образец, по которому образован ряд слов одного словообразовательного типа. Покажем структуру модели, состоящую из нескольких компонентов:

- *Основа имени существительного* (снег-, дым-, лед-, пар-, скор-).
- *Связующий элемент (интерфикс): (о).* Это интерфикс – обязательный асемантический элемент, служащий для «сцепки» основ.
- *Глагольная основа* (-ход-, от глагола ходить).
- *Производные слова* с общим словообразовательным значением.

Перед нами сложение основ с использованием интерфикса. Модель является продуктивной, т.е. по этому образцу постоянно создаются новые слова (например, *марсоход, планетоход*). Исследователи считают, что «первая часть сложения содержит конкретизацию действия, выраженного опорным компонентом: называет характер действия, его объект или субъект» [Земская, 2011: 285]. Опорный компонент -ход- – это семантический «стержень», означающий «двигаться». Первая часть (*снег-, мор-, пар-, дым-, лед-*) – это «модификатор», который превращает абстрактное «движение» в наименование

конкретного предмета, указывая на уникальные условия, способ или цель этого движения.

Общее словообразовательное значение модели «имя сущ. + (о) + глагольная основа» в нашем случае можно сформулировать как: «тот (или то), кто (или что) движется («ходит»), и его движение связано с тем, что названо в первой основе». Очевидно, что это значение очень абстрактно, в то время как актуальные значения каждого из рассматриваемых нами слов, напротив, предельно конкретны. Итак, мы подходим к ключевому понятию нашего исследования – лексическому значению. Обобщая наблюдения лингвистов в области лексической семантики, В.Г. Гак отмечает: «Лексическое значение – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр. Лексическое значение – продукт мыслительной деятельности человека, оно носит обобщенный характер <…>. Лексическое значение представляет сложную структуру, определяемую <…> семиотическими отношениями словесного знака: его семантикой. прагматикой, синтактикой» [Энциклопедия,1997: 213].

Далее мы обратимся к анализу лексических значений сложных существительных в их соотношении с общим словообразовательным значением модели в целом и с его частными проявлениями (на уровне каждого словообразовательного акта). Основные методы, используемые нами для решения этой задачи – моделирование и семный (компонентный) анализ.

Приведем дефиниции лексических значений по Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

1. **ДЫМОХОД**, -а, *м*. ‘Канал для выхода дыма из печи, топки в трубу. || *прил.* дымоходный, -ая, -ое’ [Ожегов, Шведова: 184].
2. **ЛЕДОХОД**, -а, *м*. ‘Движение льда по течению во время таяния или в начале замерзания рек. *Весенний л.* || *прил.* ледоходный, -ая, -ое’ [Там же: 322].
3. **МОРЕХОД**, -а, *м*. ‘В старину: мореплаватель, открыватель морских путей. *Русские землепроходцы и мореходы*’ [Там же: 366].

4. **ПАРОХОД**, -а, *м*. ‘Судно с паровым двигателем. || *прил*. пароходный, -ая, -ое’ [Там же: 494].
5. **СНЕГОХОД**, -а, *м*. ‘Автомобиль для передвижения по глубокому снегу. || *прил*, снегоходный, -ая, -ое’ [Там же: 738].

Для сравнения обратимся к Малому академическому словарю, где находим следующие значения:

1. **ДЫМОХО́Д,** -а, *м*. ‘Канал из огнеупорного материала для отвода дыма из печи в трубу’ [МАС, т. 1: с. 459].
2. **ЛЕДОХО́Д**, -а, *м*. ‘Движение льда по течению рек и на озерах весной (во время таяния) и осенью (во время замерзания, перед ледоставом)’ [МАС, т. 2: с. 171].
3. **МОРЕХО́Д**, -а, *м*. ‘Мореплаватель, моряк. *[Карпушка] слывет лучшим мореходом. Никто лучше его не знает побережья моря до самой реки Самарги, никто лучше его не умеет ходить под парусами. Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня*’ [МАС, т. 2: с. 299].
4. **ПАРОХО́Д,** -а, *м*. ‘Судно, приводимое в движение паровым двигателем. *Речной пароход. Почтовый пароход. Буксирный пароход*’ [МАС, т. 3: с. 25].
5. **СНЕГОХО́Д**, -а, *м*. ‘Автомобиль, предназначенный для передвижения по снегу’ [МАС, т. 4: с.164].

Сопоставительный анализ дефиниций двух словарей позволяет выявить различия не столько в содержании толкований, сколько в их объёме, степени детализации и стилистической направленности. Малый академический словарь (МАС) демонстрирует более развёрнутый и системный подход, насыщая определения дополнительными дифференцирующими признаками. Например, в толковании слова *ледоход* МАС указывает не только на весенний, но и на осенний период явления, обозначаемого данной номинацией, а для слова *мореход* приводит пример из художественной литературы, который подтверждает его ограниченное употребление. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в свою очередь, предлагает более лаконичные и обобщенные формулировки,

ориентированные на современное использование слов в повседневной речи. Эта тенденция прослеживается во всех примерах, будь то указание на материал (ср. сему «из огнеупорного материала» при семантизации слова *дымоход* в МАС) или перечисление разновидностей судна («речной», «почтовый» при толковании слова *пароход*). Таким образом, МАС и Н.Ю. Шведовой выполняет прежде всего нормативно-справочную функцию, давая ясное и компактное толкование, достаточное для общего понимания слова.

Перейдем на другой уровень анализа – словообразовательный. Очевидно, что словообразовательные значения рассматриваемых слов однотипны («некто (нечто), характеризующий(-ее)ся движением, имеющим какое-то отношение к дыму / ко льду / к пару / к снегу», в то время как их лексические значения существенно различаются. Чтобы убедиться в этом, достаточно «разложить» значение любого из этих слов на составляющие. Проделаем эту процедуру на примере слова *ледоход*, представив его семный состав:

ЛЕДОХОД – «предметность»; «нарицательность»; «неодушевлённость»; «процесс»; «явление природы»; «среда протекания процесса – лёд»; «на водоёме (река, озёро, море)»; «характер процесса: движение, перемещение»; «направление движения: по течению»; «причина процесса: естественная (сезонное изменение температуры)»; «временна́я приуроченность: весна (таяние), осень (замерзание)»; «визуальные характеристики: скопление движущихся льдин»; «звуковые характеристики: шум, грохот»; «+/–последствия: затруднение судоходства, заторы, наводнения».

Следовательно, тождество словообразовательной структуры не гарантирует тождества лексических значений: последние формируются в результате уточнения, конкретизации, семантического обогащения значений, определяемых соединением образующих морфем.

Интересно, что отмеченная особенность (большая «семантическая дистанция» между словообразовательным и лексическим значениями) наблюдается у всех существительных анализируемой модели. Все они проявляют признак идиоматичности, однако направление развития лексической семантики

здесь оказывается принципиально иным в силу признакового значения первой основы. Иллюстрацией этого тезиса может служить сопоставление слов *мореход* и *ледоход.* Если слово *мореход* обозначает человека, плавающего по морю или открывающего морские пути, то существительное *ледоход* называет природное явление, а именно движение льда по течению реки или по озеру; весной – во время таяния; осенью – во время замерзания, перед ледоставом». Для того чтобы наглядно убедиться в принципиальном различии лексических значений слов «мореход» и «ледоход», несмотря на общность их словообразовательной структуры, обратимся к методу компонентного анализа. Этот метод позволит нам детально разложить значение каждого слова на составные семы и провести их разграничение (таб. 1, таб. 2).

1. Классема	Существительное – предметность (обозначает лицо)
2. Лексико-грамматическая сема	Одушевленное (обозначает человека), нарицательное, конкретное, мужского рода, личное.
3. Архисема	Человек
4. Гипосема	**Интегральные семы:** связанный с морем (море-), связанный с деятельностью плавания, судоходства (-ход). **Дифференциальные семы:** чья профессия или занятие связаны с мореплаванием; управляющий судном или участвующий в его управлении; обладающий опытом и умениями в морском деле.
5. Потенциальная сема	Вызывает коннотации смелости, отваги, выносливости, опытности; может иметь исторический или книжный оттенок (так как в современной речи чаще используются слова «моряк», «мореплаватель»).

Таблица 1. Компонентный анализ слова «Мореход»

1. Классема	Существительное – предметность (обозначает явление, процесс)
2. Лексико-грамматическая сема	Неодушевленное, нарицательное, отвлеченное (обозначает процесс/явление), мужского рода.
3. Архисема	Природное явление
4. Гипосема	**Интегральные семы**: связанное с движением (-ход), связанное со льдом (ледо-). **Дифференциальные семы**: движение льда по реке; происходит весной или осенью; связан с разрушением ледяного покрова.
5. Потенциальная сема	Может вызывать коннотации сезонности, пробуждения природы, опасности (например, для судоходства), красоты и мощи.

Таблица 2. Компонентный анализ слова «Ледоход»

Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что, несмотря на общность словообразовательной модели, лексические значения слов одного типа могут

весьма существенно различаться. Так, в качестве архисемы в структуре лексического значения слова ледоход выступает **процесс** – «природное явление», в структуре лексического значения слова мореход – **конкретный одушевленный предмет** (человек) и т.д.

Итак, тождественная словообразовательная структура служит лишь общим каркасом, который заполняется совершенно разным лексическим содержанием, определяемым семантикой первой основы. Словообразовательная модель «имя сущ. + (о) + усеченная глагольная основа» – это формальная структура для создания сложных существительных путем сложения основ, носитель общего значения, который конкретизируется в каждом отдельном слове в зависимости от значения первой именной основы.

Несовпадение лексического значения деривата со значением, которое определяется его словообразовательной структурой, – не что иное, как **идиоматичность семантики**. Этот феномен позволяет понять, почему значение производного слова не всегда является простой суммой значений его частей. Если лексическое значение опирается на связь «знак, – понятие», а словообразовательное – на отношения между морфемами, то есть в конечном счете на словообразовательную модель, то идиоматичность раскрывает более сложный аспект: семантическую целостность, которая связана с невыводимостью значения целого слова из значений составляющих элементов.

Разные подходы к пониманию сущности идиоматичности отражены в работах А.И. Смирницкого, В.Н. Телии. Так, А.И. Смирницкий понимает под идиоматичностью значение целого, не выводимое из совокупности входящих в него частей [Смирницкий, 2003: 187]. В.Н. Телия называет идиоматичностью такое свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), которое состоит в неразложимости их значений на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи [Телия, 1996: 145].

Все рассматриваемые единицы обладают прозрачной морфемной структурой и относятся к одному словообразовательному типу: «объект/явление + действие, связанное с ним». Компонент -ход сохраняет семантику движения или процесса перемещения, что задает общее семантическое поле для всей группы (*снегоход, дымоход, ледоход, пароход, мореход*). Однако, как показали предварительные наблюдения, лексические значения слов существенно расходятся, что и обусловливает достаточно высокую степень их идиоматичности.

На материале исследуемых слов можно выделить основные семантические классы, образующие непрерывную шкалу идиоматичности – от полной мотивированности к высокой семантической спаянности.

Класс 1: *Низкая степень идиоматичности.* Обозначение объекта – пути или средства движения. К данному классу мы относим слова, лексические значения которых относительно прозрачны и складываются из значений компонентов.

Дымоход. Семантика полностью мотивирована. Компонент дым- обозначает объект, который движется, а -ход – канал, путь для этого движения. Значение целого тождественно сумме значений частей: «ход для дыма».

Снегоход. Значение также прозрачно. Основа снег- указывает на среду передвижения, а -ход – на средство передвижения (то, что ходит). Структура «ход по снегу» сохраняет прямую мотивационную связь. Степень идиоматичности – низкая.

Класс 2: *Средняя степень идиоматичности.* Обозначение природного процесса, уподобленного движению. Этот класс занимает промежуточное положение на шкале идиоматичности.

Ледоход. Происходит семантический сдвиг, основанный на метафоре. Компонент -ход используется здесь не в прямом, а в переносном значении ‘массовое перемещение’. Лёд, будучи неодушевленным объектом, метафорически наделяется

функцией субъекта активного движения. Так, значение слова понимается через образ: «лёд идет / совершает ход».

Класс 3: *Высокая степень идиоматичности.* Обозначение предмета, для которого движение является основной функцией.

Пароход. Слово обозначает не «ход пара» (что было бы логично по модели ледоход), и не «судно, которое ходит по пару». Пар является не субъектом и не средой передвижения, а источником энергии. По характеру лексической семантики это слово близко к терминологическому наименованию: «судно, приводимое в движение паровым двигателем». Попытка буквального прочтения компонентов приводит к затруднению, что свидетельствует о высокой степени идиоматичности.

Мореход. Слово обозначает не «ход моря» и не «средство для хождения по морю», а одушевленного агента – человека: ‘тот, кто совершает хождение, специалист по передвижению’. Таким образом, *мореход* – это «ходок по морям». Данная модель словообразования (лицо по роду деятельности) является продуктивной, но значение данного конкретного слова условно и идиоматично.

Таким образом, на материале пяти лексем с общим формантом *-ход* была подтверждена гипотеза о существовании непрерывной шкалы идиоматичности. Анализ демонстрирует плавный переход от прозрачности связей образующих слово морфем к полной идиоматизации.

Компонент *-ход* проявляет высокую семантическую гибкость, выступая в роли указателя места для движения (*дымоход*); указателя средства движения (*снегоход*); ядра метафоры, описывающей процесс (*ледоход*); основы для термина, обозначающего сложный механизм (*пароход*); указания на профессиональную принадлежность агента действия (*мореход*).

Наиболее идиоматичные слова (*пароход, мореход*) являются исторически сложившимися терминами или профессиональными номинациями. Это

свидетельствует о том, что процесс терминологизации часто сопровождается «затемнением» внутренней формы. Несмотря на высокую идиоматичность отдельных единиц, все рассмотренные слова остаются элементами одной словообразовательной системы, что доказывает продуктивность нашей модели для номинации широкого круга понятий, так или иначе связанных с идеей перемещения в пространстве.

Данный анализ, основанный на лексикографических источниках, репрезентативно иллюстрирует ключевые закономерности словообразования и идиоматики в современном русском языке.

Проведённое исследование словообразовательной и семантической специфики сложных существительных модели «имя сущ. + (о) + глагольная основа» на материале слов с компонентом -ход позволило выявить системную взаимосвязь между словообразовательной структурой слова, его лексическим значением и феноменом идиоматичности. Было установлено, что словообразовательная модель с общим значением «некто (нечто), характеризующий(ее)ся движением, которое связано с тем, что названо первой производящей основой», служит лишь каркасом для формирования широкого спектра лексических значений. Этот каркас наполняется конкретным содержанием исключительно благодаря семантике первой именной основы, что приводит к образованию различных семантических классов: от наименований конкретных предметов *дымоход, пароход* и природных явлений *ледоход* до обозначений лиц по характеризующему действию *мореход.*

Основным результатом работы стало доказательство того, что тождество словообразовательной структуры не гарантирует семантического тождества. Напротив, оно допускает высокую степень семантической вариативности, что продемонстрировал компонентный анализ, выявивший различия в архисемах слов *мореход* и *ледоход*. Значимым аспектом исследования явился анализ идиоматичности, который подтвердил её относительный характер. Иными словами, степень идиоматичности может быть «более низкой» и «более высокой», в зависимости от того, насколько велико количество сем, уточняющих

(конкретизирующих, корректирующих, индивидуализирующих) деривационное значение.

Таким образом, модель «основа имени сущ. + (о) + усечённая глагольная основа» представляет собой продуктивный механизм языка, который, сохраняя формальное и общее семантическое единство, генерирует лексические единицы с разной степенью идиоматичности. Это доказывает, что идиоматичность является неотъемлемым и свойством производной лексики, а её изучение требует комплексного подхода, учитывающего как словообразовательные, так и лексические факторы. Перспективы исследования видятся нам в расширении языкового материала за счёт включения в круг анализа других производных рассматриваемой словообразовательной модели.

Источники

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. [МАС].

Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2 е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. М., 1977. С. 140–161.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.

Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий // Отечественные лингвисты XX века. 2003. №2. С. 176-197.

Телия *В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Мохамед Хэйтем Матук (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
1 курс, магистратура
Научный руководитель: ***М.В. Захарова***

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕТАФОРЫ (УММ): НОВЫЙ СПОСОБ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОР И ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Статья посвящена Универсальной Модели Метафоры (УММ), продвинутой лингвокогнитивной технологии понимания и анализа метафор, разработанной автором данной статьи. Вводятся три новых типа метафор: раскрытые, переплетенные и полураскрытые-полупереплетенные (типы α и β). Диаграммы и примеры демонстрируют структуру метафор, их динамическую природу и связи с междисциплинарными исследованиями.

Ключевые слова: когнитивная метафора, Лакофф и Джонсон, Фоконье и Тёрнер, универсальная модель метафоры (УММ), картина мира.

Введение

Метафоры окружают нас. Мы используем их, чтобы описать и осмыслить непостижимое и неизвестное через понятное и известное, но их значимость этим не ограничивается. Ещё Аристотель считал метафоры важным риторическим приёмом, а в XX веке Лакофф и Джонсон доказали, что метафоры – основа нашего мышления [Lakoff & Jhonson, 1980]. Например, выражение «жизнь – это путешествие» позволяет представлять жизнь как путь с препятствиями и целями. Лакофф и Джонсон разработали Теорию концептуальных метафор (далее ТКМ). Другая модель, Теория смешивания (blending) Фоконье и Тёрнера, объясняет, как метафоры создают новые смыслы, соединяя ментальные пространства [Fauconnier & Turner, 2002]. Развивая идеи этих исследований, мы хотели бы предложить свою Универсальную модель метафоры (УММ), которая бы позволила упростить техническое описание метафоры и поиск метафор в тексте.

УММ включает следующие ключевые элементы, такие как C1 (*first comparison object*), C2 (*second comparison object*), HSCP (*hidden shared common points*) и TP (*transferred propriety*). Мы предлагаем выделять раскрытые,

переплетенные и полураскрытые-полупереплетенные (типы α и β) метафоры.

Актуальность данного исследования определяется важностью продвижения междисциплинарных исследований сознания и языка. Предлагаемая модель открывает новые связи между различными областями знаний, включая лингвистику, неврологию, космологию и религию.

Цель нашего исследования – разработка структурно-функциональной модели, описывающей когнитивную динамику метафор и устройство их формирования.

Для анализа метафоры с точки зрения Универсальной модели метафоры (УММ) мы предлагаем ввести следующие понятия:

● *Видимое пространство* – это область, где находятся эмпирические элементы, которые мы непосредственно воспринимаем (видим, слышим или ощущаем) без необходимости их угадывания. Эти элементы представлены прямо в метафорическом выражении.

Минимальной видимой единицей в любой метафоре является первый объект сравнения (C1). Таким образом, C1 всегда виден. (Метафора по своей природе – это сравнение, где C1 сравнивается с C2.)

● *Невидимое пространство* – это область, содержащая теоретические (инференциальные) элементы, которые не выражены прямо в метафорическом выражении и требуют когнитивного восстановления читателем.

Например, в раскрытой метафоре «Жизнь – это путешествие» скрытая общая точка (HSCP) между C1 («жизнь») и C2 («путешествие») включает такие понятия, как «дорога», «цель», возможно, «спутники» и др. Эти слова не зафиксированы в самом выражении, они располагаются в невидимом пространстве.

Минимальной скрытой (невидимой) единицей в любой метафоре является общее сходство (HSCP) между C1 и C2: HSCP всегда скрыт.

В зависимости от типа метафоры C2 может быть видимым (как в раскрытых метафорах) или скрытым (как в переплетённых и полураскрытых-полупереплетённых).

Раскрытая метафора

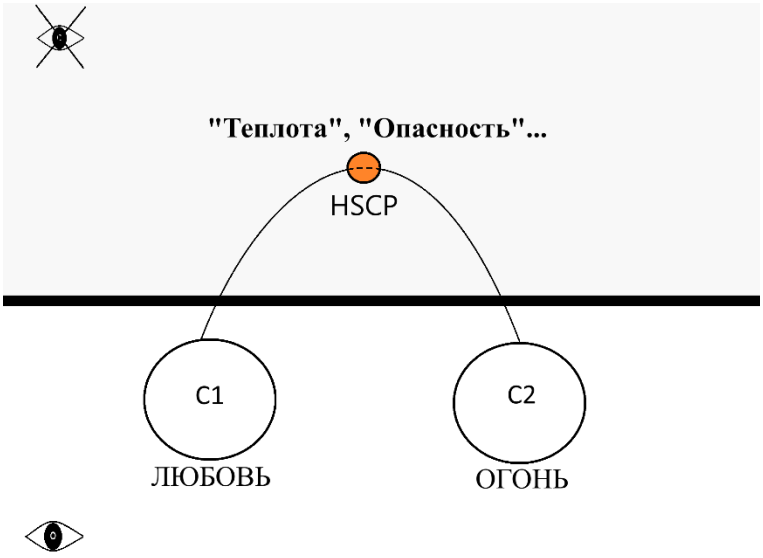

Рис. 1. «Любовь – это огонь».

В этой метафоре (рис. 1) объекты сравнения (С1 и С2) полностью раскрыты (мы их видим напрямую в выражении). С1 – это «любовь» (то, что мы хотим описать или объяснить), а С2 – это «огонь» (то, с помощью чего характеризуется значение С1).

Приведённая выше схема отражает простейший тип метафоры с конструкцией «А – это В», или, иначе, раскрытые метафоры.

Переплетенная метафора

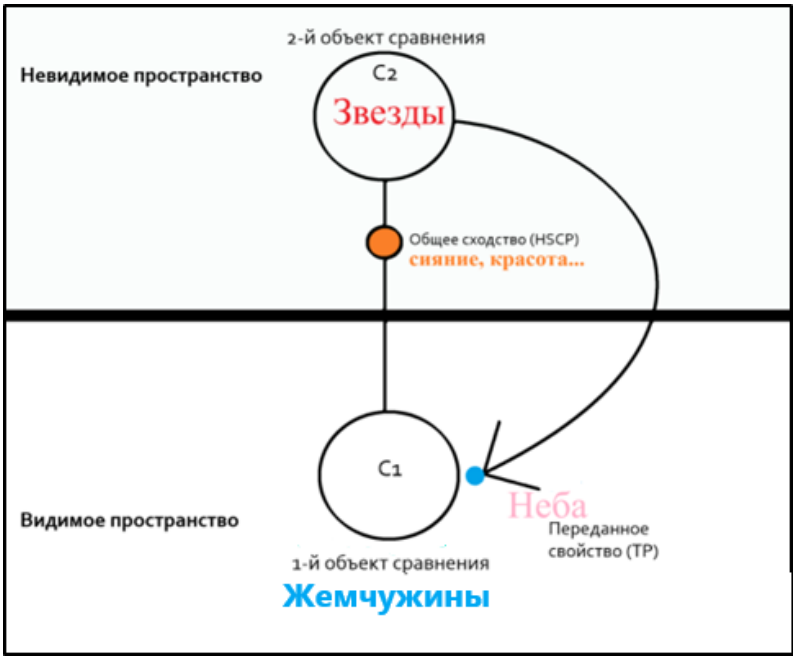

Рис. 2. Схема переплетенной метафоры (УММ): «жемчужины неба».

В метафоре «жемчужины неба»:

• C1 – *жемчужины* (видимый объект)

• C2 – *звёзды* (скрытый объект)

• HSCP между C1 и C2 – сияние, округлость, красота

• TP – *небо* (семантически связано со звёздами)

В данном примере C2 и HSCP, как всегда, находятся в невидимом пространстве (рис. 2). Однако здесь наблюдается наличие TP рядом с C1.

TP (переносимое свойство) – это слово, семантически связанное с C2 (прямо или косвенно намекающее на него). Оно «выходит» из C2 (невидимого пространства) и перемещается в видимое пространство, располагаясь рядом с C1. Именно сочетание C1 + TP формирует переплетенную метафору.

Стрелка на схеме отражает передачу TP из его источника (C2) в видимое пространство, где оно размещается рядом с C1.

Нужно подчеркнуть, что в роли C2 теоретически могли бы выступать и другие объекты, семантически связанные с «небом» и имеющие общие черты с жемчужинами (солнце, сверкающие птицы, сияющие облака и т.д.). Однако эти толкования не могут быть приняты, так как «звёзды» по форме, образу и культурным ассоциациям могут быть соотнесены только с «жемчужинами», но никак не с «птицы», «солнце» или «облака».

Таким образом, в общем виде схема УММ выглядит так (рис. 3):

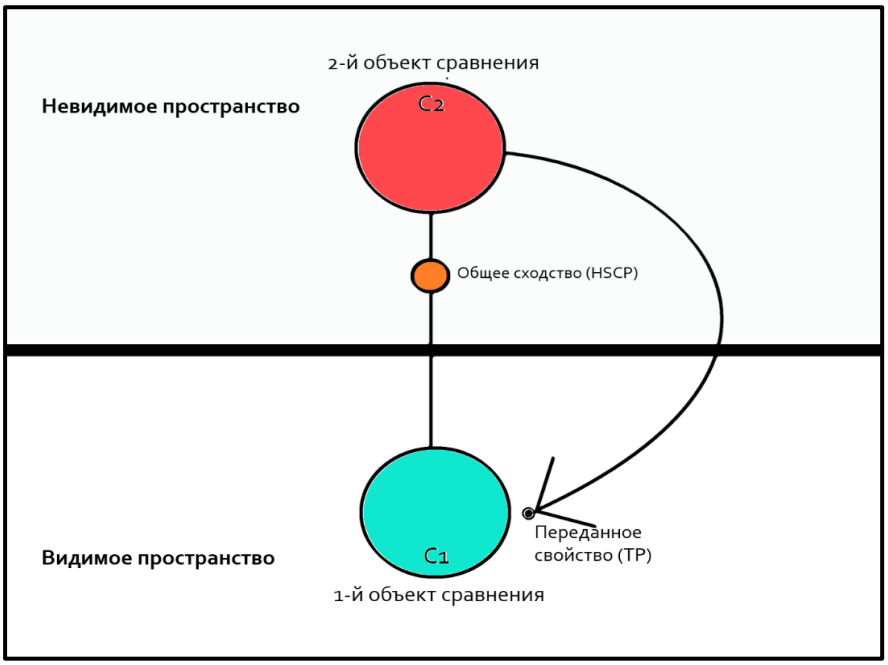

Рис. 3. Общая схема УММ.

Хотелось бы отметить, что схема Универсальной модели метафоры (УММ) изначально была разработана именно для описания так называемого «переплетенного» типа метафор. Название «переплетенные» обусловлено тем, что в метафорах этого типа С1 тесно связан с С2 через ассоциативное слово ТР (переносимое свойство), представляющее С2.

Мы рассмотрели два типа метафор – переплетенные и раскрытые, – но существует и третий тип: полураскрытые-полупереплетенные (англ. half-disclosed half-mixed, далее Hd-Hm).

В отличие от первых двух типов, Hd-Hm не могут быть полностью расшифрованы без контекста, то есть для выявления С2 требуется учесть коммуникативную ситуацию. Этот тип характерен преимущественно для авторских метафор, работающих на раскрытие общего замысла автора.

С структурной точки зрения в Hd-Hm С2 скрыт, а С1 виден (как в переплетённых метафорах), но здесь ТР отсутствует (как в раскрытых), отсюда и название «полураскрытые-полупереплетённые». Вместо истинного ТР в Hd-Hm используется F-TP (ложное переносимое свойство, false TP), которое берётся не из второго объекта сравнения С2, как в переплетенном типе, а из контекста. Кроме того, в этом типе помимо истинного С2 появляется F-C2 (ложный С2), который возникает в сознании читателя, если для поиска С2 используется F-TP. Это приводит к ментальному установлению F-HSCP (ложной скрытой общей точки) между С1 и F-C2 и, как следствие, к искаженному или поверхностному пониманию метафоры.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём [Metaphors We Live By] / пер. с англ.; под ред. и с пред. А.Н. Баранова. М.: Издательство УРСС, 2004. 256 с.

Фоконье Ж., Тернер М. Концептуальная интеграция, форма и значение// Recherches en Communication. 2003. Vol. 19. 33 с.

А.Г. Поляков (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
2 курс, аспирантура
Научный руководитель: ***А.В. Леонтьева***

СИНТАКСИС ИГРОВОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНВЕКТИВЫ

В статье обсуждается игровая форма реализации инвективы в тексте высказывания. На материале исследования прослеживаются закономерности в структурно-грамматической организации игровой инвективы – краткость, зависимость от предыдущей реплики, наличие интенсификаторов. Подчеркивается кооперативный потенциал инвективной лексики и закладываются основы для развития исследований в этом направлении.

Ключевые слова: инвектива, вербальная агрессия, игровая инвектива, кооперативный диалог, синтаксис.

Позитивное влияние на строение коммуникации во многом определяется соблюдением принципа кооперации, сформулированного Г.П. Грайсом. Согласно данному принципу, эффективное взаимодействие между коммуникантами возможно при условии, что каждый из участников стремится сделать свой вклад в общение максимально информативным, релевантным, ясным и правдивым в рамках текущей коммуникативной цели [Grice, 1975: 45]. Соблюдение максим Грайса – качества, количества, релевантности и ясности – способствует структурной упорядоченности и логической связности дискурса, формированию доверия и взаимопонимания между участниками общения. Однако существует ряд инструментов, которые, на первый взгляд, нарушают принцип кооперации и все же в определенном контексте остаются позитивными. Одним из таких инструментов общения является инвектива.

К настоящему времени лингвисты не достигли согласия по вопросу о том, что именно следует называть инвективой с использованием языковых средств, то есть вербальной инвективой. Так, В.И. Жельвис в монографии «Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира», на которую ссылается большая часть отечественных исследователей по теме, дает следующее определение: «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [Жельвис, 2001: 13]. Владимир Ильич оставляет пространство для трактовки, однако подчеркивает культурную и социальную обусловленность

потенциально конфликтного, агрессивного речевого действия. В свою очередь, А.Ю. Позолотин отождествляет инвективу исключительно с лексической единицей, называя ее «грубым, вульгарным словом, средством речевой агрессии» [Позолотин, 2005: 15]. Г.В. Дмитриенко позднее рассматривает инвективу как текст, имеющий культурные и национальные корни и ряд вероятных адресатов: «определенный культурно обусловленный и национально-специфичный векторнонаправленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения» [Дмитриенко, 2007: 4]. Несмотря на различия в предмете и ракурсе исследования, лингвисты подчеркивают одну общую деталь, а именно отношение инвективы к речевой или, иначе говоря, вербальной агрессии.

Цель настоящего исследования – попытаться восполнить пробелы в изучении вербализации агрессии, враждебности по отношению к объекту речи. Рассмотреть примеры использования инвективы и реализующей ее инвективной лексики в рамках кооперативной фазы диалога. Выявить устойчивые синтаксические конструкции, характерные для игровой инвективы.

Актуальность синтаксического анализа игровой инвективы обусловлена растущим интересом современной лингвистики к изучению агрессивных форм речевого поведения и их структурно-грамматических особенностей. В условиях роста коммуникации в цифровом пространстве, где границы между официальным и неофициальным дискурсами размываются и перестают существовать, вербальная инвектива становится значимым элементом речевого взаимодействия, отражающим социальные, культурные и психологические аспекты общения. Изучение ее синтаксических характеристик позволяет выявить закономерности организации агрессивных высказываний, определить механизмы их прагматического воздействия и роль в формировании коммуникативных стратегий и тактик. Кроме того, анализ синтаксиса инвективы способствует более глубокому пониманию соотношения формы и функции в речевом акте, а также расширяет представления о границах допустимого в современном языковом поведении.

Игровая форма инвективы или игровая инвектива определяется нами как прием нейтрализации потенциально конфликтной, инвективной лексики в процессе коммуникации. При использовании настоящего приема отправитель и получатель негативной оценки находятся в совместном игровом пространстве, которое обуславливает и регулирует использование лексики, не характерной для данной конкретной социальной группы. Вербальная агрессия имеет лишь формальное присутствие речи и отвечает правилам, которые создаются, понимаются и активно поддерживаются коммуникантами.

Практической базой для поиска материала исследования послужили англоязычные многосерийные художественные проекты, релиз которых состоялся в течение последних десяти лет: Daredevil (2015-2016, 1-2 сезоны), Shrinking (2023, 1 сезон), Mr. & Mrs. Smith (2024) и Ironheart (2025). В связи с тем, что «кооперативный диалог есть речевое общение минимум двух личностей (двух сторон общения) с разными идиолектами, заинтересованных в становлении и продолжении общения между собой» [Букин, 2018: 294], исследование проводилось в канве методик лингвистической прагматики, а значение языковых единиц изучалось исключительно в контексте их употребления в процессе общения.

Нами отмечено, что ядерная инвективная лексика, то есть лексика, аккумулирующая в себе негативную или предположительно негативную оценку адресата, в материале исследования принимает на себя роли обращения, определения, составного именного сказуемого и неделимой синтаксической конструкции с глаголом в повелительном наклонении.

– Hey, you wait. Couple months, you're gonna be reading Braille faster than I read normal. – I already read Braille faster. – Yeah, yeah, I get it. You smartass.[1]

– Oh, God, we should be studying. – You're gonna graduate summa cum laude, you can take a night off, you nerd![2]

[1]Здесь и далее перевод автора: *– Подожди немного. Пара месяцев, и ты будешь читать шрифт Брайля, быстрее чем я читаю обычный. – Я уже читаю быстрее тебя. – Да, да, я тебя понял. Умник.*

[2] – Боже, мы должны учиться. – Ты и так получишь красный диплом, расслабься на один вечер, ботаник!

– Hey, how old were you when you had your first drink? – Nine. – Nine? Lush![1]

Инвективные единицы, выполняющие роль обращения в рамках кооперативного диалога, можно разделить на следующие категории: апеллирующие к чертам личности адресата (‘smartass’, ‘nerd’), апеллирующие к асоциальному поведению, образу жизни (‘lush’). Часть из них имеет при себе дополнительное местоимение ‘you’, распространенное при восклицательных обращениях в разговорном английском языке. Оно отвечает за дейктическую функцию, то есть функцию указания на объект речи. Мы отмечаем, что обращения располагаются в финальной части предложения и тем самым подытоживают, интенсифицируют его содержание, либо представляют собой самостоятельное вокативное предложение, то есть односоставное предложение, состоящее только из обращения. В таком варианте обращение произносится с эмфатическим ударением. Так или иначе, игровая адресация ограничивается лишь одной инвективной лексемой, не имеет продолжения в виде описательной или поясняющей части.

– Okay, just… Can you do it with your indoor voice without speaking? – That’s a very asshole thing to say... I’m impressed.[2]

– This might be the prettiest group of washed-up criminals I ever saw.[3]

В роли определения инвективные единицы апеллируют также к чертам личности адресата (‘asshole’) и к его профессиональным навыкам, компетенциям (‘washed-up’). Первый вариант игровой вербальной инвективы в точности повторяет конструкцию текста инвективы конфликтного разряда в связи с коммуникативным намерением автора – поиграться с эмоциональным состоянием собеседника. Нейтрализация инвективной лексики достигается за счет включения дополнительного нераспространенного предложения, в котором дается эксплицитная позитивная оценка действиям «обвиняемого». Тем не менее, мы выделяем интенсификатор ‘very’ как значимый для настоящего исследования. Второй вариант игровой вербальной инвективы-определения

[1] – Эй, сколько тебе было лет, когда ты впервые попробовал алкоголь? – Девять. – Девять? Алкаш!
[2] – Ладно, только… можешь делать это про себя, а не вслух? – Какую паскудную штуку ты сказал… Я впечатлена.
[3] – Пожалуй, это самая милая группа преступников-неудачников из всех, что я видел.

заключен в рамочную конструкцию, которая отчасти создает условия для употребления инвективной лексики, наравне с паравербальными (замедленный темп речи, ровная и спокойная интонация), невербальными сигналами (улыбка, расслабленная, открытая поза) и контекстом общения (говорящий принадлежит к той группе, который отправляет инвективное сообщение и не имеет мотива для формирования конфликтной ситуации). Определение ‘prettiest’ и его содержательная часть вытесняет конфликтный потенциал лексемы ‘washed-up’.

– Yeah, well, that’s what I said. Now, look how fancy I am. – Like a damn peacock.[1]

– Am I insane? <…> – I think you are…[2]

– You’re asshole. – You snooped on my computer! – You’re asshole. – You’re sick. – You’re an… I’m sick? – You’re sick that I… <…> – You’re so… You’re so fucked up. You know, you’re fucked up.[3]

Занимая позицию именной части составного именного сказуемого, игровая вербальная инвектива апеллирует к внешности адресата (‘like a damn peacock’), к его психическому, ментальному здоровью (‘insane’, ‘sick’, ‘fucked up’) и чертам личности (‘asshole’). В первом фрагменте подлежащее и глагол-связка опускается в рамках живой спонтанной речи, а именная часть ‘like a peacock’, выраженная сравнением с бранным интенсификатором, фактически отвечает на союзное слово ‘how’. Тем самым, говорящий деконструирует и дополняет оригинальную реплику по следующей схеме:

You’re fancy (how?) like damn peacock.

Во втором фрагменте составное именное сказуемое, напротив, теряет именную часть, в то время как говорящий дает краткий утвердительный ответ на вопрос, содержащий инвективное высказывание о его авторе:

I think you are… (insane).

[1] – Да, что ж, я твердил то же самое. И глянь, как я теперь принарядился. – Как чертов павлин.
[2] – Я сошла с ума? <…> – Думаю, что да…
[3] – Ты сучка. – Ты залез в мой компьютер! – Ты сучка. – Ты извращенец. – Ты… Я извращенец? – Ты такой извращенец, я… <…> – Ты… Ты больная на всю голову. Знаешь, просто больная.

В третьем фрагменте изображена ситуация обмена игровыми инвективными сообщениями, которые имеют одинаковую конструкцию – нераспространенное предложение с именным составным сказуемым. Глагол-связка также частично опускается в связи со спецификой устной речи, добавляется интенсификатор ‘so’.

– And she was so hot. She was so hot! – Yeah, say that in Punjabi. – [stammering] God! Shut up! Kiss my ass.[1]

– See you in a year. – Go fuck yourself.[2]

Неделимая синтаксическая конструкция с инвективой-императивом сообщает о системе действий, рекомендованных получателю сообщения. В настоящей работе представлены устойчивые конструкции, то есть клише, используемые в инвективной функции. В первом варианте обращаем внимание на тактику эскалации побудительных высказываний: восклицание, не имеющее прямого адресата (‘God’) – глагольная конструкция в побудительном наклонении (‘Shut up’) – глагольная конструкция в побудительном наклонении с включением некодифицированной лексики (‘Kiss my ass’).

На основе синтаксического анализа материала исследования мы делаем вывод о том, что игровая вербальная инвектива имеет ряд особенностей, различных в зависимости от роли, занимаемой в тексте сообщения. Основными являются краткость инвективного ядра, правила построения, зависящие от синтаксиса предыдущей реплики, и опциональное наличие интенсификатора.

Исследование синтаксиса игровой инвективы как одного из приемов нейтрализации инвективной лексики может быть дополнено и уточнено посредством глубокого анализа дискурса живой речи. При этом мы отмечаем, что исследование живой речи представляет определенную сложность в связи с субъективным пониманием коммуникативной интенции автора спорного речевого сообщения и контекста общения.

[1] – Она была так горяча. Так горяча! – Да, скажи это на панджаби. – [запинается] Боже! Замолкни! Поцелуй меня в задницу!
[2] – Увидимся через год. – Пошел в жопу.

Литература

Букин А.С. Кооперативные и некооперативные драйверы в речи // Букин А.С. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. С. 294–296.

Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2007. 17 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 352 с.

Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 19 с.

Grice H.P. Logic and Conversation // Grice H.P. Syntax and semantics vol. 3: Speech arts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Е.Д. Поштанова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
2 курс, магистратура
Научный руководитель: ***М.В. Захарова***

АРТЛАНГ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена этапу формирования терминологической базы в области вымышленных языков в рамках современного отечественного языкознания. Рассматривается, как термины “вымышленный язык” и “артланг” вошли в употребление у русскоязычных исследователей, проводится сопоставление использования данных терминов в отечественной и западной лингвистике.

Ключевые слова: вымышленный язык, артланг, искусственные языки, конланг.

За последние десятилетия значительно возрос интерес исследователей к тому, как же соотносятся реальность и человеческое сознание. Существующий ещё с античных времён вопрос о том, является человек лишь созерцателем или сам творит свою реальность на основе своего восприятия, стал одним из главных исследовательских интересов XXI века, и немалую роль в этом сыграло появление множеств вымышленных вселенных в литературной, игровой и киноиндустрии. Вместе с вымышленными мирами появилось и новое пространство для исследований – вымышленные языки, один из главных факторов, отражающих инаковость этих миров и их отличие от мира реального.

На сегодняшний день не существует отдельной науки, изучающей вымышленные языки. По принятой в западной и отечественной филологии традиции это явление, как и искусственные языки (понятие более широкое), исследуется в рамках интерлингвистики. Возможно, именно этот факт является одной из причин того, что терминологическая база, связанная с вымышленными языками, до сих пор остаётся зыбкой, а некоторые понятия либо имеют целый ряд обозначений, либо вообще не имеют вербального выражения. В рамках данной работы мы рассмотрим два понятия из этой области знаний – *вымышленные языки* и *артланг*.

Сам термин «вымышленные языки» стал появляться в докладах русскоязычных исследователей примерно с 2006 года [Сидорова, Шувалова,

2005], [Шувалова, 2006] и “перешёл” в активное употребление в 2010-х. Однако это не значит, что до тех пор само явление оставалось незамеченным или игнорировалось – оно присоединялось исследователями к другому, смежному понятию: окказионализмы [Тимешова, 2008]. Граница между этими явлениями на данный момент остаётся подвижной, однако в том же 2006 году уже обращалось внимание на основной критерий, позволяющий разделять эти явления: «Основным отличием окказионализмов НФ[1] от новообразований других видов литературы, на наш взгляд, следует считать фактор соотнесенности / несоотнесенности этих групп слов с объективными явлениями действительности, т. к. окказионализмы НФ в основном представлены конкретными существительными, обозначающими реалии фантастического мира» [Белоусова, 2006: 180]. На сегодняшний день фактор соотнесённости нового понятия с вымышленным миром является решающим при определении его класса.

Другой стороной терминологической зыбкости явления «вымышленный язык» можно назвать его нередкое расширение до «искусственного языка», или «конланга», то есть обозначение понятия низшего порядка через понятие иерархически высшее. Вымышленные языки являются подвидом языков искусственных и, видимо, именно поэтому исследователи нередко пользуются именно термином «конланг», говоря о языковых реалиях, свойственных вымышленным вселенным [Аюшева, 2022]. Стоит заметить, что иногда провести границу между этими явлениями, то есть определить, к какому из подвидов относится сконструированный язык, действительно непросто – например, в отношении языков надсад и новояз, представляющих собой преобразованные варианты естественных языков, довольно часто для ясности и простоты используют именно обозначение «искусственные языки» [Капитонова, 2023]. Таким образом можно сказать, что статус языков, существующих сугубо в рамках художественных произведений, до сих пор не имеет полноценного определения.

[1]научной фантастики (*прим. наше – Е.П.*)

Нам представляется, что наиболее удачным понятием, с которым работают исследователи вымышленных языков, является «артланг» (от англ. «artistic language»). По определению Оксфордского словаря, *артланг* – это язык, связанный с творцами или со способностью создавать или получать удовольствие от взаимодействия с искусством. Именно в том, что это язык «для искусства» и заключается его главное отличие от других искусственных языков и удобство для обозначения вымышленного для художественного произведения языка. Сам термин впервые появляется на англоязычных форумах в 1997–2000 годах. В русскоязычное научное пространство он проникает вместе с термином «вымышленные языки» в средине 2000-х гг. В русистике *артланг* фиксируется как подвид *вымышленного языка*. Так, О.Н. Шувалова и М.Ю. Сидорова определяют *артланги* как «фантастические языки, придуманные авторами литературных и кинематографических произведений, а также компьютерных игр» [Сидорова, Шувалова, 2005: 11], тогда как *вымышленными языками* называются не только языки вымышленных вселенных, но и языки, конструируемые «*для собственного удовольствия*», т.е. существующие вне какого-либо конкретного мира, реального или фантастического [Там же].

В западной лингвистике «вымышленный язык» и «артланг» различаются менее определено и часто выступают как частично синонимичные. Так, в исследовании «The Art of Language Invention» Д. Петерсона, автора ряда известных вымышленных языков и одного из основателей Общества по созданию языков, представлены следующие определения: «A fictional language is a language that's supposed to exist in a given fictional context»[1] [Peterson, 2015: 24] и «Artlang <…> this is a conlang created for aesthetic, fictional, or otherwise artistic purposes. »[2] [Там же: 25]. Таким образом, если отечественные исследователи используют термин «артланг» для языков вымышленных вселенных в книгах, фильмах и компьютерных играх, то в работах западных лингвистов артланг использует чаще всего в значении «personal language» – язык, существующий как

[1]Вымышленный язык – это язык, предположительно существующий в приведённом вымышленном контексте. *Здесь и далее перевод наш – Е.П.*

[2]Артланг <…> это конланг, созданный для эстетических, вымышленных и прочих целей искусства.

акт творчества, созданный для собственного удовольствия, – относимому Шуваловой и Сидоровой к области значений термина «вымышленный язык». На сегодняшний день это расхождение в лингвистических традициях разных языковых культур сохраняется, что необходимо учитывать при работе с разноязычными источниками.

Исследование вымышленных языков – направление, активно развивающееся в лингвистике и совершившее значительный скачок за последние полвека. Сейчас можно найти множество работ, посвящённых как изучению самих вымышленных языков и их созданию, так и их сопоставлению друг с другом, а также их преподаванию. Как и всякому научному явлению, чтобы закрепиться окончательно, этому движению необходима устойчивая терминологическая база – важный вспомогательный инструмент, на который опираются исследователи в ходе своей деятельности. На сегодняшний день глоссарий всё ещё формируется, но основные, базовые термины уже закрепились в языке, хотя в ходе исследований стоит помнить о расхождении значений одних и тех же терминов в отечественной и западной традиции и уточнять, к какому из понятий обращается исследователь в ходе своей работы. Структурирование и терминологическая ясность могут не только способствовать укоренению данного направления как одной из сфер научных изысканий, но и помогут начинающим исследователям сделать первые шаги в этой области, а также отчётливее обозначат её перспективы, продемонстрировав лингвистический, лингвокультурологический и исследовательский потенциал понятия «вымышленные языки».

Литература

Аюшева С.М. Искусственные языки «надсат» и «новояз» // Вопросы современной филологии и теории обучения иностранным языкам: Сборник тезисов I Международной студенческой конференции, Коломна, 23–24 марта 2022 года / Под общей редакцией Н.И. Хомутской, Ю.С. Черняковой. Ч. I. Коломна: ГОУ ВО ГСГУ, 2022. С. 58–62.

Белоусова Е.А. Окказиональное слово как стилеобразующая черта произведений научной фантастики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. №2. С. 179-181.

Капитонова Н.С. Искусственный язык «надсат» в русском, французском и китайском языках / Н.С. Капитонова, М.Н. Садовникова, А.Ю. Рудометова // Современные исследования социальных проблем. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 63–73.

Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.ру, 2006. 184 с.

Тимешова И.Ю. Фонетические окказионализмы как инструмент номинации реалий вымышленного мира // Вестник ЗабГУ. 2008. № 1. С. 74-77.

Шувалова О.Н. Вымышленные языки в Интернете: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006. 273 с.

Peterson D.J. The art of language invention: From horse-lords to dark elves, the words behind the world-building. New York: Penguin, 2015. 292 p.

Е.Д. Пузакова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
3 курс, аспирантура
Научный руководитель: ***А.В. Алексеев***

ОТ РУКИ ДО ПРАВОЙ СТОРОНЫ: ОТ ФИЗИОЛОГИИ ДО СЕМАСИОЛОГИИ

В статье рассматривается вероятность происхождения положительной коннотации концепта правой стороны исходя из физиологии человека. Рассматривается взаимосвязь с концептом руки. Приводятся исторические доказательства, а также приметы, пословицы и поговорки.

Ключевые слова: правый, левый, рука, соматизм.

Руки – самая многофункциональная часть тела человека. Руками наши предки делали наскальные рисунки и руками творили шедевры мировой живописи, руками бросали копье и создавали величественные сооружения, при помощи рук выцарапывали на камнях законы и переписывали священные тексты. Руки – парные верхние конечности. Несмотря на это, правая рука играла ведущую роль. Цель исследования – выяснить, насколько вероятно происхождение положительной коннотации концепта *правая сторона* от физиологии человека. Для этого поставлены задачи: определить, как концепт *правая рука* выражался в различных древних культурах, как этот концепт отразился в русской культуре в рамках пословиц, поговорок, примет и устойчивых выражений. В рамках данного исследования мы стремимся приблизиться к пониманию положительной коннотации абстрактного понятия *правая сторона*.

Лексемы, относящиеся к частям тела, называются соматизмами. Некоторые исследователи выделяют «в качестве соматизмов наименования различных частей тела человека и животного, хотя большинство ученых склоняются к рассмотрению соматизмов как единиц, описывающих человека» [Подгорная, 2015: 160]. Также существует вопрос «лингвистической или анатомической трактовки рассматриваемого термина. Согласно лингвистическому подходу, соматизмами являются наименования наружных, функционально значимых частей тела человека. При анатомическом подходе соматизмами признаются

части тела и внутренние органы человека. Некоторые исследователи также причисляют к рассматриваемой группе слов наименования костных тканей, жидкостей организма, обозначения органов чувств, а также названия болезней и некоторые проявления организма» [Подгорная, 2015: 160–161]. Помимо этого, ученые выделяют первичные и вторичные соматизмы. Первичные соматизмы – это названия частей тела в прямом смысле, а вторичные – в переносном.

В рамках каждой культуры переносное значение соматизма может быть различным, а может, наоборот, иметь много общего. Семасиология представляет собой «раздел лексикологии, изучающий значение словарных единиц языка, типы лексических значений, семантическую структуру слова» [Жеребило, 2010]. Культурная семантика – «область науки о культуре, занимающаяся изучением культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла, значения. Культурные объекты любого рода рассматриваются в культурной семантике как средства трансляции культурно-значимой информации, реализующейся в процессах означения и понимания» [Шейкин, 1998]. Учитывая, что русская культура не является абсолютно обособленным явлением, а, наоборот, имеет параллели со многими культурами по причине соседства со многими народами, а также политических, культурных и религиозных взаимоотношений с теми или иными народами, мы считаем вполне допустимым обратиться за примерами к иным культурам, так как культурные пересечения имели место как в древности, так и в наши дни.

Исследователь Л.А. Чибиров рассказывает о традициях скифов следующее: «Отсечение правой руки служило символом позорной смерти, магическим выражением лишения власти и престижа. В то же время, будучи важнейшим органом на теле человека, правая рука рассматривалась как надежная опора, наличие и лишение которой влекло кардинально противоположные последствия» [Чиборов, 2017: 25]. Физиология человека характеризуется тем, что большинство людей лучше владеют правой рукой, чем левой. Поэтому правая рука издревле считалась символом силы и, как следствие, власти. «Правая рука и голова котировались как наиболее ценные трофеи. Совершая жертву в честь бога

Ареса, скифы сперва отрезали голову пленного, а затем отделяли правую руку от туловища, поделив тем самым тело на три части: голова, правая рука и туловище. Так же поступали и персы» [Чиборов, 2017: 25].

Сходные обычай отображается и в Библии, а именно Первой Книге Царств, во фрагменте, когда перед похищенным филистимлянами ковчегом Завета пал их языческий идол Дагон: *И встали они поутру на следующий день, и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом Господним; голова Дагонова и [обе ноги его и] обе руки его [лежали] отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона*.[1] В тексте Ветхого Завета в квадратные скобки заключены слова, взятые авторами Синодального перевода из Септуагинты – греческой Библии, то есть вставка про ноги является некоторым дополнением и отхождением от оригинального еврейского текста. Здесь отражается тот факт, что в мировоззрении человека существует параллель *руки – ноги*. Это можно проследить и в русских пословицах, где негативной коннотацией наделяются не только левая рука, но и иные части тела, в том числе левая нога.

Членовредительские наказания были распространены в Московском государстве XVI–XVII вв. Важной особенностью исполнения таких изувечивающих наказаний, как отрубание руки или пальцев на руке, являлось то, что вместо правой руки или пальцев на правой руке, которые надлежало отсечь согласно приговору, виновному иногда в порядке помилования отрубали левую руку или пальцы на левой руке. Как пишет исследователь А.А. Рожнов, «делалось это из религиозных соображений, а именно для того, чтобы не лишать осужденного возможности совершать крестное знамение. При этом милосердие могло быть проявлено в отношении не только православного, но и иноверца» [Рожнов, 2010: 80].

Однако различное восприятие левой и правой руки в рамках русской культурной традиции отражается не всегда. Часто *руки* рассматриваются, как цельный фрагмент реальности или сторона просто не указывается. Например, во

[1] 1-я книга Царств, Глава 5. URL: https://ekzeget.ru/bible/1a-kniga-carstv/glava-5/ (дата обращения 19.09.2025).

фразеологизмах находим: *прибрать к рукам* – присвоить, как бы получить власть, *отбиться от рук* – перестать подчиняться, *укоротить руки* – лишить возможности продолжать действие, то есть лишить человека власти, *развязать руки* – предоставить свободу действий, *взять в свои руки* – взять под ответственность.

Обратимся к толковому словарю С.А. Кузнецова[1].

Ручаться – заверять в чём-либо, гарантировать что-либо, принимать на себя ответственность за кого-, что-либо. (Прояснить такое развитие значения может поговорка *давать руку на отсечение*).

Поручить – вменить в обязанность, возложить на кого-л. исполнение чего-л., заботу о чём-л.

Приручить – 1. Сделать ручным (зверя, птицу). 2. Разг. Внушить чувство привязанности к себе.

Вручать – 1. Отдать в руки, непосредственно, лично кому-л. 2. Книжн. Поручить, вверить.

Все эти слова связаны с ответственностью за что-либо. Власть и ответственность близкие понятия: за властью обязательно стоит ответственность, а тот, кто несет ответственность, в определенной степени получает власть.

Рассмотрим некоторые пословицы с упоминанием руки:

Правая рука по правде живёт.

Правая рука всегда правее.

Правша левшу вперед не пустит.

Кто от рук отмотался, тот прав остался.

У царя руки долги.

Поколе Господь с рук своих не сдал.

Предки у бога в руках.

[1] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с. URL:https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B2%D1%80%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C (дата обращения 20.09.2025).

Быть у кого под рукою.

Своя рука владыка.

От рук отбиться.

Он у него правая рука.

Говори: Господи, подай, а сам руками хватай.

У кого руки подлинее, тот и правее.

Левко (левша) правшу изымает (о ссоре братьев)[1].

Как мы видим, рука в любом случае является в том числе и символом власти. Но из двух рук особо выделяется правая, под которой подразумевается человек-помощник, человек-правая рука: *правая рука по правде живет*; *правая рука всегда правее*; *у кого руки подлиннее, тот и правее. Длинные руки* сами по себе обозначают влияние и власть. Но в рамках представленных идиом прослеживается взаимосвязь между **правой** рукой и **правдой, праведностью**, т.е. **правильной** властью.

Что же касается левой стороны, здесь чаще встречаются приметы. Про *левое* упоминается следующее:

Левой ногой с постели ступил.

Комком да в кучку, да под леву ручку.

Правый глаз чешется – радоваться; левый – плакать.

Правый глаз чешется к смеху, левый – к слезам.

Правая ладонь чешется – получать деньги, левая – отдавать.

Правая ладонь чешется – к корысти, левая – к ущербу.

Правое ухо горит – хвалят или правду говорят; левое – напраслину.

Если первые три месяца беременности легки – родится мальчик, тяжелы – девочка. Если плод на правой стороне, если мать сидя протягивает правую ногу, коли ест хорошо всякую пищу – родится мальчик; если же охотно слушает песни, выставляет левую ногу, плод в левом боку и причуд много – девочка.

[1] Даль В. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. l. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf (дата обращения 20.09.2025).

Мать левой ногой вперед выступает – мальчик родится, правой – девочка. Он тоже не левшой (не левой ногой) сморкается.[1]

Как мы видим, негативная коннотация левой стороны кроется по большей части в приметах, чем в поговорках и затрагивает не только руку, но и другие парные части тела. Про руку речь идет только в поговорке *комком да в кучку, да под леву ручку*, где речь идет о намерении что-либо спрятать, то есть о нечестности.

Негативная коннотация левой стороны и положительная правой может иметь несколько объяснений. А.Н. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу» [Афанасьев, 1995; 58] пишет: «так как древний человек обращался всегда для молитвы к востоку и, следовательно, с правой руки имел полуденный юг, а с левой – полночный север. Указанная противоположность юга и севера сочеталась в народных поверьях и с сторонами правой и левой. По убеждению простолюдина, с правой руки человека стоит добрый ангел, а с левой – злой». С нашей точки зрения данное сопоставление, связанное с направлением молитв, более позднее, а, первоначально, скорее всего, положительная коннотация правой стороны и левой базировалась на физиологическом начале – сила правой руки и слабость левой.

Особое отношение к рукам прослеживается в древних культурах. Первоначально отрубание правых рук носило скорее практический характер, доставляя значительные неудобства правше – затрудняя способность держать тяжелый меч, что-либо писать и тому подобное. Позднее расчленение врагов на составляющие *голова-рука-тело* стало носить более символический характер. При этом руки не потеряли своего значения *власть* в русской фразеологии, однако *правая рука* достаточно редко выделяется, скорее положительная коннотация относится ко всем правым частям тела. Однако выстраивается некоторая градация: руки – самый многофункциональный орган, символ власти,

[1] Даль В. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. l. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf (дата обращения 20.09.2025).

далее происходит сужение: правая рука – ведущая из двух, – и расширение до абстрактной правой стороны вообще.

Источники

Даль В. Пословицы русского народа. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 431 с. URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf (дата обращения 20.09.2025).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН: Институт лингв. исслед. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B2%D1%80%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C (дата обращения 20.09.2025).

1-я книга Царств, Глава 5. URL: https://ekzeget.ru/bible/1a-kniga-carstv/glava-5/ (дата обращения 19.09.2025).

1-я книга Царств, Глава 5. стих 4. URL:https://bible.by/verse/9/5/4/ (дата обращения 19.09.2025).

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. Том 1. М.: Современный писатель, 1995. URL: http://az.lib.ru/a/afanasxew_a_n/text_1865_poet_vozzrenia_slavyan1.shtml (дата обращения 14.09.2025).

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010. URL: https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/3522-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F (дата обращения 21.09.2025).

Подгорная В.В. Телесность в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. I. Тамбов: Грамота. С. 160–162.

Старых Д.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ III: филология, 2011. Вып. 2 (24). С. 80–88.

Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя”, 1998. 447 с.

Рожнов А.А. Членовредительские наказания в Московском государстве XVI–XVII вв. по свидетельствам современников-европейцев // Вестник института. 2010. № 11. С. 78–83.

Чибиров Л.А. Правая рука – десница. Скифо-осетинские параллели. Аннотация. Вестник Владикавказского научного центра. С. 24–26.

М.В. Синчугов (Россия, Москва)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
2 курс, аспирантура
Научный руководитель: ***В.И. Шляхов***

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПА *ОРГАН* В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена структурно-семантическому и частотному анализу метафорических выражений, репрезентирующих архетип «орган» в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века. В статье описываются словарные дефиниции «органа», а также репрезентирующие его когнитивные метафоры. В ходе проведённых структурно-семантического и частотного анализов были изучены словарные статьи, когнитивные метафоры, реализующие архетип «орган», сделаны выводы о частотности использования различных классов когнитивных метафор в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века, а также произведён анализ эмотивности выявленных метафорических выражений.

Ключевые слова: сравнение, архетип, когнитивная метафора, русский язык, медицинский дискурс.

Архетип «орган», как и репрезентирующие его когнитивные метафоры, в рамках русскоязычного медицинского дискурса середины XX века ранее не выступали объектами анализа лингвокогнитивистики. Мы используем термин архетип в значении первичного понятие, которое служит основой для создания метафор, описывает базовые явления или предметы и обозначется конкретным словом. Развиваясь, значение архетипа может быть дополнено скрытым значением или признаком, который добавляет новый смысл к исходному значению слова, обозначающего архетип. Слово-архетип следует рассматривать в совокупности всех его словоформ.

Дискурс представляет собой совокупность лингвистических (лексика, грамматика, фонетика и т. д.) и экстралингвистических (контексты социальный, культурный, идеологический и т. д.) компонентов, характеризующихся определёнными прагматическими параметрами и функционирующих в различных сферах жизни человеческого общества. Любой дискурс представляется текстами. Варьирование упомянутых лингвистических, экстралингвистических компонентов, а также параметров их функционирования создают различные виды дискурса и связанных с ним текстов.

Медицинский же дискурс можно представить как совокупность лингвистических (лексика, грамматика, фонетика и т. д.) и

экстралингвистических (контексты социальный, культурный, идеологический и т. д.) компонентов, функционирующих в сфере медицины. Медицинский дискурс является совокупностью медицинских текстов различных тематик.

Когнитивные метафоры, выполняющие функцию реализации архетипа в дискурсе, не являются средством украшения письменной или устной речи, но служат средствами конкретизации или переосмысления сущности явлений и объектов физической или абстрактной действительности с точки зрения нашего мышления. Основными компонентами структуры когнитивной метафоры являются *сфера-мишень*, *сфера-источник*, а также относящиеся к ним *фреймы*. *Сфера-источник* – область знания или опыта, из которой берется метафорическое сравнение. *Сфера-мишень* – область, к которой применяется метафора. *Фрейм* представляет из себя ментальную структуру, содержащую стереотипные знания о типичных ситуациях, объектах и событиях. Фреймы определяют, какие аспекты сферы источника и сферы мишени будут упомянуты в письменном или устном тексте.

На первом этапе проведённого исследования нами был составлен репрезентативный корпус текстов имеющий цель охватить исследуемый русскоязычный медицинский дискурс середины XX века наиболее точно и полно. В основу корпуса легли 100 текстов 1940–1969 годов. При составлении корпуса текстов мы опирались на текстовые материалы, находящиеся в открытом доступе как в цифровом, так и в физическом виде.

На втором этапе исследования нами были проведены структурно-семантический и частотный анализы метафор, репрезентирующих архетип «орган» в исследуемом дискурсе.

Обобщая существующие классификации когнитивных метафор, мы выделили 3 группы, представляющие архетип «орган» в текстах русскоязычного медицинского дискурса середины XX века:

- пространственно-ориентированные (***орган*** *мыслится в пространстве*),
- онтологические (***орган*** *представляется конкретным понятием*),

- структурные (*отвлеченное понятие **орган** представляется через аналогии с другими, более конкретными понятиями*).

Структурные метафоры подразделяются на: *антропоморфные* (выражают архетип с точки зрения описания социальных качеств человека); *природоморфные* (выражают архетип посредством сравнения его с природными явлениями, флорой, фауной её биологическими и анатомическими особенностями); *социоморфные* (выражают архетип через понятия социальной среды: «преступность», «война», «игра», «спорт», «театр», «экономика» и т. д.); *артефактные* (выражают архетип с точки зрения сравнения его с предметами человеческого быта (здания, инструменты) и их свойствами).

Результатом проведённого частотного анализа составленного корпуса текстов стало выявление ***1898*** метафорических выражений, репрезентирующих архетип «орган» в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века.

Из ***1898*** метафорических выражений ***141*** составляют *пространственно-ориентированные*, ***563*** – *онтологические* и ***1299*** – *структурные*. Среди структурных метафор ***346*** относятся к подклассу *антропоморфные*, ***472*** – к подклассу *природоморфные* и ***481*** – к подклассу *артефактные*. *Социоморфные* метафоры, репрезентирующие архетип «орган», в исследуемом корпусе не обнаружены (***0*** единиц).

Приведём некоторые примеры метафорических выражений, относящихся к антропоморфным структурным метафорам. Такими выражениями были: «возможно, что даже все они в совокупности не охватывают всей широты **полномочий** этого удивительного **органа**»[1]; «сердце и внутренние **органы** человека **отдают** в окружающую среду не только биотоки, но звуковые колебания и механические толчки»[2]; «еще в XIX веке было доказано, что **работа органа** обоняния влияет на сердце, на желудок, на всю систему пищеварения»[3].

Основным примером метафоризации является представление органа как того, что/кто работает (ОРГАН – это РАБОЧИЙ). Он может обладать

[1] Грунтенко Е. Зачем человеку тимус? // Химия и жизнь. 1968. №7. С. 51-55.
[2] Электроника и медицина // Техника – молодежи. 1959. №4. С. 6.
[3] Подольный Р. Точка опоры // Химия и жизнь. 1966. №5. С. 65.

«полномочиями», позволяющими ему проводить ту или иную деятельность, может «дать», «работать», т.е. мыслится как человек (ОРГАН – это ЧЕЛОВЕК).

Приведём некоторые примеры метафорических выражений относящихся к природоморфным структурным метафорам: «электрофизиологи исследуют электрические явления в процессе возбуждения и по ним судят о функциональном состоянии живой ткани, переживающей возбуждение, о характере и форме волн возбуждения, скорости их протекания и ряде других сторон **деятельности органов**»[1]; «китайская медицина насчитывает более 380 «точек» применения акупунктуры, причем эти «точки» нередко находятся на значительном расстоянии **от заболевшего органа**»[2] ; «В последние годы жизни С.С. Брюхоненко наметилась третья область применения искусственного кровообращения **— для** консервации **целых изолированных органов**, отделенных от тела и сохраняемых перед хирургической пересадкой»[3]; «химические вещества могут оказывать влияние не только на **развивающиеся органы** зародыша, но и на отдельные клетки, в которых возникают определенные изменения»[4].

Ведущей метафорической моделью здесь выступает модель, ассоциирующая орган с живым организмом (ОРГАН – это ЖИВОЕ СУЩЕСТВО). Посредством таких фреймов как «деятельность», «болеть», «развиваться» «изоляция» орган приобретает свойства живого существа, находящегося в окружающей среде.

Приведём некоторые примеры метафорических выражений относящихся к артефактным структурным метафорам. Такими примерами являются: «современная хирургия ставит своей задачей исправление нарушенных **функций органов** и систем человеческого организма»[5]; «но именно слизистая оболочка носа, **орган** этого таинственного чувства, **оказалась дверью**, через которую медицина смогла проникнуть в самые заповедные области человеческого

[1] Русинов В.С. Электрические явления в организме // Наука и жизнь. 1950. №5. С. 24-27.
[2] Российский Д.М. Из истории китайской медицины // Наука и жизнь. 1951. №10. С. 41-43.
[3] Лапчинский А.Г. Борец со смертью // Химия и жизнь. 1965. №7-8. С. 136-143.
[4] Бройтман А.Я. О веществах – мутагенах и тератогенах // Химия и жизнь. 1968. №8. С. 19-22.
[5] Вишневский А.А. Полимеры в хирургии // Химия и жизнь. 1965. №5. С. 10-16.

организма, в святая святых его — мозг»[1]; «он не только занялся **органом** обоняния, но и провозгласил, что именно здесь — **ключ** к лечению чуть ли не всех болезней»[2]; «каждое существо имеет те или иные **защитные органы**»[3]; «**регистрация работы** сердца, мозга, мышц, желудка и других **органов** человека при помощи записи биотоков, возникающих в тканях в ходе физиологических процессов, дает возможность врачам заглядывать в самые отдаленные уголки человеческого тела»[4].

Примечательна репрезентация органа как «двери» (ОРГАН – это ДВЕРЬ) и как «ключа» (ОРГАН – это КЛЮЧ). В обоих случаях присутствует метасмысл связанный с открытием посредством органа доступа к знаниям, позволяющим медицине развиваться. Также орган может в метафорическом смысле выступать в качестве средства какой-либо деятельности (ОРГАН – это СРЕДСТВО). Орган также может вступать в роли устройства способного выполнять работу (ОРГАН – это УСТРОЙСТВО).

Приведём некоторые примеры метафорических выражений, относящихся к онтологическим метафорам: «она приходит на помощь при ранениях, механических травмах, последствиях инфекционных и других заболеваний, вызывающих нарушения правильного анатомического **строения органов** человека, их физиологии и **функции**»[5]; «и все-таки этот **орган** остается з**агадочным»**[6]; «Необходимо избегать всего того, что может вызвать появление заболеваний, на почве которых чаще возникают злокачественные опухоли **в** том или ином **органе**»[7].

Онтологические метафоры в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века представляют орган как физический объект, обладающий рядом свойств (ОРГАН – это ОБЪЕКТ) или как здание (ОРГАН – это ЗДАНИЕ). Орган как объект может «функционировать» или быть «загадочным». Орган как

[1] Подольный Р. Точка опоры // Химия и жизнь. 1966. №5. С. 65.
[2] Из прошлого // Химия и жизнь. 1966. №5. С. 68/
[3] Что вы знаете и чего не знаете о жабах и жабьем яде // Химия и жизнь. 1968. №11. С. 76-77.
[4] Электроника и медицина // Техника – молодежи. 1959. №4. С. 5.
[5] Александров А. Хирург-новатор // Наука и жизнь. 1950. №6. С. 43.
[6] Грунтенко Е. Зачем человеку тимус? // Химия и жизнь. 1968. №7. С. 51-55.
[7] Отвечаем читателям // «Работница», 1957.

здание способен иметь некое строение. Также орган может быть представлен как хранилище (ОРГАН – это ХРАНИЛИЩЕ) в которое можно что-то положить. Подобная метафоризация осуществляется посредством связывания «органа» с предлогом «в».

И, наконец, пример метафорических выражений, относящихся к пространственно-ориентированным метафорам: «Учитывая, что при плавании под водой вестибулярный аппарат (уши) в отдельных случаях является единственным ***органом***, **ориентирующим человека в пространстве**, подводному спортсмену необходимо иметь представление о строении внутреннего уха»[1].

В финале проведённого структурно-семантического анализа все метафорические выражения «органа», относящиеся к корпусу текстов русскоязычного медицинского дискурса середины XX века, были проверены на наличие положительной, отрицательной или нейтральной эмотивности. Проанализировав примеры метафорических выражений из составленного корпуса, мы пришли к выводу, что в метафоризации «органа» преобладает нейтральная эмотивность, иногда положительная и никогда отрицательная. В тех случаях, когда присутствует нейтральная эмотивность, орган мыслится как объект, устройство, обладающее рядом свойств и характеристик, как например, «возможность регистрации работы», «загадочность», «функционирование». Может мыслиться орган и как здание, обладающее «строением». Если архетип «орган» олицетворяется с человеком, то в нейтральной ключе он описывается как лицо способное выполнять действия «работать», «дать» или как рабочий, имеющий определённые полномочия. Если «орган» сравнивается с живым существом, то как и при сравнении с человеком, но посредством других фреймов («развиваться», «заболевать», «находится в изоляции») происходит описание свойств «органа», но уже как биологоческого организма в целом.

Положительную эмотивностью обладают метафорические выражения, репрезентирующие архетип орган как нечто приносящее благо человеку. С одной

[1] Тюрин В. К вопросу об ориентации под водой // Спортсмен-подводник. 1968. №18. С. 46-49.

стороны орган может выступать средством ориентирования в пространстве, указывающим человеку путь, а с другой средством защиты от окружающей среды.

Таким образом, в русскоязычном медицинском дискурсе середины XX века архетип «орган» преимущественно репрезентировался через структурные метафоры с ярко выраженной нейтральной или положительной оценкой, отражая восприятие органа как функциональной биологической единицы, сложного механизма или инструмента, интегрированного в систему жизнедеятельности организма.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, в которых мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

А.Р. Филимонова (Россия, Чита)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***А.Н. Булдыгерова***

НАЗВАНИЯ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ С КУЛЬТУРНЫМ И СИМВОЛИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу названий летательных аппаратов Китая, как лингвокультурного феномена. Рассматриваются виды названий в космической отрасли, изучаются мифологические, философские и исторические источники их номинации, определится культурные коннотации космических онимов. Что становится практической основой описания специфики механизмов номинации в китайской языковой картине.

Ключевые слова: космические онимы, лингвокультурные коды, мифология, символический смысл, Китайская космическая программа.

Современная космическая программа Китая представляет собой значимое явление не только в технологическом, но и в культурно-символическом аспекте. Одной из её особенностей является система наименований летательных аппаратов, которая служит не только инструментом формирования национального имиджа, но и механизмом трансляции культурных кодов.

Для достижения цели, состоящей в проведении семантического анализа названий китайских летательных аппаратов и описании специфики культурных и символических коннотаций китайских космических онимов, последовательно решаются следующие задачи: выборка названий космических летательных аппаратов в материалах китайских СМИ, размещенных в пространстве Интернет, дифференциация их по классам, соответствующих видам космических летательных аппаратов, систематизация наиболее популярных онимов по доминирующему лингвокультурному коду, определяемому с позиций источников номинации и культурно-исторические аспектов, аккумулирующих их образование. Исследуемая тематика также затрагивает вопросы языковой интеграции технологических достижений в традиционный культурный контекст и определения роли имен собственных в конструировании национальной идентичности.

Методология исследования состоит в проведении ономасиологического анализа названий космических летательных аппаратов, направленного на выявление мотивов и источников номинации, систематизацию изучаемых онимов по тематическим группам, а также и лингвокультурологического анализа, позволяющего интерпретировать онимы как культурные коды. Комплексное применение указанных подходов к анализу названий летательных аппаратов, демонстрирующее отражение в китайской языковой картине мира особенностей процессов номинации, обуславливает актуальность и новизну проведенного исследования.

Используя исторические данные и факты о развитии космической отрасли в Китае, представленные в работе В.В. Зюзина, а также основные принципы формирования ономастической системы языков, описанные в работах А.В. Суперанской, в данном исследовании была принята попытка описания космических онимов в китайском языке. Вслед за А.В. Суперанской, в рамках данного исследования будем понимать *оним* как единицу, предназначенную для выделения конкретного объекта и обладающую семантическим содержанием, отражающим мировоззрение носителей языка [Суперанская 1973: 45]. Проведенный анализ названий китайских космических летательных аппаратов позволяет утверждать, что источниками номинации в данной отрасли выступают мифологические и исторические сюжеты, отражающие коды китайской культуры и играющие в связи с этим важную роль в осмыслении специфики китайской номинации. Следовательно, рассматриваемые в работе космические онимы представляют собой лингвокультурные коды, которые, согласно З.Р. Шерефетдиновой, являются комплексными конструкциями, транслирующими архетипические образы и философские концепты [Шерефетдинова 2024: 412].

История китайской космической программы берет свое начало в 1956 году с учреждения Китайского ракетно-космического научно-исследовательского института. Однако, материалом для исследования послужили наименования космических аппаратов, фигурирующих в китайских СМИ в XXI веке. На основе

представленных в китайских СМИ материалов удалось установить, что большинство названий являются по структуре двусложными лексическими единицами, употребляемыми без наименования вида летательного аппарата, например, 梦舟 (досл. *Корабль мечты*), 玉兔 (*Юйту*), 祝融 (*Чжужун*). Помимо этого, в информационных материалах употребляются и четырёхсложные названия, включающие имя собственное, например, 长征 (досл. *Великий поход*), 力箭 (досл. *Стрела силы*), 问天 (досл. *Вопросы к небу*), и ту или иную характеристику видовой или серийной принадлежности аппарата 系列 (*серия*), 一号 (*номер один*), 实验舱 (*модуль*). Как можно увидеть, такие сложные наименования образованы по атрибутивной модели словообразования.

В рамках проведенного исследования было изучено более двадцати космических онимов, которые могут быть дифференцированы в соответствии с видом космического аппарата: ракеты-носители: 长征系列 (*система Чанчжэн);* 力箭一号 *(Лицзянь-1);* 天龙三号 *(Тяньлун-3);*. пилотируемые и беспилотные корабли: *神舟系列 (система Шэньчжоу);* *天宫系列 (система Тяньгун);* *梦舟 (Мэнчжоу);* орбитальные станции и модули: *天宫系列 (система Тяньгун);* *天和核心舱 (модуль Тяньхэ);* *问天实验舱 (экспериментальный модуль Вэньтянь);* межпланетные миссии и научные зонды: *嫦娥系列 (система Чанъэ);* *天问系列 (система Вэньтянь);* *玉兔 (Юйту);* спутниковые системы: *天绘系列 (система Тяньхуэй);* *天链系列 (система Тяньлянь);* *张衡一号 (Чжанхэн-1).*

Имена космических аппаратов в Китае обычно имеют патриотическую, историческую или мифологическую основу, что подчеркивает их значимость и культурную ценность. Помимо деления на классы в соответствии с видом летательного аппарата, китайские космические наименования можно дифференцировать в зависимости от источника номинации, что имеет важное значение для лингвокультурологических исследований, поскольку позволяет

связать названия с их функциональным предназначением и обнаружить некоторые символические особенности.

В истории китайской космической индустрии важное место занимает запуск первого пилотируемого космического аппарата серии *Шэньчжоу* (кит. 神舟, досл. *Волшебный корабль*). Название *Шэньчжоу* имеет символическое значение (как и 41% исследуемой нами группы онимов), которое преподносит космический корабль как волшебное средство для исследования космического пространства, подчеркивая значимость и величие миссии по освоению космоса. В китайской культуре *корабль (лодка)* – символизирует путь, переход и надежду, а добавление элемента «волшебный» указывает на событие, выходящее за грань реальности. Важно понимать, что название 神舟 (*Shénzhōu*) является омофоном древнему самоназванию Китая – 神州 (*Shénzhōu*), что можно перевести на русский язык как *чудесные, волшебные земли*. Таким образом, каждый запуск аппарата *Шэньчжоу* представляет собой не просто космический полет, а символическое путешествие всей китайской нации в космос, подчеркивая, что Китай теперь простирается и за пределы земного шара. Это является важным патриотическим ходом и национальным символом. «Волшебными» свойствами наделено и название выведенного на орбиту в августе 2022 года многоразового пилотируемого космического корабля *Шэньлун* (кит. 神龙, досл. *Волшебный дракон*), подчеркивающего его мощь, превосходство над аналогами и принадлежность к культуре Китая. Это не просто техническое устройство, а воплощение духа нации, предназначенное для космических полётов.

Другим значимым источником названия китайских летательных аппаратов выступают древняя мифология и фольклор (18%), которые обеспечивают интеграцию современных технологических достижений в контекст традиционных легенд и преданий. Например, название *Чанъэ* (кит. 嫦娥, досл. *Красавица Луны*). В китайской мифологии это имя богини, которая, согласно легенде, вознеслась на Луну, выпив эликсир бессмертия. Выбор имени этой

богини для лунной миссии символизирует стремление Китая к исследованию и освоению Луны, что, в том числе, способствует и популяризации космической программы среди населения.

Другой пример: луноход *Юйту* (кит. 玉兔, досл. *Нефритовый заяц*), разработанный в рамках программы лунных исследований *Чанъэ*, был успешно доставлен на поверхность Луны 14 декабря 2013 года. Он стал первым китайским посадочным аппаратом, осуществившим мягкую посадку на Луну. Название *Юйту* ассоциируется с мифологическим персонажем китайской культуры – нефритовым зайцем, который, согласно древним преданиям, обитает на Луне и является помощником богини Чанъэ в приготовлении эликсира бессмертия. Выбор названия подчеркивает символическую связь между мифологическим сюжетом и космическим исследованием, где *Чанъэ* представляет собой орбитальную часть миссии, а *Юйту* – ее наземный компонент, аналогично своему мифологическому прототипу. Таким образом, миссия *Чанъэ*, включающая запуск и эксплуатацию лунохода *Юйту*, объединяет традиционный сюжет с космической реальностью, встраивая события новейшей истории в общий национально-культурный контекст.

Еще один пример: 15 мая 2021 года китайский марсоход *Чжужун* (кит. 祝融, досл. *Желающий плавления*) достиг поверхности Марса, благодаря чему Китай стал третьей страной в мире, успешно осуществившей мягкую посадку на Марс, после США и СССР. Название марсохода *Чжужун* имеет символическое значение, поскольку также связано с мифологическим персонажем китайской культуры: *Чжужун* является древним богом огня и покровителем южных земель, ассоциирующимся с теплом и пламенем. Такое название для марсохода было выбрано потому, что Марс в китайской традиции из-за своего характерного красного цвета ассоциируется с огненной стихией.

Еще одним значимым источником номинации выступают философские и литературные произведения (18%), где обращение к классическим текстам и именам древних мыслителей подчеркивает преемственность интеллектуальной

традиции. Так, китайский межпланетный зонд *Тяньвэнь* (кит. 天问, досл. *Вопросы к небу*), запущенный 23 июля 2020 года, ознаменовал важный этап в китайской космической программе, став первой китайской миссией по исследованию Марса [Зюзин, 2024: 77]. Название миссии *Тяньвэнь*, отсылает к поэтическому произведению первого известного по имени поэта древнего Китая – Цюй Юаня «Вопросы к небу», в котором поэт выражает философские размышления о природе Вселенной, звёздах и небесных явлениях. Можно предположить, что название символизирует стремление китайского народа к познанию космоса, поиску ответов на фундаментальные вопросы о происхождении и устройстве Вселенной. Оно отражает философский баланс между стремлением к научным открытиям и желанием человечества понять неизведанное, включая исследование далёких планет.

Еще одним источником номинации служит обращение к историческим событиям и личностям (18%), направленное на сохранение исторической памяти и формирование национального самосознания. Например, спутник *Мо-цзы* (кит. 墨子, досл. *Учитель Мо*), запущенный в 2016 году, был назван в честь древнекитайского философа Мо-цзы (470–391 годы до н.э.). Выбор имени для спутника был обусловлен значимостью физических и оптических открытий, сделанных Мо-цзы. Он был одним из первых учёных в мире, кто исследовал природу света. Запуск первого квантового спутника является продолжением этой традиции научных достижений, но уже в контексте современной эпохи. Это подчёркивает развитие китайской науки и её вклад в развитие мировой научной мысли.

Еще один пример – первая ракета-носитель серии *Чанчжэн* (кит. 长征, досл. *Дальний поход*), запущенная 24 апреля 1970 года и выведшая на орбиту первый китайский искусственный спутник, получивший название *Дунфанхун-1* (кит. 东方红一号, досл. *Алеет Восток-1*). Это событие стало важным этапом в истории Китая, ознаменовав официальное вступление страны в ряды космических держав и продемонстрировав её способность к самостоятельному

запуску спутников [Зюзин, 2024: 148]. Название серии ракет-носителей *Чанчжэн* отсылает к значимому событию в истории Китая – «Великому походу» 1934–1935 годов, который представлял собой стратегическое отступление 8-й армии Китайской Красной армии. Он послужил важным этапом в становлении Коммунистической партии КНР, символизируя стойкость, упорство и борьбу за выживание партии в сложных условиях. Таким образом, название *Чанчжэн* отражает идею трудного, но решительного пути к успеху и символизирует стремление Китая к научному и технологическому прогрессу.

Название самого спутника также имеет символическое значение. С политической точки зрения, название отсылает к песне, которая прославляла Мао Цзэдуна как «солнце, восходящее на Востоке». Название подчеркивало ведущую роль Коммунистической партии Китая и концепцию прогресса страны под руководством Мао Цзэдуна. Культурный аспект названия проявляется через образ «Востока», который в китайской традиции обычно ассоциируется с началом нового дня, новыми надеждами и амбициями. Следовательно, запуск спутника символизировал начало новой эры в истории Китая, характеризующейся технологическими и космическими достижениями.

Систематизация двадцати двух космических онимов (рис. 1) позволяет говорить о преобладании в номинативных процессах символических образов (41%), что свидетельствует о конструировании целостной космической мифологии, основанной на традиционных архетипах и целенаправленной интеграции космического дискурса в национальный культурный код.

Рис. 1. Распределение лингвокультурных кодов в китайской космической ономастике

Подводя итог, можно констатировать, что ономастическая практика, применяемая Китаем в космической сфере, представляет собой целостное лингвокультурное явление, направленное на интеграцию космического дискурса в национальную культуру и отражающее идеологические и цивилизационные ценности Китая.

Источники

中国载人航天 [China Manned Space]. URL: https://www.cmse.gov.cn/ (дата обращения: 25.09.2025).

国家航天局 [China National Space Administration]. URL: https://www.cnsa.gov.cn/ (дата обращения: 25.09.2025).

中国航天科技集团有限公司[China Aerospace Science and Technology Corporation] URL: http://www.spacechina.com (дата обращения: 26.09.2025).

History of China in Space // Space Today Online. 2016. URL: http://www.spacetoday.org/China/ChinaHistory.html (дата обращения: 21.09.2025).

Литература

Зюзин В.В. Космическая индустрия Китая (обзор интернет-источников и печати КНР за период 2020–2023 гг.): справочное пособие для технических переводчиков по ракетно-космической технике. Москва: ИНФРА-М, 2024. 528 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007. 366 с.

Шерефетдинова З.Р. Культурный код как центральное понятие лингвокультурологии // Молодой ученый. 2024. № 21 (520). С. 412-414.

Е.В. Щулькина (Россия, Москва)

Московский педагогический государственный университет
3 курс, базовое высшее образование
Научный руководитель: ***Е.В. Огольцева***

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛИ *ПОД-+ИМЯ СУЩ. + -НИК*

В статье рассматривается семантическая структура существительных словообразовательной модели ПОД- + имя сущ. + -НИК. На фоне общей характеристики модели проводится анализ соотношения деривационного и лексического значений в семантике пяти производных слов. Посредством семного анализа показано, что в большинстве случаев отражённое в толковых словарях лексическое значение слова не соответствует значению деривационному. Следовательно, семантика слов данной модели характеризуется фразеологичностью. На примере анализируемых лексических единиц автор показывает, что между значениями полисеманта не всегда проявляются иерархические отношения.

Ключевые слова: семный анализ, фразеологичность, лексическое значение, морфема, деривационное значение.

Введение. Ещё в 60-х годах XX века учёные-дериватологи убедительно показали, что лексическое значение производного слова не всегда является суммой значений производящей основы и словообразовательного форманта. Словообразовательное (деривационное) значение, как правило, «наращивается» семами, которые не связаны непосредственно с морфемной структурой слова, а определяются нуждами коммуникации, то есть экстралингвистическими факторами. Это свойство производного слова стали именовать «фразеологичностью», или «идиоматичностью». В статье «О слове как единице языка» (1956 г.) М.В. Панов предложил следующее определение: «слово – «смысловое единство, части которого не составляют свободного сочетания» [Панов, 2004: 10–11]. Очевидно, что отмеченное М.В. Пановым свойство присуще в первую очередь слову **производному**, которое имеет сложную словообразовательную структуру. Именно к морфологически производному слову вполне применимо и следующее положение: «Слово подобно фразеологизму, а не свободному синтаксическому сочетанию: смысл слова, как правило, не складывается из смысла составляющих его частей (морфем)» [там же].

Позже большой вклад в изучение этой научной проблемы внесла О.П. Ермакова, которой удалось выявить целый ряд важных закономерностей в

проявлении идиоматичности (или фразеологичности) семантики производного слова, показать факторы, от которых зависит фразеологичность. Все эти факторы подробно проанализированы в статье Е.В. Огольцевой, посвящённой научным взглядам О.П. Ермаковой и их месту в историко-лингвистическом контексте эпохи (вторая половина XX века). В этой статье, в частности, отмечается, что «идиоматичность как свойство семантики слова тяготеет к лексическому полюсу, но неидиоматичность, напротив, стремится к полюсу грамматическому» [Огольцева, 2025: 232].

Важно отметить главную функцию производных слов – образование наименований объектов действительности «через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими» [Винокур, 1959: 421]. Таким образом, лексическое значение производного слова, даже если оно характеризуется идиоматичностью, как правило, может быть сформулировано с опорой на словообразовательное значение, которое является частным проявлением внутренней формы слова – образа, положенного в основу наименования. В Словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя понятие внутренняя форма слова определяется следующим образом: «Морфонологический состав основы, указывающий на мотивированную связь её звучания с данным значением. *Подснежник* (цветок, появляющийся ранней весной чуть ли не из-под снега). *Огород* (связь с понятием “огородить”). *Сад* (то, что посажено; ср.: *роща* – то, что выросло естественно)» [Розенталь, 1985: 39]. В свою очередь А.А. Потебня внутренней формой слова называл «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1989: 98]. Сопоставляя концепции А.А. Потебни и А.Ф. Лосева относительно внутренней формы слова как лингвофилософского понятия, А.М. Камчатнов отмечает: «Как и для А.А. Потебни, для А.Ф. Лосева внутренняя форма слова есть отношение, и именно отношение мысли к сознанию; но если для А.А. Потебни это отношение собственной человеческой мысли к сознанию, то для А.Ф. Лосева это есть отношение собственной мысли предмета, идеи самого предмета к сознанию» [Камчатнов, 1998: 5].

Методология работы. Далее мы покажем взаимодействие актуальных лексических значений производного слова и его внутренней формы, связанной с деривационным значением, на примере словообразовательной модели «под + основа существительного + -ник». Для решения данной задачи мы будем использовать метод анализа словарных дефиниций и семный анализ.

Ход исследования. Отметим прежде всего высокую степень регулярности этой модели. Так, в Обратном словаре русского языка общее количество производных слов этого словообразовательного образца составляет 52 единицы *(подкрапивник, подполковник, подголовник, подледник, подводник, подбородник, подснежник, подбережник, подутюжник, подберезник, подгузник, подхалюзник, подвязник, подрамник, подшлемник, подколенник, подосинник, подоконник, подлапник, подшипник, подтоварник, подфарник, подзаборник, подрессорник, подрясник, подрешетник, подлокотник, подворотник, подхвостник, подхомутник, подкопытник, подпятник, подкулачник, подсветник, подсолнечник, подстрочник, подточник, подпяточник, подручник, подсошник, подслушник, подмышник, подбрюшник, подкандальник, подзеркальник, подшальник, подвёсельник, подъельник, подстольник, подзатыльник, пододеяльник)* [Обратный словарь русского языка, 1974]. Словообразовательное значение в подобных префиксально-суффиксальных производных выражается одновременно и приставкой, и суффиксом. Некоторые ученые выделяют в качестве особого типа деривационных морфем так называемые «конфиксы» (от лат. confixum – «совместно взятое»), которые состоят из двух частей (префиксальной и постфиксальной) и действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое [Земская, 2011: 32].

Проанализировав дефиниции лексических значений, представленные в Большом толковом словаре С.А. Кузнецова и в Словаре русского языка С.И. Ожегова, мы пришли к заключению, что имена существительные выбранной нами модели различаются как объемом семантической структуры (количеством лексических значений), так и степенью «влияния» словообразовательного (деривационного) значения на лексическую семантику.

1) Подводник ‘подводника, м. 1. Военный моряк, служащий на подводной лодке. 2. Специалист по водолазному делу и работам под водой (нов.)’ [Ожегов, 1997: 1906].

Подводник‘ -а; м. Разг. 1. Моряк, служащий в подводном флоте. 2. Специалист по подводным, водолазным делам’ [Кузнецов, 2000: 861].

Проведем семный анализ значений данного слова-полисеманта:

Архисема – *предметность.* Лексико-грамматическая сема – *одушевленность.* Гиперсема – *профессия.* Гипосема у данного слова отсутствует, поскольку оба значения связаны друг с другом и указывают на лицо, деятельность которого связано с работой под водой. Дифференциальными семами являются: «подводная работа» и «работа на подводной лодке» как указание на конкретный вид судна – места службы.

В английском языке военный моряк – *submariner*. Слово обладает идентичной словообразовательной структурой: sub – приставка «под» (submissive, subconscious), marin – корень слова, восходящий к латинскому языку и обозначающий «морской», er – суффикс, выражающий принадлежность к профессии (*worker, storyteller*).

Следовательно, как в русском, так и в английском языке префикс под- и sub- указывают на объект, находящийся под водой, но не указывает на его одушевленность. Функцию «одушевления» выполняет суффикс, указывающий на принадлежность к делу/профессии: -ник- в русском языке и -er- в английском. Деривационное значение слова «подводник» («тот (то), кто (что) характеризуется положением под водой») не соответствует ни одному из лексических значений, закрепленных в толковых словарях, но является своего рода семантической базой для формирования этих значений и для их функционирования в текстах.

2) Подснежник ‘-а, м. Лесной цветок, развивающийся под снегом и расцветающий сразу после его таяния. Голубые подснежники’ [Ожегов, 1997: 1940].

Подснежник ‘1. Любое травянистое растение, обычно с белыми цветками, распускающимися сразу после таяния снега (о перелесках, первоцветах и т.п.).

Собрать букетик подснежников. 2. Обычно мн.: подснежники, -ов. Разг. О людях, числящихся на должностях штатного расписания, но выполняющих другую (обычно не квалифицированную) работу' [Кузнецов, 2000: 881].

Проведем семный анализ основного (первого) лексического значения данного слова:

Архисема – *предметность.* Лексико-грамматическая сема – *неодушевленность.* Гиперсема – *цветы.* Гипосемы: *весенние цветы, белые цветы, ранние цветы.* Дифференциальная сема – «цветы, распускающиеся первыми после зимы».

Деривационное значение слова – «тот (то), кто (что) характеризуется положением под снегом». Это значение, являющееся «суммой морфем» данного слова, явно не совпадает ни с первым его значением, ни со вторым.

Итак, **подснежник** – имя существительное с префиксом под-, функция которого – указание на нахождение внизу чего-либо, и с предметным суффиксом ник-. Деривационное значение слова «подснежник» не соответствует ни одному из лексических значений, закрепленных в толковых словарях. Такое же несоответствие можно наблюдать в английском языке, где *подснежник* – это *snowdrop*, т. е. «капля снега», а не цветок, растущий под слоями замерзших осадков. *Snowdrop*'– noun –Any of several bulbous Eurasian plants of the genus Galanthus, having solitary, nodding white flowers that bloom in early spring'. [Soukhanov, 1991: 6798]

3) Подлокотник '-а, м. Ручка у кресла, сиденья, на к-рую опираются локтем' [Ожегов, 1997: 1920].

Подлокотник '-а, м. Ручка кресла, на которую, сидя, опираются локтем' [Кузнецов, 2000; с. 870].

Архисема – *предметность.* Лексико-грамматическая сема – *неодушевленность.* Гиперсема – *составная часть мебели.* Гипосема – *часть мебели, на которую опирается локоть.* Дифференциальные семы: «мягкая вытянутая часть мебели»; «на которую опускаются руки при сидении».

Произнося слово *подлокотник*, мы представляем себе ручку кресла, находящуюся под соответствующей частью руки человека, но этих семантических признаков нет в структуре слова: морфемы сообщают лишь о некоем предмете, располагающимся «под локтем(-ями)».

В английском языке наименование того же предмета действительности образовано по иной словообразовательной модели: *armrest* – «отдых для рук». Это сложное слово, являющееся, по сути, метонимическим наименованием, сочетает в себе два самостоятельных корня «рука» и «отдых»; из его состава, как и из словообразовательной структуры русского слова, невозможно установить актуальное лексическое значение.

4) Подоконник ‘-а, м. Доска или плита, вделанная в нижнюю часть оконного проема. Горшки с цветами на подоконнике’ [Ожегов, 1997: 1929].

Подоконник ‘-а, м. Доска или каменная плита, вделанная в нижнюю часть оконного проёма’ [Кузнецов, 2000: 874].

Архисема – предметность. Лексико-грамматическая сема – *неодушевленность/конкретность.* Гиперсема – *часть помещения.* Гипосема – *под окном.* Дифференциальные семы: «плоская подложка по ширине окна»; «имеющая декоративное и практическое значение». Коннотативная сема (проявляется только во втором значении): пренебрежительно о человеке, кто «побирается» буквально под окнами.

В современном русском языке словом «окно» называют отверстие в стене для воздуха и света, но в структуре слова это никак не отражено: с точки зрения синхронного подхода оно не имеет внутренней формы. Производное слово «подоконник», напротив, имеет внутреннюю форму – она связана с его строением и как бы «складывается» из значения производящей основы окон- и из значения приставки под- и суффикса -ник.

В английском языке словообразующая модель также указывает на расположение элемента относительно основного (производящее слово обозначает основной элемент): ср. *windowsill* (сложное слово с двумя

самостоятельными корнями «окно» и «порог» – порог может быть только внизу; подоконник по форме напоминает порог).

5) Подстаканник ‘а, м. Подставка с ручкой, в к-рую вставляют стакан. Серебряный п.’ [Ожегов, 1997: 1942].

Подстаканник ‘а, м. Цилиндрическая оправа с ручкой, в которую вставляется стакан Серебряный п.’ [Кузнецов, 2000: 882].

Архисема – *предметность.* Лексико-грамматическая сема – *неодушевленность.* Гиперсема – *аксессуары для посуды*. Гипосема – *аксессуары для стакана.* Дифференциальные семы – «подставка»; «с ручкой»; «как правило, из металла».

В английском языке для обозначения подстаканника используется слово *cupholder,* что означает буквально «держатель для чашки»; это наименование представляет собой сложное слово (композит) и по характеру своей семантики близко к словосочетанию. Если же говорить о слове-синониме, то иногда используется слово *coaster,* из структуры которого внутренняя форма никак не выводима. Его лексическое значение не мотивировано.

Выводы. Таким образом, лексические значения всех рассмотренных слов не совпадают с деривационными. Пожалуй, самую высокую степень идиоматичности мы наблюдаем в случаях, когда слова данной модели используются как наименования людей, а не предметов. Так, *подоконниками* раньше называли нищих, которые собирали подаяние под окнами. Морфемная структура слова указывает на место по отношению к предмету, названному производящей основой – «окну». Лексическое значение невозможно вывести путем анализа его словообразовательной модели, поскольку словообразовательное и лексическое значения не совпадают. Семный анализ слов, образованных по одной модели, даёт возможность показать «дистанцию», которая отделяет первое значение от второго.

Другим примером использования анализируемой модели по отношению к одушевлённому существительному является существительное *подводник.* В отличие от слова *подоконник,* это стилистически нейтральное

общеупотребительное слово. Как указывалось ранее, на основе компонентов (образующих слово морфем) нельзя предположить, обозначает ли слово человека, служащего на флоте, или оно именует специалиста в сфере водолазных работ. Префикс и суффикс указывают лишь на некий предмет под водой, но остается неизвестным актуальное, то есть реально использующееся в актах коммуникации, значение слова. Возникает вопрос, ответ на который очень важен, к примеру, для иностранцев, изучающих русский язык: возможно ли понять лексическое значение русского производного слова, ориентируясь исключительно на его морфемный состав?

Проведенный нами анализ подтвердил, что лексическое значение производного слова не является простой суммой значений его морфем. Это свойство называется **идиоматичностью**, или **фразеологичностью**. В основе термина лежит реальное сходство семантики производного слова и фразеологизма. Слово ведёт себя как фразеологизм – единица, актуальный смысл которой, как правило, не выводится напрямую из его составляющих частей. «Фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний, обладающий целостным (реже – частично целостным) значением и сочетающийся со словами свободного употребления: *ни к селу ни к городу, ни рыба ни мясо*» [Жуков, 1987: 3]. Фразеологизм наделён целым рядом значимых признаков: устойчивостью, воспроизводимостью и одним из более существенных – идиоматичностью. Согласно В.П. Жукову, «Идиоматичность – это смысловая неразложимость фразеологизма вообще» [Жуков, 1986: 6]. В свою очередь «взаимодействие свободного словосочетания с переосмысленным на его основе фразеологизмом» – внутренняя форма фразеологизма [там же; с. 13]. Важно отметить, что «образ, лежащий в основе такого фразеологизма, предсказывает объект обозначения, т.е. несет своеобразную указательную функцию, иначе нельзя было бы говорить о мотивированности целостного значения» [там же; с. 14].

Словообразовательное значение, задаваемое морфемной структурой, служит лишь основой для наименования. Реальное лексическое значение

формируется потребностями коммуникации и экстралингвистическими факторами. Внутренняя форма слова является отправной точкой для понимания, но часто не совпадает с актуальным значением. Анализ слов модели «под-...-ник» наглядно это демонстрирует. Значение слова «подводник» не сводится к понятию «находящийся под водой», а обозначает конкретную профессию. Семантика слова «подснежник» шире его буквального толкования как предмета, находящегося под снегом. Наибольшая степень идиоматичности наблюдается у слов, обозначающих одушевленные предметы, особенно в переносных значениях. Лексическое значение слова «подоконник» в значении «нищий» полностью идиоматично.

Сравнение с английскими эквивалентами подтверждает универсальность исследуемого явления. Разные языки используют различные словообразовательные модели для номинации. Однако результат всегда один – лексическое значение конкретнее, шире по объему и «богаче» суммы значений морфем. Таким образом, словообразование представляет собой творческий процесс рождения новой лексической семантики на основе базовых, обусловленных словообразовательной структурой, деривационных значений.

Источники

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В.П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987. 448 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Обратный словарь русского языка / Гл. ред. М.В. Лазова. М.: «Советская энциклопедия», 1974. 944 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М., 1997. 3322 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. И доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Шевелева М.С. Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. М., «Сов. Энциклопедия», 1974. 944 с.

Soukhanov Anne H. The American Heritage Dictionary of the English Language. 1992. 8643 с.

Литература

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 421 с.

Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 410 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

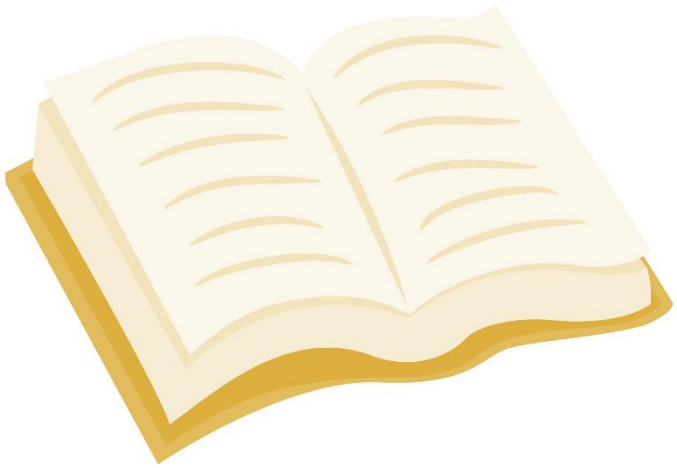
Камчатнов А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова / Русский филологический вестник, 1998, № 1/2. С.1–6.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.

Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. 98 с.

Раздел III. Столкновение культур: слово в сравнении, сопоставлении и переводе

Л.П. Бригаденко (Россия, Москва)

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
1 курс, магистратура
Научный руководитель: ***А.П. Вяльсова***

ПЕРЕДАЧА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО СУБСТАНТИВИРОВАННОГО ИНФИНИТИВА В ДРЕВНЕРУССКОЙ «ПЧЕЛЕ»

Исследование посвящено анализу способов передачи древнегреческих субстантивированных инфинитивов в древнерусском переводе «Пчелы». В ходе исследования были рассмотрены субстантивированные древнегреческие инфинитивы разных залогов и проанализированы способы передачи указанных форм средствами славянского языка. В результате исследования было выявлено три типа перевода древнегреческих инфинитивных субстантиватов: смысловой перевод отглагольным существительным, перевод инфинитивного субстантивата с сохранением глагольных особенностей (употребление личных форм глагола; причастий) и перевод инфинитивом.

Ключевые слова: субстантивация, инфинитив, залог, перевод, древнерусская «Пчела».

При переводе текстов каждый переводчик сталкивается с проблемой передачи особых конструкций, которые отсутствуют в его языке. Данная работа посвящена вопросу способов передачи древнегреческого субстантивированного инфинитива средствами древнерусского языка на примере материала сборника гномических изречений «Пчела». Сборник изречений «Пчела» является значимым памятником древнерусской литературы, заметно повлиявшим на развитие письменной культуры Древней Руси и Балкан. Сборник византийского происхождения, он предположительно был составлен в IX веке Антонием Мелиссой. Текст «Пчелы» был переведен на русский не позднее XII–XIII вв., что способствовало ее популяризации на протяжении следующих столетий [Словарь книжников, 1987: 384]. Сборник использует разнообразные литературные формы, такие как притчи, афоризмы и исторические анекдоты, включает различные материалы: изречения из Священного Писания; из святоотеческих текстов; мудрые советы античных философов. Исходя из содержания, можно говорить о том, что «Пчела» – это ненарративное произведение, относящееся к памятникам гномической литературы, то есть за некоторыми исключениями сборник лишен сюжета, а большая часть текста строится на разрозненных высказываниях, объединенных общей темой: о молитве, о кротости, о мудрости и др. Отвлеченное содержание изречений, их смысл, который обращен к каждому

человеку, выражаются специальными языковыми средствами, связанными с понятием отвлеченности, абстрактности. Данный характер памятника обусловил определенные языковые черты, свойственные другим памятникам ненарративного характера, в частности распространенность в «Пчеле» субстантиватов различных типов – прилагательных, причастий, инфинитивов.

Субстантивацией мы можем называть тип транспозиционного безафиксного словообразования, при котором слово любой части речи переходит в класс имен существительных и употребляется в функции существительного.

По своему характеру субстантивация – сложное явление: оно оказывается на пересечении различных разделов языка – лексикологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, в связи с чем нет и терминологического единства: переход слов из одной части речи в другую может определяться как *деривация, конверсия, транспозиция, транскатегоризация, трансформация, субституция*. В рамках данной работы мы будем пользоваться термином *субстантивация,* понимая его как «перевод слова или основы слова» любой части речи, преимущественно прилагательных и причастий, в категорию существительного и его употребление в функции существительного [Русская грамматика, 1980: 238].

Субстантивация представляет некоторые трудности в определении характера изменения производного слова. Так, грамматическая субстантивация адъективного склонения состоит в изменении категорий рода, числа и падежа из зависимых в самостоятельные и приобретении этими словами категории одушевленности / неодушевленности. Слова других типов (глаголы, наречия, междометия, служебные части речи) субстантивируются в форме среднего рода единственного числа и обычно не приобретают способности изменяться по падежам и числам.

Семантическая сторона субстантивации состоит в удовлетворении потребности человека в выражении мысли имеющимися языковыми средствами, без создания единиц с новым морфемным составом. Значении семантики субстантивации можно выразить определением В.А. Гречко: семантическая

сторона субстантивации – это «перевод явно выраженных признаков в чисто внутреннее, идеальное существование при сокращенном знаке» [Гречко, 1998: 136].

При субстантивации транспонируемое слово *семантическими* признаками приближается к словам субстантивного класса, сохраняя при этом морфемный состав исходной части речи. Изменение категориальной семантики слова и усложнение семантической структуры являются неотъемлемыми условиями субстантивации.

Говоря о субстантивации в рамках диахронии, следует отметить, что исследователи выделили употребление субстантиватов под влиянием древнегреческого языка одной из важных черт старославянского и церковнославянского языков. В отличие от современного языка в древних языках еще наблюдается синкретизм в области частей речи, и поэтому часто трудно установить, является ли слово субстантиватом или это отдельное существительное.

Большинство исследований касаются субстантивации форм прилагательных и причастий. Но субстантивированный инфинитив не менее важный компонент синтаксиса древних (переводных) текстов. Поэтому одной из задач современных исследований является задача выявить переводческие техники древнегреческого инфинитива на язык письменности Древней Руси.

Одной из ключевых проблем перевода субстантивированного инфинитива с древнегреческого на древнерусский язык является то, что в древнерусском языке нет аналогичной формы и писцу приходится искать аналогичную, более или менее соответствующую конструкцию.

В древнегреческом языке в процессе субстантивации огромную роль играет постоянное наличие артикля. Обычно перед инфинитивом стоит артикль среднего рода единственного числа (инфинитив воспринимается как абстрактное отглагольное существительное среднего рода), а его падеж определяется функцией инфинитива в предложении: если инфинитив – подлежащее, артикль

стоит в именительном падеже (τὸ βάλλειν), если инфинитив – объект предлога, требующего дательного падежа, артикль стоит в дательном падеже (τῷ βάλλειν).

По мнению Эмиля Черного, уникальность субстантивированного инфинитива заключается в том, что «подобно причастию, по своему глагольному характеру, он как один, так и с членом, способен означать не только вид и залог, как русское неопределенное наклонение, но и время…» [Черный, 1888: 204].

Так как инфинитив – это отглагольное имя действия, он может выполнять все функции имени существительного. Обычно этот инфинитив можно перевести с помощью инфинитива, но иногда такой перевод выглядит несколько некорректно, поэтому его заменяют однокоренными существительными (например, «умереть» – «смерть») [Маунс, 2011: 344].

Для перевода субстантивированного инфинитива в древнерусской «Пчеле» переводчик мог находить несколько способов передачи.

Первый тип перевода древнегреческого субстантивированного инфинитива можно назвать смысловым, поскольку выбирается близкая по смыслу форма отглагольного существительного. Этот способ следует признать наиболее частотным способом перевода. При этом, поскольку отглагольное существительное древнерусского языка способно изменяться, писец может выбрать разные падежи.

Именительный падеж, единственное число:

(1) *Хочеши ли вѣдати, колико зло ѥсть* ***гнѣвъ****; Βουλει μαθειν ποσον* ***το οργιζεσθαι*** *κακον*[1].

Родительный падеж, единственное число:

(2) *Да не оубоимъся соудьи не ѿвращающа* ***иманьꙗ****. Μη φοβηθωμενον δικαστην ουκ αρνουμενον* ***τὸ λαβεῖν****.*

Дательный падеж, единственное число:

[1] Здесь и далее цитируется по: «Пчела»: Древнерусский перевод / Том I / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. А. М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 с.

(3) ...зане родили соуть и небывъшаѧ къ ***бытью*** *приведоша и ѩкоже бъ҃ къ твари, такоже и родители къ чадомъ… ...και τα μη οντα εις* ***τὸ εἶναι*** *παρηγαγον.*

Винительный падеж, единственное число:

(4) *Иже свое бг҃атьство блоудно испортѧть безоума, ти* ***добрословьє*** *своє възвратѧть на злословиє. Τους τον ιδιον δαπανωντ<α>ς αλογιστως βιον* ***το καλως ακουειν*** *ταχυ ποιει πασι κακως.*

Творительный падеж, единственное число:

(5) *...ѩко* ***неизлишеньємъ*** *комоу боудеть животъ. ...οτι ουκ* ***ἐν τῷ περισσεύειν*** *τινι η ζωη αυτῷ εστιν εκ των υπαρχοντων αυτῷ.*

Второй тип перевода – это приближение к *калькированию,* при котором субстантивированный инфинитив переводится инфинитивом:

(6) *...и съ славными любовь, телесныѧ похоти и тъщеславие* ***любити****. ...****τῷ αγαπῆσαι*** *και σαρκικης ομιλιας και ματαιολογιας.*

(7) ***Деръзноути*** *(и) простии могоуть многажᵈы…* ***Τὸ*** *μεν απλως* ***παρρησιάζεσθαι*** *και των τυχοντων πολλακις εστι…*

Интересно отметить, что в славянском переводе к инфинитиву может быть добавлен предлог, например, **против**а:

(8) *Христїаноᵐ подобно бл҃гочᶜтьє ѥсть, иже чᶜтити родивъшиˣ и* ***въздаѧти против*****а** *троуда родителемъ и всею силою приносити… ...****τὸ*** *τους πονους* ***ἀμείψασθαι*** *των φυντων….*

Третий тип передачи субстантивированного инфинитива – перевод другой глагольной или отглагольной формой с сохранением глагольных категорий (употребление личных форм глагола; причастий).

1. Перевод различными формами причастий.

Причастие настоящего времени, действительный залог, единственное число, мужской род, именительный падеж:

(9) Аще бо и ты сѧ падеши ***въставлѧѧ лаю против*****а***, кто вы wставить; Αν δε και σαυτον καταρριψης* ***διὰ τοῦ ἀνθυβρίσαι****, τι<ς>υμας αναστησει λοιπον.*

Причастие прошедшего времени, страдательный залог, множественное число, средний род, винительный падеж:

(10) *...и стѧжанига* ***w҃ѭата*** *можеть wпѭать* ***добыти…*** *Και των μεν χρηματων* ***τὴν ζημίαν διορθοῦσθαι*** *παλιν ενι….*

Причастие настоящего времени, действительный залог, множественное число, мужской род, именительный падеж в значении существительного:

(11) ...да тѣмъ противнымъ wдалѣють также ***хоулѧче*** *себе на соупостаты стрѣлы пѵщають. Ουτω τινες πολλακις* ***τῷ ψέγειν*** *εαυτους εις το θαυμαζειν τους πλησιον υπορρεουσι.*

2. Перевод субстантивированного инфинитива различными личными формами глагола.

Глагол настоящего времени, единственное число, 3 лицо:

(12) *Оумникъ не* ***вѣсть*** *иже чага блг*$^{\partial}$*ти. Φρονησεως και* ***τὸ εἰδέναι****, τινος η χαρις.*

Глагол настоящего/простого будущего времени, единственное число, 3 лицо:

(13) *...то кротьчѣише соуть ащели кто сѫгрѣшивъ и* ***дастьсѧ*** *обличьнии…* ***Το δ' ἑαυτὸν*** *αμαρτοντα* ***παρέχειν*** *τοις ελεγχουσιν…*

Кроме того, субстантивированный инфинитив может переводиться глагольной формой в сослагательном наклонении.

Сослагательное наклонение, единственное число, 2 лицо в значении долженствования:

(14) *Тъснисѧ всегда,* ***да бы*** *не* ***изреклъ*** *еже не достоино wтиноу*$^{\partial}$ *бо ѥсть не наказанъ… Πολλην επιμελειαν ποιεισθαι [χρη]* ***περὶ τοῦ*** *μη* ***λέγειν*** *α μη δει.*

Множественное число, 2 лицо в значении долженствования:

(15) *Облецѣтесѧ въ wроужиѥ бж҃иѥ,* ***да бысте могли*** *стати противa хоудожьства дьѭволѧ… Ενδυσασθε την πανοπλιαν Θεου* ***πρὸς τὸ δύνασθαι*** *υμας στηναι προς τας μεθοδειας του διαβολου.*

Сопоставление перевода с оригиналом помогло выявить и представить основные переводческие техники, обнаруживающиеся в «Пчеле». Перевод «Пчелы» на древнерусский язык в части субстантивов не был простым переложением, видно, что писец, наряду с последовательным и точным калькированием, искал смысловое соответствие оригиналу.

В тех случаях, когда в греческом оригинале стоял глагол с особым управлением или инфинитивная конструкция, не характерная для славянских языков, переводчик искал альтернативно грамматическую замену: менял падеж, заменял слово предложно-падежным сочетанием.

Передача конструкций с инфинитивом требовала от писца больше искусства, чем при переводе других форм, поскольку субстантивированный инфинитив отсутствует в древнерусском языке, и писцу надо было найти семантико-грамматическое соответствие в языке.

При исследовании перевода особая концентрация внимания исследователя попадает именно на формы инфинитива, так как подобная конструкция не аналогична в русском языке.

Источники

«Пчела»: Древнерусский перевод / Том I / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 с.

«Пчела»: Древнерусский перевод / Том II / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 640 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. 493 с.

Литература

Греческий синтаксис гимназического курса, изложенный сравнительно с русским и латинским / Сост. Э. Черный. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Изд. кн. Маг. В. Думнова, 1888. XII. 346 с.

Гречко В.А. Теория языкознания. Ч. 2. Н. Новгород, 1998. 375 с.

Уильям Д.Маунс. Основы библейского греческого языка: Базовый курс грамматики. [Пер. с англ. И.А. Кумпяк, П.Б. Тогобицкий]. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2011. 471 с.

Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (главный редактор). М.: Наука, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.

Д.С. Голованова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
5 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***М.С. Баликова***

М.А. БУЛГАКОВ И Г. УЭЛЛС: ПАРАЛЛЕЛИ, СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ

В истории литературоведения уже поднимался вопрос о сходстве произведений М.А. Булгакова «Собачье сердце» и Г. Уэллса «Остров доктора Моро». В докладе рассматриваются ключевые персонажи произведений – профессор Преображенский и доктор Моро, проводится их сравнительно-сопоставительный анализ, в рамках которого рассматриваются: психологические портреты героев, факты биографии, взаимоотношения с другими персонажами. В работе показано, что, несмотря на сюжетное и тематическое сходство произведений, их центральные персонажи всё же имеют больше различий, чем сходств.

Ключевые слова: научная фантастика, сатира, различие, «Собачье сердце», «Остров доктора Моро».

На волне научно-технического прогресса, открытий и новых технологий, о которых раньше нельзя было помыслить, в XIX веке в зарубежной литературе появляется новое направление – научная фантастика. Это одна из основных разновидностей фантастической литературы, вбирающая в себя различные прозаические жанры и основанная на рациональных гипотезах в области науки и техники. В зарубежной литературе одним из ярчайших представителей данного направления является Герберт Уэллс, а в России – Михаил Афанасьевич Булгаков.

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) – британский писатель, публицист и ученый, доктор биологии, один из основоположников научной фантастики. В 1895 году вышел его первый роман «Машина времени», который принес ему известность. Он трижды посещал Россию, встречался с Лениным и Сталиным, а впечатления от поездок отразил в очерках «Россия во мгле». Эти визиты и само творчество не могли не повлиять на русских писателей. В 1922 г. Е.И. Замятин посвятил Г. Уэллсу брошюру, в которой продемонстрировал знание творчества английского писателя. И. Ильф и Е. Петров, вдохновившись «Человеком-невидимкой», написали повесть о невидимке «Светлая личность». Многие коллеги М.А. Булгакова по редакции «Гудка» были увлечены работами Г. Уэллса. Не удивительно, что этого влияния не смог избежать и автор «Собачьего сердца».

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) – русский писатель, драматург и режиссер, один из ключевых авторов первой половины XX века. Его творчество сочетает сатиру, философские размышления и элементы фантастики, а произведения стали классикой русской литературы. Творческий путь М.А. Булгакова начался в 1920–х гг., когда он решил полностью посвятить себя литературе. В его творчестве затрагиваются темы нравственного выбора, противостояния добра и зла, судьбы России в эпоху революционных перемен, а стиль характеризуется синтезом сатиры, психологизма и философского подтекста, о чем упоминала Татьяна Дроздова в работе «Литературный контекст творчества М. Булгакова 1920–х гг.».

Вопрос о сходстве произведений Г. Уэллса и М.А. Булгакова уже поднимался ранее в статье Н.В. Голубович «Художественные модели реальности в прозе М. Булгакова 1920–х гг. и принципы их создания», но там лишь объяснялись причины обращения русского автора к текстам Г. Уэллса, а конкретные моменты не рассматривались. К сопоставлению отдельных произведений Булгакова и Уэльса обращались: В.Б. Шкловский в работе «Гамбургский счёт» (он отмечал сходство «Роковых яиц» с «Пищей богов»: «*Возьмем один из типичных рассказов Михаила Булгакова "Роковые яйца". Как это сделано? Это сделано из Уэллса*» [Шкловский, 1990: 300]) и Е.С. Манченко в работе «Булгаков и Г. Уэллс: аспекты сопоставительного изучения» (здесь объектом рассмотрения стало сходство «Собачьего сердца» и «Острова доктора Моро». Однако в этих работах внимание было направлено только на сходство произведений, цель же данного исследования – проанализировать повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» и роман Г. Уэльса «Остров доктора Моро» и выявить, в первую очередь, различия и параллели, а также объяснить причины их возникновения.

Несмотря на разное время создания и принадлежность к разным культурам, сходство этих произведений несомненно. В центре сюжета обоих произведений – доктор, решивший провести эксперимент по превращению животного в

человека. Также отметим сходство ключевых персонажей исследуемых произведений – доктора Моро и профессора Преображенского.

Доктор Моро проводит свои эксперименты на необитаемом острове, который в результате его деятельности постепенно заселяется «звероподобными людьми». *«Кажется, они следуют наставлениям обучавшего их проповедника-полинезийца и устроили жалкое подобие разумной жизни. Бедные твари! У них есть то, что они называют Законом. Они поют гимны, в которых говорится, будто всё принадлежит мне, их творцу»*, – рассказывает Моро Прендику, главному герою произведения [Уэллс, 2024: 96]. Получается, остров Моро – это отдельное «государство», где действуют свои правила и где всё подчинено создателю, т.е. самому доктору. В «Собачьем сердце» действие разворачивается в реальном пространстве, в основном в многокомнатной «роскошной» квартире Преображенского, где профессор тоже устанавливает правила, которые никому не позволяет нарушать. К примеру, он защищает право сохранить за собою все семь комнат, потому что каждая предназначена для определенных целей и отсутствие хотя бы одной нарушит порядок: *«В спальне принимать пищу, – заговорил он слегка придушенным голосом, – в смотровой читать, в приемной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. Но я не Айседора Дункан!.. – вдруг рявкнул он и багровость его стала желтой. – Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной!»* [Булгаков, 2023: 56]. Преображенский и Шарикова стремится приучить жить, подчиняясь тем устоям и правилам, которых придерживается сам. Он в своей квартире такой же творец, как и Моро на своем острове.

В чем же ключевые различия между произведениями? Во-первых, тексты имеют неодинаковую жанровую природу и не совпадают по своей идейно-философской направленности. Роман Уэллса – это научная фантастика, где автор выражает протест против экспериментов над животными, а повесть М.А. Булгакова – это сатира, обличение государственного режима и стремления

человека соперничать с природой. Сюжет «Острова доктора Моро» сосредоточен на столкновении главного героя с чудовищными и безумными экспериментами над животными. «Собачье сердце» же, помимо истории Шарикова, имеет еще одну важную сюжетную линию: противостояние профессора Преображенского новой власти. Через эту линию М.А. Булгаков и проводит сатирическое изображение государства. Такое различие понятно. Для романа Г. Уэллса, жившего в Великобритании, где вопрос о запрете вивисекции стоял довольно остро, именно он стал ключевым (о восстании общественного мнения против подобных исследования упоминает и герой романа Пендрик). М.А. Булгаков, хоть и обращается к той же теме, не воспринимает её как ключевую, осмысляя в первую очередь масштабные общественно-политические и исторические события в России, коренные изменения в государственном устройстве и политике, к которым привела Октябрьская революция 1917 года, а также саму идею революционного пересоздания человека и мира.

С точки зрения рассмотрения системы персонажей в произведениях Уэллса и Булгакова тоже есть различия. Первое – фамилии героев. Моро – распространенная в Европе фамилия, образованная, по одной из версий через нем. *Maure* из латинского слова *maurus*, то есть мавр. [Фасмер, 1986: 554]. Вопрос о том, насколько эта фамилия отражает «варварские» черты характера персонажа Уэллса или выступает знаком разоблачительного отношения писателя к деятельности своего героя, мог бы, вероятно, составить тему отдельного исследования. А вот в повести Булгакова фамилия профессора определенно является говорящей. «Преображенский» образовано от существительного «преображение», то есть изменение внешней или внутренней формы. В этом и заключается деятельность главного героя: он омолаживает людей, то есть преображает их, и его эксперимент над Шариком – тоже попытка преображения. Также возможно проведение аналогии с праздником Преображения Христа: *«Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить»* (Мк. 9:2). Преображенский, как врач, всегда носит белый халат. Он пытается встать на место Бога, занимаясь омоложением и

другими экспериментами. Но Бог Создатель. Филипп Филиппович же ничего не создает, а только видоизменяет, *преображает* то, что уже дано Богом.

Перейдем к следующему пункту и обратим внимание на ассистентов центральных персонажей. На первый взгляд, наличие у них помощников (у Моро – Монтгомери, у Преображенского – Борменталь), «сближает» героев. Однако взаимоотношения между главными и второстепенными персонажами и психологические портреты последних различаются. Борменталь выступает и ассистентом Преображенского, и его учеником, причем Филипп Филиппович передает молодому доктору не только и не столько профессиональные навыки, сколько свое мировоззрение и нравственные убеждения, с которыми Борменталь соглашается. Монтгомери же хоть и помогает Моро в экспериментах, но придерживается совершенно иного мировоззрения. Так, Моро не волнует судьба животных: «*Во мне они вызывают только чувство неудовлетворенности*», – признается он, а Монтгомери «*жалеет эти создания*» и испытывает к ним душевную привязанность [Уэллс, 2024: 96].

Жизненные пути главных персонажей тоже указывают в большей степени на их различия. От Прендика мы узнаем, что когда-то Моро «*был выдающийся ученый-физиолог*» [Уэллс, 2024: 39], которому пришлось со скандалом покинуть Англию из-за разоблачения его чудовищной экспериментаторской деятельности, впоследствии продолженной на острове. Преображенский является представителем интеллигенции, хранителем извечных нравственных норм, врачом, который, занимаясь омоложением пациентов, заботится об улучшении человеческой природы и с этой целью отваживается на фантастический опыт – превратить собаку в человека. Явственно прослеживается разница в характерах двух героев. Моро – человек фанатичный и жестокий, готовый на всё ради достижения своей цели – превращения животного в разумного человека – и использующий для этого безжалостные методы. Преображенский, напротив, рассудителен и добр, что отражается в его гуманистическом подходе ко всему живому: он не приемлет насилия, заявляя, что добиваться результата нужно только лаской. «*Лаской-с. Единственным способом, который возможен в*

обращении с живым существом. Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный и даже коричневый! Террор совершенно парализует нервную систему» [Булгаков, 2023: 71]. Здесь ещё раз считывается отношение М.А. Булгакова к новому государственному режиму, в котором ни о какой «ласке» речи не шло. Методы их работы тоже кардинально различны: Моро не жалеет никого, наоборот, он с помощью боли хочет «*выбить всё животное*» [Уэллс, 2024: 95]. Преображенский же проводит операцию для пса безболезненно.

Из-за разницы в характерах и судьба у героев очень разная. Моро погибает от рук чудовищ, которых создал сам. Они жестоки к нему так же, как он к ним. Преображенский, понимая, что опыт не удался, решает вернуть всё обратно, оперирует Шарикова и оставляет собаку жить у себя. Здесь возникает мысль, что именно сострадательное и гуманное отношение к живым существам «спасает» героя. М.А. Булгаков не осуждает Преображенского, в отличие от Г. Уэллса, осуждающего Моро. Да, профессор допустил крупную ошибку, но он исправляет ее, сознавая колоссальную ответственность за свои решения и поступки и делая выводы из случившегося. Моро выводов не сделал, для него неудачная попытка оказалась всего лишь первой, одной из многочисленных.

Подводя итоги, скажем, что хоть текст «Собачьего сердца» и несет в себе идею, которая перекликается с идеей романа «Остров Доктора Моро», но всё же писатели находят несхожие одно с другим творческие решения. М.А. Булгаков создает Преображенского как полярно отличающегося от Моро, и в итоге получается две версии, иллюстрирующие пути, которыми люди могут менять жизнь вокруг себя. «Злой» доктор Моро – желание побороть природу, установить новую власть с помощью насилия – отражение революции, и «добрый» профессор Преображенский, показывающий, что не стоит брать на себя то, что неподвластно – путь постепенных изменений, путь эволюции – единственный, позволяющий сохранять человечность.

Источники

Булгаков М.А. Собачье сердце: [сборник] / Михаил Афанасьевич Булгаков. Москва: Издательство АСТ, 2023. 352 с.

Уэллс Г. Остров доктора Моро. Первые люди на Луне: [романы] / Герберт Уэллс; Москва: Издательство АСТ, 2024. 416 с.

Литература

Голубович А.Н. Художественные модели реальности в прозе М. Булгакова 1920–х гг. и принципы их создания // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 4. С. 37–44.

Дроздова Т. Литературный контекст творчества М. Булгакова 1920–х гг. («Собачье сердце» и творчество Г. Уэллса). Тарту, 2020. 41 с.

Майленова Ф.Г. Возможности генной инженерии: фантастика и реальность // Институт философии РАН. Горизонты гуманитарного знания. 2019. 15 с.

Манченко Е.С. Булгаков и Г. Уэллс: аспекты сопоставительного изучения // Гуманитарные исследования. 2011. № 2 (38). С. 150–155.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2–е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Чекалов К.А. Н.ф. в литературе // Большая российская энциклопедия 2004–2017. Научная фантастика. 3 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. 544 с.

М.С. Гришкина, А.Д. Скорбенко (Россия, Москва)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Н.Ю. Нелюбова***

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА РОК-ОПЕРЫ «MOZART L'OPERA ROCK» С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье определяются особенности поэтического перевода на материале перевода либретто рок-оперы «Mozart l'opéra rock» с французского языка на русский с помощью искусственного интеллекта. Сравниваются переводы отрывков, выполненных человеком и искусственным интеллектом с точки зрения выявления их преимуществ и недостатков.

Ключевые слова: поэтический перевод, искусственный интеллект, перевод либретто мюзикла, проблемы перевода, французский язык.

В настоящее время мюзиклы приобретают все большую популярность по всему миру, в том числе в России. Многие спектакли производятся и ставятся на русском языке, однако наиболее знаменитыми все еще остаются англо- и франкоязычные произведения. Данный факт обосновывает востребованность исследования проблематики перевода и адаптации иностранных мюзиклов для русскоязычной аудитории, что, учитывая возрастающий интерес к жанру, становится все более объемной и сложной задачей для переводчиков. Объектом нашего исследования стала рок-опера «Mozart l'opéra rock». Стоит упомянуть, что рассматриваемый мюзикл ранее исследовался только с точки зрения музыковедения [Нискогуз, 2021: 170; Хватик, 2021: 172] и имеет лишь непрофессиональный перевод для субтитров, которого может быть достаточно для понимания сюжета, но не хватает для полной передачи зрительского опыта.

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей поэтического перевода рок-оперы «Mozart l'Opéra Rock» с помощью искусственного интеллекта. В задачи входит выявление особенностей исторического контекста, анализ переведенного искусственным интеллектом текста либретто рок-оперы на предмет соответствия оригинальной рифме, музыкальной дорожке и мизансцене, выполнение авторского поэтического перевода с учетом ошибок искусственного интеллекта.

Перевод мюзикла необходимо в первую очередь рассматривать как вид поэтического перевода, обладающего своей спецификой. Переводчики или стремятся сохранить смысл произведения, при этом значительно отступая от оригинала, или, наоборот, фокусируются на сохранении синтаксиса и грамматики оригинала, теряя смысловые нюансы. Естественно, для создания наиболее эквивалентного текста стоит учитывать все указанные аспекты, а также сохранять общий стиль, «настроение» текста. Иными словами, «перевод должен вызывать у читателей то же стилистическое впечатление, какое испытывают читатели подлинника» [Чуковский, 2022: 211].

В контексте перевода мюзикла следует принимать во внимание специфику аудиовизуального перевода, в частности необходимость сохранения опыта зрителя, который строится на совокупности визуальной и аудиальной составляющей [Маленова, 2017: 37]. Соблюдение указанных выше условий представляет меньшее затруднение при работе с прозой, где переводчик лишь формально ограничен в размере и виде текста, а также может позволить себе некоторые уточнения и сноски. В поэзии, особенно при ее последующем наложении на музыку, смысл произведения со всеми тонкостями должен четко укладываться в форму, сохраняя при этом стройность и благозвучность [Трофимцева, 2023: 57].

Стоит также отметить, что особенность мюзикла как произведения, сочетающего в себе драматическое, хореографическое и музыкальное искусство, состоит в том, что все диалоги и сюжет в целом передаются в песне. Это обстоятельство накладывает на переводчика дополнительные ограничения, обусловленные необходимостью сохранения не только смысловой, но и ритмико-мелодической, а также стилистической целостности оригинального поэтического текста. Так как «при восприятии музыкальной речи происходит неосознаваемое усвоение смысла, вносимого элементами музыкального языка» [Поляков, 1978: 174], все языковые средства, используемые при передаче текста либретто с исходного языка на язык перевода, должны быть направлены на передачу общего смысла и обеспечение наиболее эквивалентного перевода.

Прежде чем приступить к переводу любого художественного произведения, необходимо провести предпереводческий анализ и определить, какие знания необходимы переводчику для создания наиболее эквивалентного и адекватного перевода. В данном случае можно говорить о сюжете рок-оперы и исторических реалиях отображаемой эпохи. В рассматриваемом нами мюзикле отражена вторая половина Жизни Вольфганга Амадея Моцарта, с момента отъезда из родного города Зальцбурга и до самой смерти, то есть представлена эпоха конца XVIII века в Германии. Основными сюжетными линиями являются творческие искания молодого композитора, отношения Вольфганга с отцом, Леопольдом Моцартом, и соперничество с Антонио Сальери. Переводчику необходимо иметь представление о данном историческом периоде и о биографии прототипов главных героев для избежания фактических ошибок. Стоит также подчеркнуть, что образы персонажей и представление об их отношениях также формируются исходя из музыкальной составляющей рок-оперы, и, соответственно, для сохранения опыта зрителя при переводе произведения важно оставить данные образы целостными и передать их с помощью адекватных языковых средств.

В данной статье проанализированы переводы двух отрывков рок-оперы «Mozart l’opéra rock» с французского языка на русский, выполненные китайской нейросетью DeepSeek и французской нейросетью Mistral. Также авторами статьи предложен вариант перевода, в котором не только сохранена рифма, но и учтены ошибки искусственного интеллекта, не позволяющие использовать без доработки перевод нейросети для дальнейшей озвучки рок-оперы.

Первая песня, отрывок которой представлен для анализа, называется *J'accuse mon père*. Данная песня является важной для развития сюжета рок-оперы, поскольку отражает важный жизненный поворот в жизни композитора: его знакомство с Алоизией Вебер, ради которой Моцарт готов отказаться от своих планов и целей. Песня составлена по принципу письма: это обращение Леопольда Моцарта к сыну, в котором он отговаривает композитора от совершения возможных ошибок, которые могут стоить ему карьеры. В конечном

счете Моцарт следует совету отца и уезжает из Вены в Париж. С этим связано и название песни *J'accuse mon père*, которое обеими нейросетями было дословно переведено как «Я обвиняю отца», что соответствует ее смыслу. Также название песни может быть переведено как «Во всём вина отца»: в таком случае изменена изначальная форма, что допустимо при переводе песен, и сохранен изначально заложенный автором смысл песни.

Что касается перевода отрывка в целом, необходимо отметить, что ни DeepSeek, ни Mistral не учли разницы в длине высказываний на французском и русском языках и предложили поэтический перевод, который проблематично наложить на музыку: фразы на русском языке длиннее и содержат больше слогов, чем французские, что вызывает необходимость произносить строчки быстрее по сравнению с оригинальной песней, приводя к изменению ритма и, следовательно, настроения сцены в целом. Так, первые две строфы *Tourne la terre comme les hommes, nous sommes la somme des erreurs de nos pères* на французском языке содержат 18 слогов, в то время как перевод от DeepSeek «Вращается земля, как смены поколений, мы – сумма всех ошибок наших отцов» содержит 24 слога, перевод от Mistral «Кружит земля, как кружат люди, мы – ошибок отцовских сумма» содержит необходимые 18 слогов, но строки (см. таблицу 1) не рифмуются между собой и с последующими фразами. На наш взгляд, эти строфы можно перевести следующим образом: «И снова вертится земля: ошибки отцов повторяют их сыновья» – таким образом в более лаконичной формулировке будет выражена идея смены поколений и совершения людьми одних и тех же ошибок.

Во второй части четверостишия используется библейская метафора: *On mord toujours la même pomme, le serpent danse alors que l'on s'enferme*, которую обе нейросети распознают, но тем не менее снова предлагают громоздкие варианты, содержащие 26 и 20 слогов: DeepSeek – «Мы кусаем всё то же яблоко искушений, и змей пляшет, пока мы в плену оков», Mistral – «Вновь откусим тот же запретный плод, а змей пляшет, пока мы в тюрьме». Отметим, что в переводе от DeepSeek сохранена рифма, в то время как перевод от Mistral более лаконичен, но в нем рифма не сохранена. Мы предлагаем перевести эти строфы следующим образом:

«Вкушаем мы запретный плод, на счастье дьяволу, что нас ждет». Лексическая единица «вкушаем» является частью библеизма «вкушать запретный плод», поэтому именно такой вариант нам кажется наиболее адекватным. Что касается строчки *Le serpent danse alors que l'on s'enferme*, слово *le serpent* авторами статьи было метонимически переведено как «дьявол», что также вписывается в контекст перевода. Ниже представлена таблица с некоторыми примерами из песни *J'accuse mon père*, вариантами перевода нейросетями Deepseek и Mistral, а также вариантами перевода, предложенными авторами статьи (табл. 1).

Оригинал	**Deepseek**	**Mistral**	**Предлагаемый вариант**
«J'accuse mon père»	**«Я обвиняю отца»**	**«Я обвиняю отца»**	**«Во всём вина отца»**
Tourne la terre comme les hommes	Вращается земля, как смены поколений,	Кружит земля, как кружат люди,	И снова вертится земля:
Nous sommes la somme des erreurs de nos pères	Мы – сумма всех ошибок наших отцов.	Мы – ошибок отцовских сумма.	Повторяют ошибки отцов их сыновья.
On mord toujours la même pomme	Мы кусаем всё то же яблоко искушений,	Вновь откусим тот же запретный плод,	Вкушаем мы запретный плод
Le serpent danse alors que l'on s'enferme	И змей пляшет, пока мы в плену оков.	А змей пляшет, пока мы в тюрьме.	На счастье дьяволу, что нас ждёт.
Tourne la terre autour des hommes	Вращается земля вокруг людей и времени,	Кружит земля вокруг людей,	Вокруг нас вертится земля;
Il faut défaire ce que nous sommes	Мы должны разрушить то, чем стали,	Надо сломать то, что мы есть,	Пора менять самих себя:
En embrassant nos pères.	Обняв наконец своих отцов в прощальной сцене.	Обняв своих отцов.	Обняв своих отцов.

Таблица 1. Примеры перевода фрагментов из песни J'accuse mon père.

Что касается второй песни, выбранной для перевода – *L’assasymphonie*, исполняемой актером, играющим Антонио Сальери, то она не является ключевой для сюжета, однако отражает душевные терзания Сальери. Название песни *L’assasymphonie* – игра слов *assassin* («убийца») и *symphonie* («симфония»), которую не распознал DeepSeek и перевел как «Ассасимфония», что не имеет смысла; нейросеть Mistral эту игру слов распознала и предложила более адекватный вариант – «Убийственная симфония».

Как и в случае с переводом отрывка из песни *J'accuse mon père*, нейросеть DeepSeek предложила поэтический перевод с большим количеством слогов по сравнению с оригиналом, а Mistral сохранила количество слогов, при этом обе нейросети не сохранили оригинальную рифму. В песне есть созвучие *violons-violence*, которое не передает ни DeepSeek, ни Mistral; это созвучие можно передать, создав другую пару похожих по звучанию слов: «**стр**уны-**стр**ашит». Отметим, что в авторском переводе рифма в первых трех и последних трех строфах сохранена, а созвучие *siphonnée symphonie, déconcertant concerto* потеряно, при этом сохранен смысл: Сальери страдает из-за того, что его талант ненастоящий, в отличие от таланта Моцарта, и использует музыкальные термины с негативными определениями, чтобы это выразить. Лексическая единица *symphonie* / «симфония» сохранена, потому что она содержится в названии и много раз повторяется в тексте, а *concerto* / «концерт» заменен на «аккорд» для сохранения принадлежности к музыкальным терминам. Фраза *sans toucher le do* описывает игру музыканта, где он не играет одну из нот – *до*, то есть играет мимо нот. Нейросеть DeepSeek предложила перевод, который вводит в заблуждение – «играю, не касаясь нот» – может появиться впечатление, что благодаря таланту у музыканта нет необходимости смотреть в ноты. Лексические единицы «зависть», «грехи», «убивающий», «предает», не звучащие в оригинальном отрывке, являются элементами художественного перевода и помогают отразить внутренний конфликт Сальери, который никак не выражен средствами, использованными при переводе нейросетями. Ниже представлена таблица (таб. 2) с отрывком песни *L'assasymphonie*, вариантами перевода нейросетями Deepseek и Mistral, а также вариантом перевода, составленный авторами статьи.

Оригинал	**Deepseek**	**Mistral**	**Предлагаемый вариант**
«L'assasymphonie»	**«Ассасимфония»**	**«Убийственная симфония»**	**«Убийственная симфония»**
Pleurent les violons de ma vie	Скрипки жизни моей стонут,	Стонут скрипки моей судьбы,	Скрипки душИ стонут вновь
La violence de mes envies	Яростных желаний волны.	Жестокость моих желаний.	Страшит зависть мою кровь
Siphonnée symphonie	Симфония, что выдохлась,	Симфония, что высосана,	Симфония грехов

Déconcertant concerto	Сбивающий с толку концерт.	Концерт, что сбивает с толку.	Убивающий аккорд
Je joue sans toucher le do	Играю, не касаясь нот,	Играю, не трогая ноты "до",	Я играю мимо нот
Mon talent sonne faux.	Мой талант звучит фальшиво.	Мой талант звучит фальшиво.	Мой талант предаёт.

Таблица 2 Примеры перевода фрагментов из песни L'assasymphonie.

Таким образом, анализ перевода отрывка рок-оперы «Mozart l'opéra rock» нейросетями DeepSeek и Mistral с французского языка на русский позволил заключить, что технологии искусственного интеллекта могут служить основой при переводе мюзиклов для дословного понимания песен с последующим редактированием, а, возможно, и полным изменением формы текста для сохранения смысла и настроения всего музыкального произведения. Необходимо отметить, что нейросети передают смысл отрывков песен без контекста, в целом распознают фразеологические единицы, например, библеизмы. Китайская нейросеть DeepSeek предлагает поэтический, но более громоздкий перевод песни, в то время как Mistral переводит более лаконично, но не сохраняет стихотворную форму.

Литература

Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода, отечественный и зарубежный опыт. Коммуникативные исследования, 2017. С. 32–46.

Нискогуз Е.З. Музыкальная интерпретация в искусстве XXI века на примере рок-оперы «Моцарт». Музыковедение в XXI веке: теория, история, исполнительство: Сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Издательство: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 170–173.

Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: «Советский писатель», 1978. 448 с.

Трофимцева А.С. Особенности перевода текстов музыкальных произведений (на материале мюзикла The phantom of the opera) Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение.

Прикладная лингвистика. Языкознание. Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2023. С. 56–57.

Хватик А.А. Mozart l’opera rock: проблема жанровой принадлежности: искусство глазами молодых. Материалы XII международной научной конференции. Издательство: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского‘ (Красноярск), 2021. С. 172–177.

Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Азбука-Классика, 2022. 416 с.

Л.Р. Кармолиева (Россия, Москва)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Н.В. Яворовская***

СПЕЦИФИКА ТРАНСМЕДИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ РЕНАТЫ ЛИТВИНОВОЙ «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР»

В статье речь идет о медиатриаде Ренаты Литвиновой «Северный ветер»: театральная постановка, кинофильм и драматическое произведение, – которая рассматривается через призму теории трансмедиальности. Анализируется, как перевод пьесы в разные медиаформаты влияет на восприятие сюжета, образов и стилистики, а также какие проблемы возникают при интерпретации. Особое внимание уделяется особенностям языка, визуальной эстетике и культурному контексту.

Ключевые слова: пьеса «Северный ветер», трансмедиальный перевод, Литвинова.

Рената Муратовна Литвинова - современный кинорежиссер, актриса и сценарист. Как автор художественных произведений она известна в меньшей степени, поэтому ее литературные тексты объектом научного анализа практически не становились.

Материалом для нашей работы стало сразу несколько объектов искусства: пьеса Р. Литвиновой (расширенный сценарий к третьему игровому кинофильму «Северный ветер», вышедшему в прокат в 2021 году), само кинопроизведение, а также фрагменты записи театральной постановки одноименного спектакля, который был поставлен в МХТ имени Чехова в 2017 году. Перед нами три различных медиаформата одного произведения, что позволяет говорить о релевантности трансмедиального подхода для их исследования.

Трансмедиальность сама по себе является одним из ключевых понятий в современных исследованиях медиа (отдельно необходимо подчеркнуть, что под «медиа» мы понимаем интерпретацию Маклюэна: то, что несет определенное сообщение, способствующее расширению человеческих физических и психологических функций [Маклюэн, 2007: 9]). Сам термин «трансмедиальное повествование», введенный Генри Дженкинсом [Jenkins, 2006: 95–96], описывает

явление бытования оригинального произведения в культуре, в процессе которого оно осуществляется в разных медиаформатах (литература, кино, музыка, театр и др).

Как правило, авторы первотекста и последующих форм перевода – разные люди, что позволяет наглядно увидеть специфику мышления и индивидуальность автора в подходе к переводу. Тем не менее, в контексте «Северного ветра» важной особенностью становится тот факт, что режиссер, сценарист и автор текста – один и тот же человек. В случае анализа литвиновского сценария справедливой становится постановка вопроса: какое из трех произведений первично. По установленной теории, следует предположить, что художественный текст, однако пьеса ставится на четыре года ранее, чем публикуется «расширенный» сценарий, а фильм задерживается на целый год, поэтому в прокат выходит в одно время с изданием книги. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что для Литвиновой сам текст более важным по отношению к другим медиаформатам не является.

Традиционный анализ драматургического произведения включает в себя обзор действующих лиц, чего нельзя сделать при визуальном анализе из-за первоначального появления на экране лишь нескольких персонажей. Потенциально всех героев можно разделить на две категории: свои (члены клана) и чужие (герои, входящие в него извне). Интересно, что не все чужаки оказываются опасными, а некоторые новообретенные члены семьи становятся причиной ее разрушения изнутри.

Начать стоит со «своих»: открывает список Вечная Алиса – глава клана фабрикантов; за ней – Кузен Борис («сын сестры Алисы», «прибившийся родственник-военный»), солдафон, который на протяжении всего произведения будет искать себе возлюбленную, при этом его наименование подчеркивает культурный разрыв с русскоязычной традицией, что обеспечивает аккомодацию разных языковых пластов; тень Алисы («Компаньонка, прислужница, приживала и эхо одновременно») – ее характеристика подчеркивает, что это еще один герой,

а не абстрактная тень главы, эта безымянная женщина буквально становится слугой, катающей кресло с самой пожилой Алисой. И только после появляется Маргарита (она «дочь Алисы», это вся ее характеристика, и в этом уже можно отметить особенность, так как роль, которая прописывается специально под образ Литвиновой, никак особо не примечательна во вступлении); с точки зрения ономастики ее имя отсылает к важному культурно-литературному наследию: она и булгаковская героиня, и гетевская в том числе, то есть априори женщина, обреченная на трагическую судьбу, связанную с фигурой мужчины (что позже будет раскрыто в пьесе, ведь она уже на протяжении сорока девяти лет ждет возлюбленного). У Маргариты есть сын Бенедикт, который приводит в дом Фанни, свою невесту-стюардессу («Он только влюбленно смотрит на Фанни, что является его главным смыслом, на остальное его не хватает» [Литвинова, 2021: 17]). Также у Алисы есть еще одна дочь – Лотта (опираясь на ономастическую природу, можно сопоставить с ветхозаветным персонажем – Лотом). Героиня, подобно библейскому прообразу, будто бы единственная, кто пытается спасти семью, поэтому постоянно отправляется в поля рыть сундуки с деньгами и сокровищами, чтобы обеспечить безбедное существование. У самой Лотты есть дочь Ада, которая описывается как некрасивая, неудобная для семьи. Тут необходимо пояснить, что изначально Ада неоспоримая часть клана, но после своего брака с пластическим хирургом Доктором Жгутиком она претерпевает внешнюю трансформацию. Эта перемена показывает, что поиски и привлечение мужчин не приводят ни к чему хорошему, а лишь ложатся в основу медленного разрушения.

«Чужой» же можно назвать Фаину Сестру Фанни, которая выходит замуж за ее жениха. Отдельно стоит отметить, что эти герои скорее не антагонисты, а просто те, кто в семью не вписывается и даже не по собственному желанию начинает влиять на ее уклад.

В отдельную категорию можно вынести ряд второстепенных героев. Самый необычный из них – это почтальон 12 26, он же смерть, он же исполнительный оборот и одинокий служащий с зонтом. Почтальон не просто

так будет ожидать свой украденный Кузеном зонт, ведь для него это атрибут, который несколько изменен в сравнении с традиционной косой, которую с собой принято носить смерти. Помимо этого, ближе к финалу его личность раскрывается напрямую через реплику Маргариты: «А вы безумный, разносит телеграммы и думает, что он почтальон и иногда Смерть, когда в телеграмме кто-то умер…» [Там же: 265]. Не менее загадочным персонажем можно назвать и сам Северный ветер: в пьесе это не только заглавие, но и лейтмотив, и внесценическое аудиальное сопровождение в формате хора женских голосов, и действующий герой (который также оказывается женщиной – «Однако... Так вы вы женщина?» [Там же: 139]). Интересно, что у Литвиновой при помощи травестиации традиционно женский образ смерти становится смежным с мужским началом, а мужественный холодный ветер – женским.

Весь текст отчасти построен на минус-приеме, постоянной недосказанности для читателя. События описываются только в Новый год, что происходит в остальное время – остается неизвестным. Из-за этого основной конфликт в драматургическом произведении трудно выделить, события представляются как череда бед и несчастий, которые с каждым новым действием все больше привносят разлад в клан, большинство из них является лишь следствием смерти Фанни.

Жанровая природа текста неоднозначна; с одной стороны, перед нами драма, которую автор называет «мрачной» сказкой. С другой стороны, событийная матрица скорее отсылает к трагедии. Время года действия – зима, канун Нового года, что имплицитно отсылает к явлению календарной прозы, в рамках которой существует поджанр святочного рассказа, традиция которого заключается в изображении новогоднего или рождественского чуда в условиях тяжелых жизненных обстоятельств. Такое чудо действительно есть, это не просто волшебство, а дополнительный час в сутках, который может позволить героиням избежать смерти (этот час есть у всех членов клана), но почему-то в момент описываемых ситуаций все будто бы забывают про эту возможность, и постепенно умирают. Еще одной специфической жанровой чертой «Северного

ветра» является использование комических эпизодов, которые заигрывают с абсурдностью и несоответствием задаваемого ранее пафоса. Например, можно вспомнить эпизод, в котором Северный ветер решает убить ёлку-шпионку, приходя в дом к фабрикантам.

Пространство в тексте условно делится на две категории: дом и все, что находится за его пределами. Извне приходит множество неоднозначных персонажей, а сам дом приходит в упадок и разрушается. Нельзя сказать, что жилище уютное или «родное» для кого-либо из героев, скорее он отражает разложение и череду смертей женщин. Также глобально сохраняется формальное единство места, в отличие от времени, которого априори не существует. Можно сказать, что пространство пьесы тяготеет к готическому.

Сам (или же правильнее сказать «сама») Северный ветер – это не только действующее лицо, это еще и аудиальное сопровождение, своеобразное предвестие смерти, и в то же время хор, который подобен церковному отпеванию, что намекает на главный и сюжетообразующий мотив всего произведения. Им становится мотив смерти. Именно мортальная тематика в разнообразных формах как явно, так и скрыто присутствует в сценарии. Смерть опережает жизнь, что еще раз подчеркивает значимость этого лейтмотива. То же самое происходит и с Маргаритой, она продолжает функционировать в тексте и после смерти: «Маргарита: Горячая!.. Телеграмма Генералу Флакону: В связи со скоропостижной смертью Маргариты вы приглашены на закрытое прощание с покойной...» [Литвинова, 2021: 264]. Смерть становится сильнее всего, преодолевая даже любовь, так как в предположительно трогательном тосте Хьюго звучат слова: «Торжественно вам обещаю, что буду тебя любить до гроба и после гроба. По-северному» [Там же: 122].

Так оказывается, что «Северный ветер» – это олицетворение смерти, которая может приобретать разные формы. Реакция на это явление также неоднозначна: кто-то страдает до конца жизни (как Бенедикт), кто-то решает найти виновников (как Хьюго), кто-то просто умирает без попыток смерти противостоять (Лотта, Маргарита, Ада). И важно отметить, что это не просто

фантасмагорическая вариация на «вечную тему», а вербально не выраженная идея о неизбежности смерти, о ее причинах и разных формах воплощения. О своем конце знают еще не умершие персонажи, финальным действующим лицом оказывается многоликий персонаж почтальон-смерть.

Мы намеренно обращаемся сразу к двум произведениям искусства, так как, согласно нашей гипотезе, каждое из них содержит определенные смысловые дополнения друг для друга.

Сама Литвинова подчеркивала, что: «Фильм не будет повторением моей постановки в МХТ, это будет что-то новое, скорее, продолжение пьесы»[1]. Это говорит о попытке автора искусственно разграничить медиаформаты, что затрудняет разработку идеи о их связи между собой.

На первый взгляд может показаться, что книга рождается из неопубликованной пьесы для сцены, тем не менее, она скорее является частью структуры, своеобразным связующим звеном между миром театра и миром кинематографа.

В театральном медиаформате главную роль исполняет сама Литвинова. Следует отметить, что она располагается практически все время на авансцене. Основной конфликт близок к тому, что мы описывали ранее в первой главе. Но во время спектакля все персонажи умирают, за каждым из них приходит смерть в двух разных воплощениях: это либо актриса Мария Фомина, либо сама Рената Литвинова. Постановка претендует на попытку конкретизировать реальность (самое интересное, что подзаголовок спектакля – это «реальная фантасмагория», что уже само по себе является оксюмороном), хотя в самом сценарии и фильме нет конкретных временных маркеров, что скорее нарочито подчеркивает гипертрофированность воссоздаваемого автором.

[1] Федор Кузьмин. Вечный матриархат и ожидание любви в трейлере фильма «Северный ветер». Режиссер – Рената Литвинова [Афиша Daily]. URL: https://daily.afisha.ru/news/40302-vechnyy-matriarhat-i-ozhidanie-lyubvi-v-treylere-filma-severnyy-veter-rezhisser-renata-litvinova/ (дата обращения: 21.05.2024).

Сама режиссер говорит: «В этом спектакле все могут играть всех <...> по системе Станиславского», «Я бы хотела сыграть мужские роли», что также подчеркивает идеи травистиации и гиперболизированную масочность постановки (на сайте спектакля есть важная пометка под ролью «Смерти»: «сущность в теле мужчины-женщины под кодовым названием Исполнительный Оборот 1226»[1], что еще раз подтверждает тезис о смешении разных пластов для достижения абсурда и интеграции комического).

Кроме того, финальное решение режиссера дать фильму название спектакля приводит к неизбежным ассоциациям с постановкой, что позволяет фильму быть намеренно искусственным, театрализованным.

Переходя к непосредственному анализу кинематографической версии, начать стоит с нарратива: в «Северном ветре» то, что мы называли скрытым женским нарративом в пьесе, становится явным на экране. Зрителя встречает и буквально постепенно вводит в мир кинокартины закадровый голос Маргариты (Ренаты Литвиновой), которая сама себя называет «главой северного клана» вместе с Вечной Алисой (Татьяной Пилецкой); как и в тексте, у Алисы есть тень, которая передвигает ее инвалидную коляску. И здесь уже можно отметить несоответствие со сценарием, потому что в нем глава клана все-таки одна, и это только Алиса, тут же Литвинова намеренно выдвигает своего персонажа на первый план. Важная деталь кинокартины – отсутствие смерти как непосредственного персонажа; герои будут умирать путем констатации факта при помощи закадрового голоса Литвиновой.

Героиня-рассказчица сразу раскрывает законы вселенной: у их семьи есть лишний час, благодаря которому можно спрятаться от смерти. Также она сама говорит, что для полного понимания нужно вернуться на тридцать лет назад (с момента кадра, как она и двое ее слуг бегут в черно-белой обработке по мосту, скрываясь от бомбы). Такая реверсивность свойственна современным кинонарративам, что уже не является чрезвычайной особенностью, однако такой

[1]МХТ им. А.П. Чехова. Спектакль «Северный ветер» [Телеканал ТЕАТР] URL: https://www.youtube.com/watch?v=1glxxXXKwWc&list=WL&index=4 (дата обращения 21.05.2024).

прием намеренно усложняет повествование, в то время как в пьесе череда событий представлена относительно линейно. Не менее важной отличительной особенностью является появление Хьюго. В кинофильме он представляется в кадре почти сразу, в то время как в тексте лишь в конце, и именно из-за конфликта с ним Маргарита умирает, в то время как на экране сцена драки не изображается.

Стоит заострить внимание и на том, что большая часть происходящего на экране комментируется Маргаритой. Зачастую описание происходит до того момента, как то или иное действие свершилось. Хьюго уходит на войну, и героиня уже заранее знает, что он не вернется, Бенедикт заботится лишь о самолете в поле, но как только он садится в кабину, рядом с ним возникает покойная Фанни и он резко молодеет и взлетает. Согласно терминологии П. Торопа, здесь мы сталкиваемся с микростилистической экранизацией, так как основная наррация связана с одним персонажем [Тороп, 1995: 185].

Литвинова обрывает свою историю в финале картины, когда Маргариту выбрасывает в иное пространство, при этом для зрителя намеренно не раскрывается смысл завязки: куда же бежали герои по мосту в начале? За все время происходит празднование тринадцати Новых годов, чем занимаются герои между ними от зрителя утаивается. Но тут находится пояснение: герои пользовались механизмом, чтобы вероятно отматывать время (цена за это Смерть персонажа). Обобщая все наши наблюдения, можно сказать, что хронотоп фильма тяготеет к метафизическому по Торопу [Там же: 175] Объяснить такой ход можно смертью героини, что нарушает привычный уклад вещей, а значит, нелогичное обрывание рассказа Следствие того, что Маргарита умирает прямо во время того, как повествует о событиях, которые зритель видел ранее на экране. Она больше не управляет историей, хотя ее голос и остается ведущим. То, что в сценарии преподносилось как сон Маргариты, тогда как на самом деле она умерла, в фильме обыгрывается как возвращение из сказки в реальность. Интересно, что движения героини показаны в обратном порядке (с помощью приема обратной киносъемки).

Рис. 1. к/ф «Северный ветер»

Наиболее интересным, на наш взгляд, кажется, образ самого Северного Ветра в фильме и его вербализация. Это не совсем хор, скорее глоссолалия, или же запись, которая запущена задом наперед, что добавляет мистики и большей запутанности сюжету. Северный Ветер создает особую тревожную атмосферу, которая неразрывно связана с пространством.

Само пространство в фильме нельзя назвать театральным, оно гораздо шире, чем описано в сценарии, и не ограничено несколькими локациями. Съемка также ведется не вплотную, камера не статична, что было бы характерно для имитации театральности. Кроме дома, внутри которого находится множество разных пространств, есть также поля, театр (который скорее походит на цирк), окрестности вокруг дома, и, конечно же, метрополитен. Наиболее иллюстративным является эпизод, в котором Маргарита решает встретить новый год на самой высокой точке, после чего она оказывается на подмостке, похожем на крышу ГУМа (рис. 1). Вдали виднеется Спасская башня за полосой леса, что подчеркивает неоднородность пространства и его искаженность, нереалистичность.

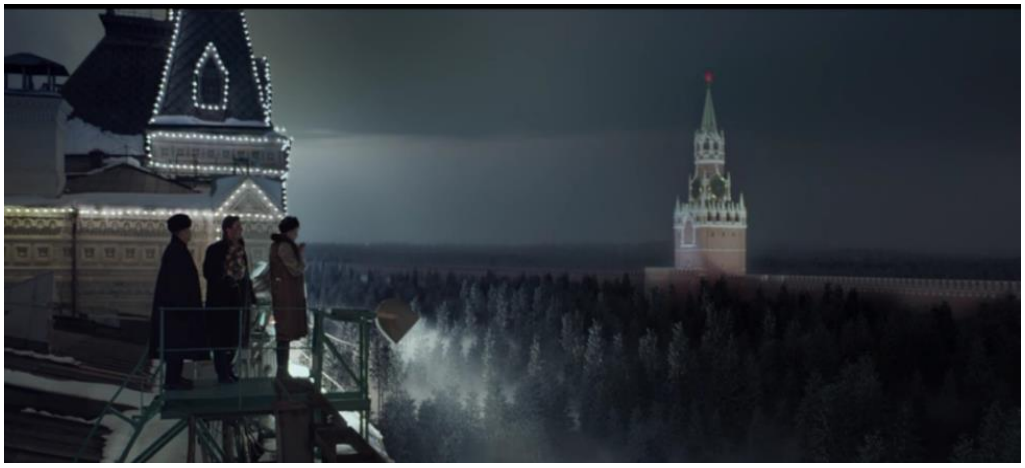

Рис. 1. Встреча Нового года (к/ф «Северный ветер»)

Из специфических киноприемов выделяется смена цветовой гаммы в момент, когда Фаина (Софья Эрнст) говорит Маргарите правду, что связано с их конфликтом: «...тот, кого ты ждешь, никогда тебе не позвонит. Когда ты наконец сдохнешь». Все внезапно становится светлым, что контрастирует с готической атмосферой, до этого создаваемой полумраком. Хотя оттенки в целом остаются в

том же мрачном диапазоне. Это сопровождается закадровыми рассуждениями Маргариты, что все беды и несчастья происходят из-за смерти Фанни, а также что кроме личной трагедии женского клана всё это время происходит смена власти (об этом говорится по радио).

Анализируя визуальную составляющую, нельзя проигнорировать несколько очевидных культурных отсылок, которые подчеркивают трансмедиальность фильма. Когда актриса (Светлана Ходченкова) звонит Фаине, то слева от героини сидит огромная собака (рис. 2).

Рис. 2. Сцена телефонного звонка (к/ф «Северный ветер»)

Ранее упоминалась инфернальная природа Маргариты, этот кадр способен подкрепить эту теорию: собака – это черный пудель, в образе которого сам Мефистофель явился Фаусту.

Этот эпизод особенно интересен на контрасте со сценой из начала фильма, где собирается весь клан, в центре которой героиня с именем Лотта, имеющим библейские корни (рис. 3). В расположении героев и предметов очевидна отсылка к Тайной Вечере.

Рис. 3. Сцена сбора клана (к/ф «Северный ветер»)

Благодаря экспликации кинокартина приобретает ключевое отличие от двух предшествующих «Северных ветров» – присутствие смыслового вывода, итога, некоей морали «сказки». Оказавшись в метрополитене (рис. 4), Маргарита говорит: «Однажды я проснусь в очередной новой жизни, чтобы дождаться тебя уже здесь, или мне это только снится, или у нас у всех есть этот лишний час, тринадцатый, в котором мы сильнее смерти ради любви».

Рис. 4. Метрополитен (к/ф «Северный ветер»)

Литвинова повторяет, что просмотренное – это о любви, и любовь ключевая идея ее произведения, ее киносказки. Этот эффект подкрепляется путем устранения всех комических эпизодов, которые были и в спектакле, и в пьесе. Режиссер не позволяет зрителю взглянуть на происходящее вне контекста

оптики Маргариты, что допускается в пьесе (так в финале мы узнаем, что стало с каждым из героев). Если рассказчица попадает в другую реальность, то и зритель вынужден следовать за ней. Такая догматика делает фильм более однозначным по сравнению с постановкой и текстом.

Подводя итоги, можно выделить в пьесе следующие особенности: доминирование женских персонажей, оппозиция «свои – чужие», готическое пространство и мотив смерти как сюжетообразующий. Важной чертой драматургического текста является использование комических элементов, которые строятся на абсурде и несоответствии ситуаций задаваемому изначально пафоса. В спектакле особое внимание уделяется маскам и гиперболизированной театральности, что подчеркивает идею травестиации и условности. Кинофильм, в свою очередь, использует централизацию нарратива, что способствует кристаллизации и фокусировке на любовной теме.

Прагматическая задача трансмедиального перевода пьесы заключается в создании единой вымышленной вселенной, которая способна существовать в трех разных медиаформатах параллельно. Каждый из сюжетов дополняет одну большую историю, в которую интегрирована сама Литвинова не только как создатель, но и как действующее лицо, которое в то же время является и творцом внутри конструируемого ей самой мира.

«Северный ветер» – уникальное явление трансмедиальности, так как в нем источник, то есть текст, является более неоднозначным, содержит более эфемерные формулировки и неточности в описании, что не характерно для литературного произведение, которое как сценарий должно тяготеть к полноте и точности. Для Литвиновой границ между произведениями не существует, как бы она сама не пыталась их искусственно провести. Таким образом, можно предположить, что перед нами не экранизация художественного текста, а трансмедиальная визуализация.

Источники

Федор Кузьмин. Вечный матриархат и ожидание любви в трейлере фильма «Северный ветер». Режиссер – Рената Литвинова. [Афиша Daily.] URL: https://daily.afisha.ru/news/40302-vechnyy-matriarhat-i-ozhidanie-lyubvi-v-treylere-filma-severnyy-veter-rezhisser-renata-litvinova/ (дата обращения 21.05.2024).

Литвинова Р. Северный ветер. СПб.: Сеанс. 2021. 304 с.

МХТ им. А.П. Чехова. Спектакль «Северный ветер» [Телеканал ТЕАТР] URL: https://www.youtube.com/watch?v=1glxxXXKwWc&list=WL&index=4 (дата обращения 21.05.2024).

Спектакль «Северный ветер» [МХТ им. Чехова] URL: https://mxat.theater/spektakli/severnyij-veter (дата обращения 20.05.2024)

Литература

Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с английского В. Г. Николаева. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.

Тороп П. Тотальный перевод. Tartu: Tartu University Press, 1995. С. 164–189.

Jenkins H. Convergence Culture. New York, London: New York University Press, 2006. 308 p.

В.А. Корсакова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***А.М. Дорохова***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ)

В статье рассматриваются актуальные проблемы перевода с английского на русский язык, обусловленные грамматическими особенностями английского языка, на основе современного официального устного дискурса. Основной целью исследования является выявление ключевых грамматических конструкций и категорий в области коммуникации, которые представляют трудности при переводе. Результаты анализа могут быть применены в сфере переводческой и педагогической деятельности и направлены на достижение точности текста.

Ключевые слова: грамматические особенности, современный публичный устный дискурс, проблемы перевода, английский язык, русский язык.

Перевод официальной публичной речи политиков и государственных деятелей в таких жанрах как выступление поздравление вызывает много сложностей, так как даже изначально относившиеся к подготовленным жанрам тексты сейчас включают значительные фрагменты импровизации и разговорных конструкций и моделей. Неправильный их перевод может искажать смысл высказывания, тем самым вызывая ошибочное восприятие сообщения публикой и неадекватную коммуникативному замыслу реакцию, что критически важно в контексте перевода речи значимых в мире политических персон [Викулова, 2015]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на материале речей Д.Д. Трампа и короля Карла III рассмотреть и проанализировать особенности перевода с английского на русский язык, чтобы выявить типичные сложности и минимизировать ситуации, в которых они могут возникать.

Основной проблемой перевода с одного языка на другой является грамматические особенности и различия синтаксической, лексической, морфологической структур языков. Некоторые конструкции могут усложнить работу переводчику, не осведомленному об их своеобразии и смысловых оттенках. Я.И. Рецкер в работе по теории перевода утверждает, что «задача переводчика — передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности», то

есть важно передать не только информацию, предложенную источником, но и то, как она преподнесена [Рецкер, 2007: 10].

Стоит также упомянуть, что в одних языках нет категории рода, в других отсутствуют времена или падежи, а некоторые конструкции просто не имеют точного эквивалента в другом языке. Эти различия могут приводить к необходимости не только подбирать синонимичные выражения, но и перестраивать целые фразы. Рассмотрение грамматических особенностей в разговорном дискурсе особенно важно, поскольку, согласно В.Н. Комиссарову, в рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно [Комиссаров, 1990: 109]. Таким образом, политические термины, нетипичные разговорные обороты усложняют процесс интерпретации, и выявление конкретных случаев сложной передачи смысла высказывания помогают не совершать похожие ошибки при последующем переводе, поэтому важно провести анализ самых неоднозначных конструкций в речи общественных деятелей.

Для исследования актуальных проблем, обусловленных грамматическими особенностями английского языка в современном дискурсе, были использованы сопоставительный и описательный методы. **Сопоставительный метод** позволяет выявить различия и сходства между языковыми структурами исходного и искомого языков. Он помогает анализировать грамматические категории, способы выражения времени, вида, залога, а также синтаксические конструкции, которые могут вызывать трудности при переводе. Сопоставление оригинального текста и его перевода дает возможность определить, какие грамматические явления требуют адаптации и какие трансформации применяются переводчиками. **Описательный метод** используется для детального анализа грамматических особенностей в рамках одного языка и их передачи в другом. Этот метод помогает выявить закономерности перевода определенных грамматических структур, изучить употребление грамматических форм в контексте и классифицировать способы их передачи в другом языке.

Описательный метод также позволяет систематизировать наблюдения и сформулировать рекомендации по переводу сложных грамматических конструкций, что способствует улучшению качества перевода и выбору наиболее адекватных и подходящих языковых средств.

Перевод разговорной речи, в особенности речи политических деятелей? является непростой задачей из-за наличия сложных синтаксических конструкций, необходимости быть осведомленным о политических реалиях, что подразумевает дополнительные знания в этой сфере. Несмотря на вышеперечисленные трудности, знание грамматических структур и их эквивалента на искомом языке может значительно облегчить процесс перевода и передать тот смысл, который был изначально заложен говорящим. В статье приведены примеры самых частых случаев в области межкультурной коммуникации, когда дословный перевод искажает высказывание и вызывает непонимание, а также представлена классификация грамматических конструкций и выявлены различия в грамматической парадигме двух языков.

При передаче смысла высказывания с исходного языка переводчики обращаются к грамматической трансформации, то есть преобразованию иностранного текста таким образом, что содержание оригинала остается без изменений, а для сохранения тонкостей искомого языка приходится частично использовать творческие способности, которые помогают верно и точно подобрать нужный эквивалент, аналог которого тяжело найти [Шарипова, 2020: 45]. Конечно, начинающему специалисту проще перевести конструкцию дословно, чем пытаться разобраться в нюансах и смысловых особенностях, поэтому ключевое значение приобретает разработка методической и справочной информации для переводчиков.

Как уже было упомянуто, в русском языке может отсутствовать грамматическая категория, которая существует в английском, как и наоборот [Карпеева, 2016: 207]. В английском языке такими категориями являются герундий, артикль, инфинитивные и причастные конструкции. Именно эти несовпадения в двух языках вызывают необходимость их грамматически

трансформировать. Рассмотрим на примере: во время выступления на совместном заседании Конгресса (Joint Session of Congress) в речи Д. Трампа используются различные конструкции, которые было бы тяжело перевести дословно.

1. Страдательный залог, или пассивная конструкция: «Now, for the first time in modern history, more Americans believe that our country **is headed** in the right direction than the wrong direction».

В предложениях со страдательным залогом исполнитель действия, как правило, неизвестен или не очень важен, но, когда это необходимо, он указывается с помощью предлога «by», это бывает приблизительно в 20% случаев. Страдательный залог в английском языке употребляется чаще, чем в русском, и поэтому часто переводится активным залогом, что требует изменения всей грамматической структуры предложения [Соколова, 2008: 102]. Глагол «to head» («направляться») чаще всего употребляется в активном залоге, но здесь употреблена пассивная конструкции: «is headed», которая указывает на причастность к действию третьего лица, наличие внешнего влияния. Дональд Трамп подчеркивает свое положительное воздействие на страну, которая теперь «**движется** в правильном направлении», поэтому прямой перевод, в котором пассивный залог в соответствии с нормами русского языка заменяется на активный, не может быть признан верным, так как наличие внешнего влияния (т.е. деятельности Трампа) при таком переводе теряется. Сохранить дополнительный оттенок смысла, не изменяя конструкцию системно, практически невозможно. Нам представляется возможным только вариант «наша страна направлена в правильное русло», однако этот вариант звучит, как нам кажется, излишне разговорно и невполне подходит под стилистику официально-делового стиля.

Далее рассмотрим еще один вариант пассивной конструкции, употребленной с герундием: «It’s all set to go. The permitting is gotten».

«To be all set» Стандартный, часто применяемый оборот, в этом контексте означающий «всё уже подготовлено». Инфинитив «to go» («идти») опущен,

потому что не имеет дословного значения, фраза воспринимается как единое целое. В то время как второе предложение может вызывать вопросы относительно употребления 1) определенного артикля «the», 2) герундия и 3) страдательного залога. Герундий, являясь неличной формой глагола, имеет свойства как глагола, так и существительного. В русском языке нет аналогичной формы, которая бы соответствовала герундию, поэтому важно разобраться, какую интерпретацию лучше использовать. В зависимости от контекста и функции герундия в предложении он может переводиться на русский язык существительным с предлогом, неопределенной формой глагола, или инфинитивом, деепричастием или придаточным предложением. Выбор способа перевода определяется главным образом лексическим значением герундия и его сочетаемостью с другими словами в русском языке. В приведенном выше примере герундий выступает в роли подлежащего, следовательно, его можно перевести существительным или неопределенной формой глагола. Поскольку перед ним стоит определенный артикль, инфинитив не может быть использован в качестве варианта перевода, следовательно здесь «permitting» близок к существительному: «Разрешение получено». Стоит отметить, что герундий «permitting», употребляемый вместо более привычного существительного «a permit», также может указывать на продолжительность действия, как будто получение разрешения было долгим процессом, но, опять же, правильность перевода зависит от представленного контекста. Страдательный залог также может быть переведен с использованием личного местоимения, например: «**Мы** получили разрешение».

2. Модальный глагол: «We believe that whether you are a doctor, an accountant, a lawyer, or an air traffic controller, you should be hired and promoted based on skill and competence, not race or gender. Very important. You should be hired based on merit».

Модальность представляет собой отношение содержания высказывания или действия к действительности и характеризует действия как возможные, необходимые, желательные. Кроме того, говорящий может высказывать

определенную степень уверенности или, наоборот, неуверенности к происходящему [Соколова, 2008: 14]. Средства выражения модальности многочисленны: могут быть использованы модальные глаголы, слова (наречия, как «безусловно», «определенно»), а также модальные фразы, в которых субъект прямо показывает своё отношение («Я полагаю, что…»). Для более глубокого понимания можно выделить три вида модальных отношений:

1) Выражение отношения субъекта к действию, его степень уверенности или сомнения, то есть мнение о данной ситуации; эта структура зачастую используется с модальными глаголами или словами.

2) Выражение отношения высказывания к действительности в плане реальности/нереальности, чаще всего выражается с помощью наклонения глагола.

В приведенном примере глагол «should» имеет смысловой оттенок обязанности, долженствования, целесообразности, необходимости соответствовать общепринятым нормам. Возможным переводом служат «следует» или «должен». Трамп два раза употребляет модальный глагол, тем самым усиливая важность рекомендации, близкой к долженствованию. В данном случае лучше сохранить пассивную конструкцию: «Вас должны брать на работу (нанимать)».

3) Выражение будущего, используется глагол «to be» с последующим инфинитивом. Примером служит рождественская речь короля Карла III, в которой были упомянуты прошедшие события, а также надежды на наступающий год: «The example that Jesus gave us is timeless and universal, it is to enter the world of those who suffer to make a difference to their lives…». Значение такой связки близко к долженствованию, но в силу договоренности, расписания, плана [Соколова, 2008: 23]. Именно модальность помогает передать отношение говорящего к сказанному: король искренне верит в то, что «пример, который дал нам Иисус, вечен и универсален: он войдет в мир тех, кто страдает, чтобы изменить их жизнь».

Эта конструкция также может быть рассмотрена со стороны другого грамматического явления, в котором инфинитив является предикативом, не имея модального значения, и порождает другой смысл, требующий перевода со словами «являться», «заключаться». Например, как в предложении: «Our goal is to make a better world» («Наша цель ***сделать*** мир лучше»). Инфинитив описывает суть цели, не имея модального значения, а выполняя другую синтаксическую функцию.

3. Объектно-предикативный инфинитивный оборот: «Americans expect Congress to send me this funding without delay so I can sign it into law».

Объектно-предикативный инфинитивный оборот, или Complex Object, выполняет функцию сложного дополнения и широко используется после определенной группы глаголов: 1) выражающих желание и намерение, 2) обозначающих умственное восприятие, 3) выражающих приказ, разрешение или просьбу и 4) обозначающих чувственное восприятие [Соколова, 2008: 70–71]. В структуру данной конструкции входят имя собственное в именительном падеже (Common Case) или личное местоимение в объектном падеже, а также инфинитив. Английское простое предложение, включающее сложное дополнение, переводится на русский язык сложноподчиненным предложением с придаточным, которое вводится союзами «что», «чтобы» или «как». «Congress» в примере выполняет действие «to send» («отправить»), то есть русским эквивалентом было бы сложное придаточное предложение с союзом «чтобы»: «Американцы ожидают, что Конгресс незамедлительно отправит мне это финансирование, чтобы я мог подписать его как закон». Важно отметить: действие после глагола «expect» часто переводится в будущем времени, чтобы показать его незавершенность и готовность к осуществлению.

4. Субъектный инфинитивный оборот: «I just happened to go there last July 13th for a rally. That was not pleasant».

Субъектный инфинитивный оборот (Complex Subject) представляет собой конструкцию, включающую существительное в общем падеже (или местоимение в именительном падеже) в роли подлежащего, а также инфинитив, который

выполняет функцию второй части составного глагольного сказуемого. Первую часть этого сказуемого составляет глагол в личной форме, называемый также «вводящим» глаголом. В предложении данный оборот играет роль сложного подлежащего [Смолович, 2015: 2–3]. При интерпретации конструкций, как Complex Object и Complex Subject, используется переводческая трансформация, при которой различные части речи подвергаются замене, поскольку похожего эквивалента в русском языке не наблюдается. Существует два способа перевода в зависимости от инфинитива: употребление либо страдательного залога, либо активного. В примере начинающему переводчику может быть неясна идея первой части предложения, вследствие чего смысл высказывания остается потерянным. Важно обратить внимание на значение глагола «happen», который выражает непредвиденностью действия, то есть правильный перевод будет «Я просто случайно оказался там». Был использован трансформационный подход, при котором глагол в прошедшем времени при переводе преобразовался в наречие с оттенком неумышленности.

Таким образом, перевод разговорного дискурса представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий особой интегративной подготовки [Гулиянц, 2017]. Особенности синтаксиса, использование различных форм глаголов, артиклей, местоимений и структур предложения могут значительно усложнять задачу переводчика. Важным аспектом является также необходимость учета культурных и стилистических различий, что требует не только знаний языка, но и умения адаптировать текст под целевую аудиторию. При переводе необходимо анализировать все аспекты текста, не концентрируясь только на грамматической составляющей или лексических средствах. По словам Я.И. Рецкера, «важно сопоставление не отдельных грамматических форм или синтаксических конструкций, а структурно-семантических "узлов", составляющих единое понятийное целое. Голая, лишенная лексического наполнения, грамматическая структура так же мало показательна для переводчика, как железный каркас для будущих обитателей дома» [Рецкер, 2007: 10]. Элементы структуры текста взаимосвязаны, точность и естественность

перевода зависят от правильного и корректного взаимодействия с каждым из них. Таким образом, преодоление грамматических трудностей при работе с материалами устного дискурса требует гибкости, внимательности и опыта.

Источники

Транскрипт выступления Дональда Трампа на совместном заседании Конгресса (2025). URL: https://singjupost.com/transcript-president-trump-addresses-joint-session-of-congress-march-4-2025/ (дата обращения: 20.08.2025)

Транскрипт выступления короля Карла III (2024). URL: https://totimes.ca/king-charless-full-2024-christmas-message-video-and-full-transcript/

Литература

Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 42–49.

Гулиянц А.Б., Гулиянц С.Б. Применение интегративного подхода в профессиональной подготовке переводчиков в вузе // Интеграция в образовании: проблемы и пути решения, Чебоксары, 24 сентября 2017 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2017. С. 71–75.

Карпеева О.Я. Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 207–210.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика (Наше наследие). М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

Соколова Л.А., Трофимова Е.П., Калевич Н.А. Грамматические трудности перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие. М., Высшая школа, 2008. 204 с.

Смолович С.Ф. Грамматические трудности при обучении переводу научно-технических текстов с английского языка. Субъектный инфинитивный оборот // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–2. С. 170–174.

Шарипова М. Грамматические трудности перевода с английского на русский // Вестник Педагогического университета. 2020. №2 (85). С. 44–50.

М.К. Мамбетназаров (Узбекистан, г. Нукус)

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
2 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Д.У. Бердимуратов***

ПРОЦЕССЫ ДЕРИВАЦИИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

В статье изучаются деривационные процессы при обозначении рода деятельности в русском и немецком языках. Русские суффиксы рассматриваются в сопоставлении с немецкими суффиксами, и проводится анализ их использования в образовании новых слов с различными группами значений.

Ключевые слова: лексическая деривация, род деятельности, приставка, суффикс, аффикс.

В рамках языкознания исследуются различные процессы, которые могут раскрыть важные и интересные стороны жизни народов, в том числе изучаются деривационные процессы в языке определенной нации и в сопоставлении в языках разных народов. Деривация – это образование новых слов разными путями, в том числе добавлением аффиксов – приставок и суффиксов. Наука, которая изучает образование новых слов, называется дериватологией.

В зависимости от характера словообразовательного (деривационного) значения деривация делится на два вида: лексическую и синтаксическую. Польский лингвист Ежи Курилович предложил деление всей системы словообразования на область лексической и синтаксической деривации, и в настоящее время это деление признается лингвистами принципиальным. Производные лексической и синтаксической деривации называются соответственно лексическими и синтаксическими дериватами [Мусатов, 2010: 215].

Лексическая деривация – это один из видов деривации, представляющий собой процесс образования новых слов (лексических единиц) на основе уже существующих. Основными способами лексической деривации являются суффиксация, префиксация, словосложение, конверсия, а также аббревиация. Суффиксация позволяет создавать новые лексические единицы, используя уже существующие корни и добавляя к ним различные суффиксы. Этот тип

лексической деривации играет ключевую роль в образовании слов, обозначающих род деятельности человека.

Прибавление суффиксов является наиболее распространенным способом образования названий профессий. К основе слова, обозначающей деятельность, добавляются суффиксы, которые указывают на принадлежность к этой деятельности. При этом в русском и немецком языках употребляются различные суффиксы, как исконные, так и заимствованные, например, суффиксы *-ник (-ница), -щик, -чик, -тель, -ист, -ант, -ент, -ач* в русском языке и *-er (-erin), -eur, -ant, -ent, -ist, -loge, -or* в немецком языке.

В значении немецкого суффикса *-(l)er* (при обозначении женского рода добавляется окончание *-in)* в русском языке могут использоваться субстантивированные прилагательные мужского *-ый* и женского *-ая* рода:

Ученые *двух стран налаживали активные контакты с целью обмена опытом.* ***Wissenschaftler*** *von zwei Ländern haben aktiv in Kontakt mit der Absicht des Erfahrungsaustauschs getreten.*

В русском языке суффикс *-тель* употребляется для образования существительных от глаголов и образует существительные, которые обозначают лицо или предмет, выполняющий какое-либо действие, имеющий определенный род деятельности или обладающий определенным качеством, например: **учитель** (от *учить*), **писатель** (от *писать*), **строитель** (от *строить*). В немецком языке этот русский суффикс можно также сопоставить с суффиксом *-er*.

Читатель *обратил внимание на содержание этой части книги и события произвели на него впечатление. Der* ***Leser*** *hat dem Inhalt dieses Teils des Buchs Aufmerksamkeit geschenkt und die Ereignisse haben Eindruck gemacht.*

Писатель *закончил свой новый роман и готовился к его публикации. Der* ***Schriftsteller*** *beendete seinen neuen Roman und bereitete sich auf dessen Veröffentlichung vor.*

Суффикс *-ник* образует существительные, обозначающие человека, чья деятельность связана с тем, что выражает корень слова: **дворник** (от *двор*),

сапожник (от *сапог*), **путешественник** (от *путешествовать*). Данный суффикс соответствует вышеприведенному немецкому суффиксу *-er* или *-de* (глагол + -de).

***Путешественник** наблюдал за кенгуру, который его заинтересовал. Der **Reisende** beobachtete das Känguru, wofür er sich interessiert.*

*На олимпиаду по математике приехали **школьники** со всей области. Zur Mathematikolympiade kamen **Schüler** aus der ganzen Region.*

Суффикс *-чик*, как и подобные суффиксы, указывает на деятельность человека, которая осуществляется в определенной области: например, слова **летчик, переводчик**, и т.п. Этот суффикс также чаще всего переводится на немецкий язык суффиксом *-er*.

*Я работаю **переводчиком** в крупной международной компании. Ich arbeite als **Übersetzer** in einem großen internationalen Unternehmen.*

Еще один суффикс *-арь* в русском языке имеет значение, указывающее на лицо по занятию или принадлежности к определенной группе, к примеру: **пекарь** (от *печь*), **токарь** (от *точить*) и т.п. Этот русский суффикс переводится чаще всего также как суффикс *-er* или *-ar*.

***Библиотекарь** организовала тематическую выставку, посвященную юбилею писателя. Die **Bibliothekarin** organisierte eine thematische Ausstellung anlässlich des Jubiläums des Schriftstellers.*

***Пекарь** рано утром замесил тесто для свежего хлеба. Der **Bäcker** knetete früh am Morgen den Teig für frisches Brot.*

Кроме того, суффикс *-ец* может обозначать человека по его профессии, увлечению или занятию. Примеры с данным суффиксом: **борец** (от *бороться*), **кузнец** (от *кузница*). В немецком языке этот русский суффикс передается как *-ed* и как *-en* (существительные, образованные от прилагательных).

***Кузнец** выковал подкову из раскаленного железа. Der **Schmied** schmiedete ein Hufeisen aus glühendem Eisen.*

*К старому **мудрецу** приходили люди со всех концов света, чтобы получить ответы на свои вопросы. Zum alten **Weisen** kamen Menschen aus aller Welt, um Antworten auf ihre Fragen zu erhalten.*

Суффиксы *-ор/-ер* в русском языке преимущественно заимствованные форманты, которые используются для образования существительных, обозначающих лицо по роду деятельности. Например: **редактор** (от *редактировать*), **инженер** (от англ. *engineer*). В немецком языке данный суффикс передается как *-eur*, который заимствован от французского языка.

*Для проведения исследования был приглашен ведущий **инженер** из университета. Für die Durchführung der Untersuchung wurde ein führender **Ingenieur** von der Universität eingeladen.*

*Он позвонил **редактору**, чтобы уточнить сроки сдачи материала. Er rief den **Redakteur** an, um die Abgabetermine für das Material zu klären.*

Суффикс *-ач* в русском языке образует существительное, обозначающее занятие или профессию. В слове **скрипач** он указывает на человека, который играет на *скрипке*, и данный суффикс часто используется для обозначения лиц, занимающихся музыкальной деятельностью. Этот суффикс наиболее близок по значению к суффиксу *-er* в немецком языке, к примеру:

***Скрипач**, как и многие музыканты, постоянно совершенствует свое мастерство. Der **Geiger**, wie viele Musiker, verbessert ständig sein Können.*

А также, суффикс *-ист* указывает на профессионала или специалиста в какой-либо области, сфере деятельности: **программист** (от *программа*), **тракторист** (от *трактор*), **журналист** (от *журнал*). Этот суффикс соответствует немецкому *-ist* и опять же *-er*, которые обозначают профессию.

*Для создания этого приложения нужен опытный **программист**. Für die Entwicklung dieser Anwendung wird ein erfahrener **Programmierer** benötigt.*

***Журналист** задал вопрос во время пресс-конференции. Der **Journalist** stellte während der Pressekonferenz eine Frage.*

Еще один способ лексической деривации – префиксация. Приставки также могут участвовать в образовании слов, которые обозначают деятельность человека, и при этом частично уточняют или меняют значение исходного слова. Однако прибавление приставок для решения этой задачи встречается реже, чем

суффиксация. Например, приставка *со-, под-*: **соавтор** (автор, работающий совместно), **подмастерье** (помощник мастера).

*Мы встретились с **соавтором**, чтобы обсудить дальнейшие планы. Wir haben uns mit dem **Co-autor** getroffen, um die weiteren Pläne zu besprechen.*

*В книге описывается путь **подмастерья** к вершинам своего искусства. In dem Buch wird der Weg des Gesellen zu den Höhen seiner Kunst beschrieben.*

Еще один способ – словосложение (сложносуффиксальный способ) – образование слов путем объединения двух или более основ с возможным последующим добавлением реального или нулевого суффикса. Например: **земледелец** (*земля* + *делать* + *-ец*), **сталевар** (*сталь* + *варить*), **лесоруб** (*лес* + *рубить*).

***Земледелец** рано утром вышел в поле, чтобы начать посев. Der **Landwirt** ging früh am Morgen aufs Feld, um mit der Aussaat zu beginnen.*

*Глаза **сталевара** были защищены специальными очками от яркого света расплавленного металла. Die Augen des **Stahlkochers** waren durch spezielle Schutzbrillen vor dem hellen Licht des geschmolzenen Metalls geschützt.*

Конверсия (безаффиксный способ) является переходом слова из одной части речи в другую без изменения морфологического состава, но с изменением синтаксической функции. При этом чаще всего это процесс субстантивации, то есть переход слова из других частей речи в существительное. [Мамбетназаров, 2025:140]. В обозначении рода деятельности в русском языке это чаще всего, как мы уже видели ранее, переход прилагательного в существительное. Например, **военный** (от прилагательного *военный человек*), **ученый** (от причастия *ученый человек*). Также используется сокращение словосочетаний, часто используемое для обозначения должностей или специализаций: **гендиректор** (*генеральный директор*), **замдиректора** (*заместитель директора*) и т.д.

***Замдиректора** по развитию представил новый проект на собрании. Der **stellvertretende Direktor** für Entwicklung stellte das neue Projekt auf der Versammlung vor.*

На должность ***<u>гендиректора</u>*** *был назначен молодой, но очень амбициозный специалист. Ein junger, aber sehr ehrgeiziger Spezialist wurde zum* ***<u>Generaldirektor</u>*** *ernannt.*

Таким образом, в русском и немецком языках при лексической деривации часть моделей образуется сходным образом, например использование регулярных русских суффиксов *-тель, -арь, ец* и др. и использование немецкого суффикса *-er*, причем разные русские суффиксы часто соответствуют одному немецкому, но в некоторых случаях модели системно различаются различаются.

Литература

Мамбетназаров М.К. Явление конверсии в современном немецком языке // Иностранный язык – ключ к успеху: материалы II Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием (2–3 апреля 2025 года, г. Тверь). В 2-х томах / отв. ред. О.В. Новоселова. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025. Т.1. С. 140-145.

Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование. М., 2010. 356 с.

Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. М., 2009. 248 с.

А.Д. Скорбенко (Россия, Москва)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
2 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***Т.Е. Евсикова***

СРАВНИТЕЛЬНО – СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭДМОНА РОСТАНА "СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

В статье сравниваются переводы пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» с точки зрения передачи звуковой оболочки текста оригинала. Определяются сходства и различия приведенных переводов и их эквивалентность оригинальному тексту. Делаются выводы о способах сохранения звуковой оболочки текста.

Ключевые слова: поэтический перевод, сравнительно-сопоставительный анализ, французский язык, Эдмон Ростан, Сирано де Бержерак.

Данная статья посвящена исследованию особенностей перевода поэтического произведения с точки зрения передачи его звукового состава на примере сравнительно-сопоставительного анализа переводов пьесы «Сирано де Бержерак» с французского на русский язык. Так, пьеса по определению предполагает звучание со сцены, что предопределяет ключевую роль звукового облика произведения. В произведении Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» он важен вдвойне, так как кроме формы и внутренней композиции также влияет на восприятие читателем главного героя. Таким образом мы попадаем в область фоностилистики. Используемые фонетические средства должны отражать не только вид оригинального текста, но и контекст ситуации на сцене при постановке пьесы.

Пьеса «Сирано де Бержерак» относится к театральной классике: ее ставят в театрах многих стран, в связи с чем она была переведено на множество языков, что и обуславливает актуальность изучения сложных аспектов перевода этого текста, в том числе и на русский язык. Целью данной работы является выявление особенностей перевода художественных произведений с точки зрения звукового оформления на примере сравнения трех переводов значимых отрывков пьесы «Сирано де Бержерак» на русский язык с оригинальным текстом и друг с другом.

Исследовались различия ритма и звуковой оболочки текста в приведенных отрывках, выявлялись особенности фонетической передачи текста при переводе.

При анализе поэтического произведения необходимо учитывать все его аспекты и их взаимодействие: невозможно разделить его лексическую и фонологическую составляющую (ритм и рифму и т.д.). Если важность подбора эквивалентной оригиналу лексики очевидна и данному вопросу посвящено большое количество исследований, фонемный уровень часто упускается. Как пишет в своем произведении «Высокое искусство» Корней Чуковский: «Вообще фонетическая, звуковая передача текста должна быть одной из первых забот переводчика» [Чуковский, 2022: 211], ведь стиль автора, его слог и итоговое звучание текста отражают его задумку и не должны быть потеряны при переводе. В пьесах, например, зачастую может встречаться звукопись для усиления звуковой выразительности речи и эффекта от происходящих на сцене событий. Рифма и ритмика, естественно, являются одними из наиболее важных аспектов поэтического произведения. Для раскрытия данных терминов обратимся к цитатам исследователей: по словам Ю. Лотмана, «Ритмичность стиха – цикличное повторение разных элементов в одинаковых позициях» [Лотман, 1996: 59], а В.М. Жирмунский писал: «Должно отнести к понятию рифмы всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» [Жирмунский, 1975: 286]. Перечисленные аспекты находят свое отражение в фоностилистике – науке, изучающей реализацию потенциальных функционально-стилистических возможностей языка на фонетическом уровне в зависимости от целей и задач общения, характера содержания, типа мышления и различных ситуативных возможностей общения в той или иной социальной сфере [Лагута, 2000: 128]. Таким образом, благодаря данной науке можно рассмотреть стилистические особенности текста, выраженные фонетическими средствами, их роль и взаимодействие в тексте.

Сирано де Бержерак как литературный герой предстает перед читателем многогранной личностью: с одной стороны – дуэлянт и бунтарь, с другой – поэт

и влюбленный. В каждом из рассматриваемых переводов одна из черт его характера становится более или менее выраженной. Образ главного героя во многом состоит из его монологов и стихотворений, которые он сочиняет «на ходу». Так как сам Сирано придает большое значение своему уму и красноречию и считает их своими сильными сторонами, в противовес своему «уродству», его сочинения и остроты в переводе должны быть переданы максимально адекватно и эквивалентно для сохранения оригинального образа и передачи смысла.

Одна из наиболее значимых сцен первого действия – дуэль Сирано с виконтом де Вальвером, а именно «дуэль в балладе», так как во время сражения главный герой сочинял балладу, обращенную к своему противнику:

…Vous rompez, plus blanc qu'amidon?
C'est pour me fournir le mot pleutre!
– Tac! je pare la pointe dont
Vous espériez me faire don:
– J'ouvre la ligne, – je la bouche...
Tiens bien ta broche, Laridon!
À la fin de l'envoi, je touche.
(Il annonce solennellement)
Envoi.
Prince, demande à Dieu pardon!
Je quarte du pied, j'escarmouche,
Je coupe, je feinte... (Se fendant.)
Hé! là donc
(Le vicomte chancelle; Cyrano salue.)
À la fin de l'envoi, je touche[1]

В тексте оригинала четко прослеживается, как в течение дуэли укорачиваются слова и становятся более резкими, «хлесткими», фразы, произносимые главным героем ближе к концу поединка, как будто вторят ударам шпаги, такой эффект отчасти создается благодаря повторяющейся фразе «je touche» и конечному звуку [ʃ], который походит на звук клинка, рассекающего воздух.

Вы отступаете... Вот как!

[1] https://libretheatre.fr/wp-content/uploads/2016/05/cyrano_de_bergerac_Rostand_LT.pdf (дата обращения: 02.06.2025)

Белее полотна вы стали?
Мой друг! Какой же вы чудак:
Ужель вы так боитесь стали?
Куда девался прежний жар?
Да вы грустней пустой бутылки!
Я отражаю ваш удар
И попаду в конце посылки.
(Торжественно провозглашает).
Посылка.
Молитесь, принц! Конец вас ждет.
Ага! У вас дрожат поджилки?
Раз, два – пресек... Три – финта...
(Колет его).
Вот!
Вальвер шатается, Сирано раскланивается.
И я попал в конце посылки![1]

В переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник прослеживается та же тенденция: к кульминации дуэли слова становятся короче и хорошо передают динамику действия, что также будет удобно ставить на сцене, однако ситуация со звуками обстоит совсем иная. Нет свистящих звуков, как в оригинале, но схожую функцию имеет звук [ж], который придает жесткости восклицаниям Сирано и может придавать ему и стилю его боя определенную манеру.

Где наша бывшая отвага?
Где твердость кисти? Верный глаз?
Ведь вы белее, чем бумага...
Слинял румянец, взор погас...
Мне жаль. На вас такой атлас —
И в нем придется сделать дырку...
Итак, предупреждаю вас,
Что я сейчас начну посылку!
(Торжественно.)
Виконт! Посылка. Пробил час.
(Делает выпад.)
Де Вальвер падает.
Как жаль, что нет для вас подстилки.
Ведь я предупреждал же вас,

[1] https://wysotsky.com/0009/279.htm (дата обращения: 02.06.2025)

Что попаду в конце посылки!

[Ростан, 1982: 486]

Текст В. Соловьева отличается значительным сокращением момента финального выпада главного героя, он более сосредоточен на самой «балладе» и обращениях Сирано к виконту. Можно сказать, что в данном отрывке внимание заострено на содержании монолога, а не на действиях, которые при нем происходят.

Сталь меткой рифме вторит звоном.
Где смех ваш? Взгляды свысока?
Вы кажетесь мне утомленным,
Любезный, вы белей платка!
Удар, достойный знатока!
Парирую! Нужна подстилка:
Да будет вам земля мягка,
Когда закончится посылка!
(Торжественно провозглашает.)
Посылка.
Принц! Вы сваляли дурака!
Дрожите? С губ сошла ухмылка?
Так! Выпад! Раз! Еще строка!
Удар!
Виконт падает.
И кончилась посылка!

[Ростан, 2022: 56]

Перевод Е. Баевской отличается тем, что длина фраз и их грамматическая структура резки с самого начала отрывка: обилие восклицательных знаков и еще большее сокращение предложений до односложных слов увеличивает динамичность, и повторяющаяся рифма на «-ка» создает у читателя ощущение повторения действий, в данном случае ассоциируется с ударами шпаг.

Таким образом, мы видим, что в данном отрывке присутствуют особенности, присущие как оригиналу, так и переводам, однако иногда они выражены разными способами. Так, переводчики отметили и передали изменение ритма стихов к кульминации отрывка, однако сама продолжительность этой части варьируется. Кроме того, различными звуками и

морфемами была передана экспрессивность, достигнутая в оригинале с помощью звука [ʃ], хоть сам звук и не был сохранен.

Далее рассмотрим отрывок из еще одного значимого момента пьесы – знаменитого монолога Сирано «non, merci»:

Non, merci! non, merci! non, merci! Mais… chanter,
Rêver, rire, passer, être seul, être libre,
Avoir l'œil qui regarde bien, la voix qui vibre,
Mettre, quand il vous plaît, son feutre de travers,
Pour un oui, pour un non, se battre, – ou faire un vers![1]

В оригинальном тексте отрывка на французском языке можно отметить обилие сонорных звуков [r] и [l]. Благодаря преобладанию в них голосового звука над шумом создается четкость и ритмика стиха, что подходит ситуации, в которой находится главный герой: он спорит и доказывает свою позицию по важной для него теме, то есть в условиях постановки пьесы в театре герой должен донести свою мысль как до собеседника, так и до зрителей. Также стоит отметить чередование коротких и длинных фраз, что с одной стороны показывает резкость высказывания, а с другой – увлеченность мыслью и идеей.

Благодарю вас – нет!
Благодарю. Благодарю вас!
Кто прав? Кто не дожил до первой седины
Или седеющий от первых унижений?
Кто прав, Ле-Бре? Кем лучше сведены
Концы побед с концами поражений?
Пускай мечтатель я! Мне во сто крат милей
Всех этих подлых благ – мои пустые бредни

[Ростан, 1982: 523].

В переводе В. Соловьева в первую очередь стоит отметить ускорение ритма в сравнении с текстом оригинала: короткие вопросительные и восклицательные фразы создают ощущение «нападения» на собеседника в споре, а не развития мысли в монологе. Повтор слова «кто», и в общем звука [к] также создает ритмичность высказывания.

[1] https://libretheatre.fr/wp-content/uploads/2016/05/cyrano_de_bergerac_Rostand_LT.pdf (дата обращения: 02.06.2025)

О нет, благодарю! О нет, благодарю!
Пусть лучше беден я, пускай я буду нищим, –
Довольствуюсь своим убогим я жилищем:
Я в нем не уступлю, поверь, и королю, –
В нем я дышу, живу, пишу, творю, люблю!
Да! Я существовать хочу вполне свободно,
Смеяться от души, смотреть как мне угодно,
И громко говорить, и песнею своей
Смущать врагов своих и радовать друзей![1]

Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник характеризуется чередованием звонких и глухих согласных в разных смысловых частях приведенного отрывка: в начале, когда герой цитирует неприятные для него вещи, и экспрессивно и эмоционально обращается к собеседнику, преобладают звонкие согласные звуки [б] и [д], а во второй части для описания ощущения свободы были использованы слова с большим количеством глухих щелевых согласных звуков, таких как [ш], [щ], [с], что добавило фразам мягкости и послужило для создания соответствующего теме фразы тона.

Спасибо, не хочу!.. А то ли дело петь,
Смеяться, воспарять, когда душе угодно,
Смотреть всегда в упор, судить всегда свободно
И, шляпу заломив, шагая прямиком,
Все споры разрешать клинком или стихом!

[Ростан, 2022: 118]

В переводе Е. Баевской можно заметить ту же отличительную особенность: многочисленное повторение одного звука, в данном случае [с], создает ритм и динамику, и равномерное распределение слов в строках подходит для последовательного тона монолога главного героя.

Таким образом, мы видим, что в зависимости от выбранных языковых средств точность перевода и эффект от текста будут различаться.

[1] https://wysotsky.com/0009/279.htm (дата обращения: 02.06.2025)

Источники

Ростан Э. Сирано де Бержерак: героическая комедия в пяти действиях в стихах / пер. с фр. Е. Баевской. СПб: Азбука-Аттикус, 2022. 320 с.

Ростан Э. Сирано де Бержерак / пер. с фр. Вл. Соловьева. // Соловьев В.А. Избранное: [в 2 т.] М.: Искусство, 1982. Т. 2. 532 с.

Ростан Э. Сирано де Бержерак / пер.с фр. Т.Л. Щепкиной-Куперник. URL: https://wysotsky.com/0009/279.htm (дата обращения: 02.06.2025).

Cyrano de Bergerac. Comédie héroïque en cinq actes en vers d'Edmond Rostand. URL: https://libretheatre.fr/wp-content/uploads/2016/05/cyrano_de_bergerac_Rostand_LT.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

Литература

Жирмунский В.М. Введение в метрику: Теория стиха. Ленинград: Советский писатель, 1975. 665 с.

Лагута О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации. Учебный словарь терминов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. 131 с.

Лотман Ю.М., Гаспаров М.Л. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. Текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Чуковский К.И. Высокое искусство. М: Азбука-Классика, 2022. 416 с.

В.Р. Строганова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***С.Б. Гулиянц***

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ *TO WALK* И *TO STROLL* НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями семантики и перевода глаголов движения to walk и to stroll на русский язык. Материалом исследования стали примеры из параллельного подкорпуса НКРЯ. Актуальность обусловлена проведенным сравнительным анализом вариантов перевода, выполненных человеком и системами машинного перевода, работающими на основе искусственного интеллекта. В результате выявлены релевантные варианты перевода глаголов движения to walk и to stroll на основе их семантических различий. Полученные данные будут полезны как практикующим переводчикам, так и лингвистам.

Ключевые слова: перевод, корпусная лингвистика, машинный перевод, глагол движения, семантика.

На сегодняшний день представляются частотными случаи, когда не все аспекты значений глаголов движения (в особенности *to walk* и *to stroll*) успешно передаются в русском переводе. Уточнение их семантики и анализ вариантов перевода позволил бы сократить количество подобных неточностей при участии в межкультурной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, наличием общего интереса к проблеме перевода в целом и переводу на основе семантических различий англоязычных и русскоязычных единиц [Стернин, Саломатина, 2013; Шилихина, 2020; Калакова, Гулиянц, 2023]. Внимание уделяется и переводу глаголов движения как грамматической категории [Новикова, 2022; Суханова, Гулиянц, 2024; Гулиянц, Поликарпова, 2023]. В пользу проведения данного исследования свидетельствует и возрастающий интерес к корпусной лингвистике, в первую очередь обусловленный стремительным развитием сетевых технологий обработки информации [Сулейманова, Гулиянц, 2022; Петрова, Иванова, Никитина, 2022; Полтавский, Федянина, Скотченко, Шевцова, 2021]. Наконец, в настоящее время лингвистическое сообщество стремится автоматизировать переводческий процесс, благодаря чему актуальным становится проведенный в исследовании сравнительный анализ переводов,

выполненных профессиональными переводчиками и представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и системами машинного перевода (СМП).

Целью настоящего исследования является уточнение семантики англоязычных глаголов движения *to walk* и *to stroll*, а также выявление наиболее релевантных вариантов их перевода на русский язык.

Новизна работы состоит в том, что ранее в отдельном исследовании не рассматривался перевод англоязычных глаголов движения *to walk* и *to stroll* на материале параллельных текстов из Национального корпуса русского языка.

Работа над исследованием состояла из пяти этапов. На **первом этапе** в процессе создания теоретической базы описаны виды и способы проведения лингвистического анализа, после чего сделан выбор в пользу корпусного метода с элементами дистрибутивного анализа [Арнольд, 1991]. Также изучена роль корпусной лингвистики и систем машинного перевода для современной лингвистической науки. Так, лингвисты, занимающиеся исследованиями средств автоматизации переводческого процесса, отмечали, что наиболее успешно машинный перевод справляется с переводом публицистических текстов за счет большого количества шаблонных конструкций. При этом осложненный синтаксис становится одним из главных препятствий при переводе для подобных систем, поскольку они не всегда способны выявить устойчивые конструкции и построить прагматически верное предложение в языке перевода в связи с неспособностью анализировать длинные отрывки текста [Тарзян, 2021].

Изучение этимологии на **втором этапе** позволило уточнить семантику исследуемых глаголов. У глагола *to walk* был выявлен такой аспект значения, как передвижение по кругу или бесцельное передвижение (староангл. *wealcan – поворачиваться, передвигаться с места на место*) [Online Etymology Dictionary]. Единица обладает большим количеством современных значений, однако основными для данного исследования стали четыре:

1) передвигаться пешком;

2) передвигаться пешком ради физических упражнений или отдыха (прогулка);

3) сопровождать кого-либо пешком;

4) выгуливать питомца.

На основе данных четырех значений проводился дальнейший анализ вариантов перевода глагола. При этом в исследовании рассматривались только прямые значения обеих анализируемых единиц.

Этимология глагола *to stroll* (древнеангл. *strowpen – протягивать, простираться* или староангл. *stralien – вытягивать, выстилать*) позволяет указать на расслабленность образа действия, заложенную в значение современного глагола, однако, по некоторым версиям, его происхождение неизвестно и может восходить к герм. *strollen – прогуливаться*[1]. У данной единицы выделяется единственное значение, широко используемое в современном английском языке – пешая, часто длительная прогулка ради отдыха или собственного удовольствия.

Далее изучалась сочетаемость исследуемых глаголов. Способы сочетаемости у этих глаголов практически идентичны, то есть грамматически данные единицы синонимичны. Тем не менее, семантическое поле глагола *to walk*, несомненно, шире, чем у глагола *to stroll*. Так, если строй языка позволяет использование обеих единиц с наречиями / предлогами направления, то сочетаемость с маркерами расстояния у них различна: для конструкции *to walk miles* нет синонима *to stroll miles*. Также единица *to stroll* не допускает наличие одушевленного объекта действия, в отличие от *to walk* (ср. *walk the dog / walk her back home*).

На **третьем этапе** началась работа с корпусами. Сначала была составлена эмпирическая база, которая состояла из 400 примеров – предложений из подкорпуса параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка – по 200 контекстов на каждый из исследуемых глаголов. Видится важным подчеркнуть функциональный стиль отобранных текстов – все они относятся к

[1] Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 14.09.2025).

жанру *художественная литература*, что также свидетельствует об основной сфере применения исследуемых лексем.

Далее анализировались варианты перевода, предложенные в корпусе. При анализе результатов вхождений с глаголом *to walk* в НКРЯ наиболее частотными вариантами его перевода в значении *передвигаться пешком* оказались единицы *ходить, проходить (расстояние), гулять, прогуливаться*. Контекстуальными вариантами, которые могут быть релевантными в определенных случаях, представляются русскоязычные единицы *бродить, наматывать километры (walk for miles)*. Представляют интерес стратегии перевода определенных устойчивых сочетаний, например, конструкция *to walk with one's + object + Participle I or II* может быть переведена с помощью обстоятельства образа или способа действия, выраженного деепричастным оборотом:

*He was **walking with his upper body hunched forward** because of the injury to his ribs. – Он **шел, согнувшись** от боли в ребрах*[1].

Представляется важным отметить, что благодаря схожести лексических и грамматических значений с глаголами *to walk* и *to stroll* могут формироваться общие коллокации, причем способ их перевода также будет идентичен: для сочетания *as + subject + to walk / to stroll* наиболее удачной стратегией перевода будет опущение, поскольку характер употребления данных глаголов в этом случае практически всегда тематический, то есть не несущий релевантной и значимой для реципиента информации, ср.:

***As the killer walked**, he imagined his ancestors smiling down on him. – Убийца представил себе, как одобрительно улыбнулись бы ему его предки*.

***As they walked**, a Frisbee sailed overhead and skidded to a stop directly in front of them. – Над их головами пролетело пластиковое кольцо и, попрыгав по дорожке, замерло прямо перед ними*.

Однако предикативность может быть сохранена другим способом, в частности, с помощью описательного перевода, например:

[1] НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 14.09.2025).

He was taken with some plain, pure white porcelain in a shop window ***as we strolled by****. –* ***Во время одной из таких прогулок*** *он был совершенно очарован простым белым фарфором*.

При работе с глаголом *to stroll* было отмечено, что лексема чаще употребляется с предлогами / наречиями направления, чем в одиночку, а переводится русскоязычными приставочными глаголами, указывающими в первую очередь на направленность действия: *to stroll up / in / out etc. – подойти / войти / выйти* и т.д.

В то же время для передачи интегральных сем скорости, способа, времени передвижения переводчики иногда используют описательный перевод, что представляется удачной стратегией, ср.:

Kent O'Donnell ***strolled over*** *to join them. O'Donnell was chief of surgery and also president of the hospital's medical board. –* ***Неторопливой походкой подошел*** *Кент О'Доннел. О'Доннел был главным хирургом больницы*.

При работе с примерами из корпуса отмечена устойчивая конструкция *to stroll up and down / to and fro*, для которой эквивалентным переводом видятся словосочетания *мерить (комнату) шагами, расхаживать по (комнате):*

He watched the heavy yet graceful form ***strolling to and fro****, in and out of the range of his vision. – О'Брайен с тяжеловесным изяществом* ***расхаживал по комнате****, то появляясь в поле его зрения, то исчезая*.

Реже встречались случаи, когда глагол *to stroll* употреблялся без предлогов / наречий направления, при этом отмечены следующие частотные варианты перевода: *прогуливаться, прохаживаться, гулять*. Неудачным вариантом, найденным в корпусе, представляется выбор глагола *устремиться*, в котором сема скорости противоречит семантике оригинальной единицы. Единица *бродить* может выступать адекватным эквивалентом, однако нам представляется, что в семантике данного глагола присутствует оттенок некоей «тяжести» (мыслей, раздумий, переживаний, физических сложностей и т.д.), в отличие от англоязычной лексемы.

При проведении сравнительного анализа вариантов профессионального и СМП-перевода (**четвертый этап** исследования) использовались программы DeepL и SmartCAT, поскольку они бесплатны в использовании и не требуют долгой регистрации. В строку для запроса вставлялись предложения на английском языке, ранее отобранные в НКРЯ, после чего системе предлагалось выполнить перевод на русский язык. Стоит уточнить, что данные ресурсы представляют собой нейронные модели машинного перевода, то есть они функционируют со встроенным ИИ-ассистентом. Выявлено, что машинный перевод представляет гораздо меньший набор вариантов перевода для исследуемых глаголов, чем выполненный человеком. Это может быть объяснено тем, что СМП работают на основе заложенных в них шаблонов, а ИИ анализирует, каким способом та или иная единица переводилась ранее [Мурзабекова, Алиев, 2020].

Для большей наглядности представим все найденные результаты в виде таблицы:

Глагол	**Значение**	**Варианты профессионального перевода**	**Варианты DeepL**	**Варианты SmartCAT**
to walk	**передвигаться пешком**	идти, проходить, обходить, шагать, гулять	идти, проходить, обходить, шагать, гулять	идти, проходить пешком, прогуливаться
	выходить на прогулку	гулять, прогуливаться, <u>бродить</u>, пройтись, <u>наматывать километры</u>	пройтись, гулять, прогуливаться, ходить	пройтись, гулять, прогуливаться, идти (пешком)
	сопровождать пешком	провожать, <u>отводить</u>, вести	провожать, вести	провожать, вести
	гулять с питомцем	выгуливать, <u>прогуливать</u>, вести	выгуливать	выгуливать, вести, гулять с (собакой)
	as + subject + verb	**опущение**	**перевод**	**перевод**

Таблица 2. Варианты перевода глагола to walk.

Для единицы *to walk* системой DeepL предложен перечень русскоязычных вариантов, схожих с вариантами профессионального перевода. Ресурс SmartCAT также перевел данные глаголы аналогично примерам из НКРЯ. В таблице подчеркнуты те лексемы, которые встречались только в профессиональном переводе и не были предложены СМП.

Для единицы *to stroll* результаты оказались следующими:

Глагол	**Варианты профессионального перевода**	**Варианты DeepL**	**Варианты SmartCAT**
to stroll	- гулять, прогуливаться, бродить, блуждать, пройтись, расхаживать, прохаживаться, идти - **неторопливой походкой** делать ч.-л. / **как бы гуляя**, делать ч.-л.	прогуливаться, идти, проходить, разгуливать (реже) шагать, гулять	- прогуливаться, идти, пройти, разгуливать, брести, шагать - **неторопливо** ч.-л. сделать
	stroll up and down / to and fro – расхаживать (по комнате), мерить шагами (комнату)	**stroll up and down / to and fro** – расхаживать взад-вперёд, прогуливаться туда-сюда	**stroll up and down / to and fro** – расхаживать взад-вперёд
	as + subject + verb – опущение	**as + subject + verb – перевод**	**as + subject + verb – перевод**

Таблица 2. Варианты перевода глагола to stroll

Из 100 примеров, предложенных системе SmartCAT с глаголом *to stroll,* 32 примера были переведены с использованием русскоязычной лексемы *прогуливаться.* Таким образом, практически во всех примерах, где семантика исследуемого глагола подразумевала бесцельное хождение с целью отдыха (использование без предлогов направленности), единица переводилась одинаково. Система DeepL предложила менее широкую выборку, в частности ни разу не был применен описательный перевод, в отличие от ресурса SmartCAT. Стратегия перевода конструкций с наречиями и предлогами направленности ожидаемо оказалась идентичной переводу, выполненному человеком.

Отметим, что, в отличие от примеров профессионального перевода, СМП не справились с распознаванием устойчивой конструкции *as + subject + walk / stroll*, которую зачастую необходимо опустить при переводе, так как она является семантически пустой и усложняет синтаксис русскоязычного предложения. Представим еще один неудачный вариант перевода, предложенный сервисом DeepL:

*And then Loretta **strolled into** my life and made it instantly better. – А потом в мою жизнь **ворвалась** Лоретта и мгновенно сделала ее лучше.*

Данный вариант перевода не представляется адекватным, так как семантика лексемы *ворваться* полностью противоречит семантике оригинальной лексемы *to stroll.*

На **последнем этапе** проведенного исследования был сделан ряд выводов. Перевод глаголов движения *to walk* и *to stroll* требует от переводчика анализа контекста и принятия решения в зависимости от языковой ситуации, поскольку они могут передавать как основное, так и фоновое действие (напр., в конструкции *as + subject + verb*); в последнем случае необходимо прибегнуть к опущению или описательному способу перевода. В большинстве случаев обе единицы часто служат составной частью фразового глагола, указывающего на направленность действия: *to walk (to stroll) in / out / over / up / down,* – что не требует усилий со стороны переводчика при подборе эквивалента, так как выбор русскоязычной лексемы исходит из необходимого маркера направленности: *войти / выйти / подойти / подняться / спуститься* соответственно. В некоторых случаях возможен описательный перевод для сохранения сем скорости и характера передвижения. Одним из наиболее релевантных вариантов видится выбор глагола *пройтись (до какого-либо места)*, предложенный в НКРЯ.

Сделан вывод, что, несмотря на стремительное развитие СМП, их возможности все еще не позволяют выполнять перевод художественного текста, который по качеству соответствовал бы переводу, выполненному профессиональным переводчиком. Этому способствует наличие усложняющих обстоятельств, таких как сложный синтаксис или жанровая специфика текста. Пока данные системы не способны совершать тщательный контекстный анализ и производить необходимые трансформации.

Перспективой исследования видится более глубокий сравнительный анализ вариантов и стратегий перевода глаголов *to walk* и *to stroll* в текстах, принадлежащих к разным функциональным стилям, поскольку в настоящем исследовании подавляющее число примеров относилось к жанру *художественная литература*. Видится, что потенциал для дальнейшей работы

составляет и исследование возможностей машинного перевода на указанном выше материале исследования.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 14.09.2025).

Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 14.09.2025).

Литература

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.

Гулиянц С.Б., Поликарпова А.Н. Особенности семантики и англо-русского перевода глаголов движения *to tramp* и *to trudge* (корпусное исследование) // Люди речисты-II: Международной молодежной научно-практической блог-конференции, Ульяновск, 23-30 апреля 2023 года. Отв. редактор Ю.А. Лобина. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2023. С. 167–176.

Калакова С.А., Гулиянц А.Б. Перевод глаголов с приставкой *под-* на английский язык (на материале корпуса НКРЯ) // Люди речисты-II: Международной молодежной научно-практической блог-конференции, Ульяновск, 23-30 апреля 2023 года. Отв. редактор Ю.А. Лобина. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2023. С. 176–185.

Мурзабекова А.Р., Алиев З.Г. Машинный перевод: системы машинного перевода, их недостатки и преимущества // Инновационное развитие науки и техники: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Саратов, 10 декабря 2020 года. Саратов: Научная общественная организация "Цифровая наука", 2020. С. 4–9.

Новикова В.Р. Особенности перевода глаголов движения *лететь* и *летать* на английский язык (на базе корпуса НКРЯ) // Лига исследователей МГПУ:

сборник статей студенческой открытой конференции. В 4 т., Москва, 21-25 ноября 2022 года. Том 3. М.: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 161–171.

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика»; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. 259 с.

Полтавский А.В., Федянина В.А., Скотченко А.С., Шевцова М.В. Основы цифровизации: первые поколения отечественных электронных вычислительных систем, компьютерные сети и машинные переводчики. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Сам Полиграфист", 2021. 160 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. 2-е изд., исп. и доп. Воронеж: Издательство Истоки, 2013. 71 с.

Сулейманова О.А., Гулиянц А.Б. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4(48). С. 88–101.

Суханова А.О., Гулиянц А.Б. Особенности перевода глаголов движения *нести* и *носить* на английский язык в различных типах дискурса (на материале корпуса НКРЯ) // Молодежь и наука: слово, текст, личность: Материалы VII Международной молодежной научно-практической конференции, Ульяновск, 20 апреля 2024 года. Ульяновск, 2024. С. 381–390.

Тарзян М.Е. Трудности перевода сложного синтаксиса в машинном переводе // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых. 2021. № 20. С. 456–462.

Шилихина К.М. Глаголы с семантикой смеха по данным параллельного корпуса // Вестник Московского университета. Филология. 2020. № 2(9). С. 54–61.

В.Е. Чижикова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
3 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***В.Б. Попова***

ДЕТЕРМИНАТИВЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ ПРИНЦА ГАРРИ «SPARE»)

В статье речь идет об особенностях употребления детерминативов имени существительного в английском, немецком, испанском и французском языках. Выявляются предполагаемые сферы расширения/сужения функций типов артикля в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: исходный язык (ИЯ), переводящий язык (ПЯ), идиолект, переводческие трансформации, типы артикля.

Материалом исследования послужили воспоминания принца Гарри о жизни королевской семьи, изданные в 2023 году, а также переводы текста мемуаров на аналитические артиклевые языки. Большой интерес к теме мемуаров проявился в быстром появлении переводов на современные европейские языки. Значительный объем текста вызвал необходимость совместной работы нескольких переводчиков, работавших одновременно над разными частями источника: на немецкий язык текст переводило пятеро переводчиков, на испанский – также, на французский – двое. Это позволяет увидеть и сравнить идиолекты и стратегии разных переводчиков в пределах единого текста.

Переводческие трансформации, выявленные при сопоставлении детерминативов имени существительного исходном языке (далее – ИЯ) / переводящем языке (далее – ПЯ), являются объектом данного исследования; его предметом выступают функции типов артикля – неопределенного, определенного, нулевого – в сопоставлении.

Цель исследования – выявить сходства и различия артиклевой аранжировки имени существительного при переводе, функциональный потенциал типа артикля в ИЯ и ПЯ путем сопоставительного анализа исходного и эквивалентного текста, анализа переводческих трансформаций.

О количественности в английском языке и вариативности как базовой характеристике английского артикля пишет Н.Л. Огуречникова [Огуречникова, 2006]. Определяющее значение при использовании типа артикля имеет «вариативность/невариативность особенных признаков лексического значения имени, а именно их одновариантность, поливариативность, инвариант» [Попова, 2012: 119]. Дейктическая функция артикля как сопроводителя имени существительного расширяется и уточняется в дальнейших исследованиях В.Б. Поповой за счет пространственной составляющей: артикль – «…это квалитативно-пространственный кванторный дейктик, указывающий на исчисление фрагмента пространственно-смыслового континуума как когнитивно-коммуникативной операционной единицы» [Попова, 2012: 119]. Междисциплинарный подход, а именно рассмотрение артикля в аспекте математической логики, оказывается, на наш взгляд, продуктивным [Popova, Ivankina, Kazachenko, 2022].

Количественное соотношение типов артикля также становится объектом исследования на материале корпуса текстов на немецком/испанском языках (художественный, публицистический, научный, деловая корреспонденция) – и это соотношение по типам артикля оказывается приблизительно одинаковым: колебания 0–3%, при паритетном соотношении нулевого и определенного типов артикля около 40 %, неопределенный около 8%, прочие сопроводители имени около 12% [Попова, 2012: 117]. Таким образом, выборка дает возможность предположить одинаковый функциональный статус типов артикля в германских и романских языках.

В предлагаемых нами речевых образцах из текста мемуаров и их переводов мы анализируем расхождения в артиклевом сопровождении имени существительного при переводе с ИЯ на ПЯ, а также переводческие трансформации при опущении имени существительного, его замене на иные части речи, что так или иначе выявляет функциональный статус типов артикля.

People would whisper now and then about folks who hadn't fared well at Balmoral[1] *(Люди время от времени перешептывались о тех, кому не повезло в Балморале* – здесь и далее перевод (и при необходимости подстрочник) наш – В.Ч.*), Hin und wieder erzählte man im Flüsterton von Leuten, denen in Balmoral Übles widerfahren war*[2], *On évoquait à voix basse, de temps à autre, tous ces gens à qui Balmoral n'avait pas réussi*[3], *La gente contaba entre susurros, de vez en cuando, historias de personas que habían tenido un final trágico en Balmoral*[4]. В ИЯ *people* использовано с нулевым артиклем, что подчеркивает собирательность, множественность понятия. В переводах на немецкий и французский лексема *people* опущена, переведена трансформацией, а именно неопределенно-личным местоимением *man*/*on,* которые также передают множественность и собирательность. В испанском эквивалент *la gente*, в отличие от лексемы на ИЯ *people* с нулевым артиклем, имеет определенный артикль, так как диапазон значений *gente* в количественном отношении весьма вариативен, например, *люди, народ, родня* и даже *экипаж*. Определенный артикль сужает значение, дает понять, что речь идет о конкретных людях, живущих в Балморале. Таким образом проявляется одна из функций определенного артикля – указывать на пространственные ограничивающие рамки в качестве индивидуализирующих. Обратим внимание на перевод оригинального *whisper*. Во французском и испанском переводах для передачи смысла использовано словосочетание глагол + существительное, дословно *говорить тихим голосом / шепотом*, что в русском эквивалентно *шептать*. В испанском и французском языках лексема, передающая тихий вариант звучания голоса, маркируется нулевым артиклем, что подчеркивает типичность проявления качества в разнообразных обстоятельствах [Попова, 2012]. Однако в немецком языке соответствующий эквивалент *im Flüsterton* – с определенным артиклем, так как немецкий язык как система

[1] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).

[2] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

[3] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[4] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

парадигм содержит оппозицию двух контрастирующих понятий, детерминирующих выбор определенного артикля: *im Flüsterton – im Stimmton* (*говорить беззвучно – в полный голос, звонко*), что и предопределяет, в свою очередь, выбор артикля переводчиком. «Остается релевантным отношение согипонимов как в узком смысле, так и более широко – как действующих актантов в рамках предложения, ролей участников коммуникации, объектов и понятий, связанным одним типовым сценарием, ситуации речи. Идея соотнесенности, соположенности предметов в пространстве, как реальном, так и в виртуальном, становится исключительно важной как оптимального взаимоопределения через отличия. Может восприниматься как контраст, абрис – резкий в случае антонимов» [Попова, 2021: 101].

Примеры на нулевой артикль в качестве детерминатива: *The long-ago Queen, for instance*[1] *(Давным-давно жившая королева, например), ...zum Beispiel*...[2], ... *par example*...[3], ... *por ejemplo*...[4] – все языки при передаче смысла *например* используют нулевой артикль, чтобы подчеркнуть вариативность приводимых примеров как максимально полную, только немецкий переводчик использует определенный артикль. Выбор продиктован одним из вариантов лексического значения предлога *zu* – присоединение, сближение, что в данном речевом образце неизбежно означает конкретизацию отдельного примера, который приводит автор, его очевидность.

Аналогично избирается конструкция «*zu* плюс определенный артикль» для эквивалента на немецком языке при переводе следующего предложения: *While summering at Balmoral, Granny asked that the piper play her awake and play her to dinner*[5] *(Проводя лето в Балморале, бабушка просила волынщика будить её игрой на волынке и сопровождать её на ужин), Während ihrer Sommerfrische in Balmoral*

[1] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).
[2] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).
[3] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).
[4] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).
[5] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).

ließ Granny sich von dem Dudelsackspieler wecken, und auch beim Gang zum Dinner musste er sie stets begleiten[1], *Mientras veraneábamos en Balmoral, la abuela pedía que el gaitero tocara para despertarla y para acompañarla a la cena*[2], *L'été à Balmoral, Grandmère demandait à ce qu'il joue pour elle à son réveil et avant le diner*[3]. В немецком переводе предлог *zu* в данном случае конкретизирует объект и побуждает переводчика использовать определенный артикль. Лексическое значение предлога как указания на сближение усиливается введенным словосочетанием *beim Gang* (*по пути*). *Gang* можно также перевести как *коридор, (про)ход, канал, жила*[4], поэтому используемая конструкция сильно сужает воображаемое пространство и конкретизирует его, подразумевая *ужин* как конец пути, конкретную, финальную точку, помещение для приема пищи. Все это обосновывает употребление определенного артикля в немецком переводе. Аналогично, с определенным артиклем, построено испанское предложение, где употреблен глагол *acompañar* – *сопровождать*. Данный глагол также подразумевает наличие пункта А и пункта В, в пределах которых происходит сопровождение. Таким образом, пунктом В становится ужин, к которому музыка сопровождает героиню, следовательно, ужин становится конкретизированным, требующим употребления определенного артикля. Во французском можно наблюдать лексико-грамматическую трансформацию, заключающуюся в отсутствии глагола *сопровождать*. Вместо него употреблена конструкция, переводимая как *играть перед ужином* (*jouer <…> avant le diner*). *Avant* в данном случае близок по значению немецкому *zu,* в смысле указания на нахождение в непосредственной близости к объекту, поэтому во французском переводе также использован определенный артикль. В отличие от немецкого, испанского и французского, английский язык делает акцент на генерализации объекта, что происходит достаточно часто, когда носители английского языка говорят о

[1] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

[2] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[3] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[4] Gang – с немецкого на русский. URL: https://translate.academic.ru/Gang/de/ru/ (дата обращения: 08.06.2025).

процессе приема пищи, например, *to have dinner, to have lunch, to have breakfast* также не требуют постановки артикля.

Следующий пример: *In fact, it's possible that I was never happier than that one golden summer day at Balmoral: August 30, 1997*[1] (*На самом деле, вероятно, я никогда не был более счастливым, чем в тот золотой летний день в Балморале 30 августа 1997 года*), *Ja, durchaus möglich, dass ich sogar nie glücklicher war als an diesem einen strahlenden Sommertag in Balmoral: dem 30 August 1997*[2]. Произошло расширение функций немецкого неопределенного артикля по сравнению с английским: в немецком *ein* имеет не только соотносимые с английским функции неопределенного артикля, но и означает единицу, в то время как в английском формы неопределенного артикля и единицы разведены. В данном случае *one* после детерминатива *that – тот* усиливает ощущение особой цельности, неповторимости описываемого дня, дважды выделяя объект детерминирующей в пространственном отношении характеристикой, что сопоставимо с такими выражениями на русском как *синий-синий, иссиня-чёрный*. Это же усиление передает и немецкий язык: помимо детерминатива *этот*, то есть ясно различимый в своих индивидуальных качествах, близко находящийся, используется пространственный детерминатив, неопределенный артикль, который в данном случае акцентирует вариативность индивидуальных качеств *солнечный,* взятую в высшей степени. Обращает на себя внимание также полярное использование детерминативов в английском и немецком, а именно *тот* и *этот,* маркирующих нахождение предмета на переднем плане и на дальнем плане пространственного локуса. Англоговорящий (источник на английском) автор вспоминает тот уникальный день, а немецкоговорящий переводчик «видит» его как наяву, щурясь от солнца.

Расширение системы форм детерминативов в английском, а следовательно, и сужение функционального потенциала неопределенного артикля в английском

[1] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).
[2] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

также иллюстрируют следующие примеры: *We'd been at the castle for one week*[1] (*Мы провели в замке неделю*), *…eine Woche…*[2], *… une semaine…*[3], *… una semana…*[4] (далее цитируем по приведённым сноскам на соответствующем языке).

To me Balmoral was always simply Paradise. A cross between Disney World and some sacred Druid grove (*Для меня Балморал всегда был просто раем. Нечто среднее между Disney World и некой священной рощей друидов*) – здесь есть определяющее слово (determiner) *some*. В немецком, французском, испанском переводах использован неопределенный артикль, что говорит о расширении функционала неопределенного артикля в данных языках, его включении в себя значения английского слова *some*: *Eine Mischung aus Disney World und einem heiligen Druidenhain, Un lieu à mi-chemin entre Disneyland et une clairière sacrée où se réunissaient les druides, …un cruce entre Disney World y una especie de arboleda druídica sagrada*.

Аналогично с тем, как неопределенный артикль в немецком, французском и испанском языках синонимичен *some*, определенный артикль данных языков также может выступать синонимом английского притяжательного местоимения. Это подтверждается текстом: *He'd slather the stuff on his cheeks, his neck, his shirt* (*Он наносил это на щеки, шею, рубашку*), *Er schüttete sich das Zeug in rauen Mengen auf die Wangen, den Hals, das Hemd, Se embadurnaba con ella las mejillas, el cuello y la camisa, Il s'en barbouïillait les joues, le cou, la chemise*. В ИЯ части тела, а также предметы одежды употреблены с притяжательным местоимением, в то время как в ПЯ использованы определенные артикли. Это объяснимо тем, что артиклевые языки являются языками объектными. Следовательно, детерминативы этих языков – когнитивные маркеры, позволяющие говорящему управлять тем, как мысль фокусируется на объектах: фиксирует, приближает, отдаляет, обобщает и т.д. Оба представленных в примере детерминатива –

[1] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).

[2] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

[3] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[4] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

определенный артикль и притяжательное местоимение – дают однозначное позиционирование объекта речи вокруг определенного центра. Центр в этом случае задан точно, он важен говорящему. Именно поэтому при переводе оригинальное притяжательное местоимение может быть заменено определенным артиклем без потери смысла. В тексте содержатся и другие примеры, подтверждающие это: *I pulled the sheets and covers to my chin, because I didn't like the dark*[1] (*Я натянул простыни и покрывала до подбородка, потому что мне не нравилась темнота*), *Ich zog mir das Betttuch und die Decke bis zum Kinn, weil ich die Dunkelheit nicht mochte*[2], *Yo me tapaba hasta la barbilla con las sábanas y las mantas, porque no me gustaba la oscuridad*[3], *Je me suis blotti dans mon lit, la couverture tirée jusqu'au menton, parce que je n'aimais pas être dans le noir*[4] (далее цитируем по приведённым сноскам на соответствующем языке).

Иногда испанский язык примыкает к английскому в использовании притяжательного местоимения на рассматриваемом корпусе текстов: *I had to jump to get in, after which I rolled down into its sunken center* (*Мне приходилось подпрыгивать, чтобы забраться, после чего я скатывался в центр продавленного матраса*), *Ich musste springen, um hinaufzukommen, woraufhin ich automatisch in die durchgelegene Mitte kullerte*, *Tenía que saltar para subir a ella, después de lo cual rodaba hasta su hundido centro*, *Je devais sauter pour m'y coucher et rouler sur le flanc pour atteindre le milieu affaissé du matelas*. Или: *His instrument looked like a drunken octopus, except that its floppy arms were etched silver and dark mahogany* (*Его инструмент был похож на пьяного осьминога, за исключением того, что его гибкие щупальцы были отделаны серебром и темным красным деревом*), *Das Instrument sah aus wie ein betrunkener Oktopus, nur dass die schlaffen Arme mit silbernen Intarsien versehen und aus dunklem Mahagoni waren*[5], *Sa*

[1] Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).

[2] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

[3] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[4] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[5] Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

cornemuse ressemblait à une espèce de pieuvre ivre morte, avec des tuyaux d'argent ciselé et d'acajou en guise de tentacules[1]*, Su instrumento parecía un pulpo borracho, con la diferencia de que sus fláccidas patas eran de oscura caoba con grabados de plata*[2]. В последнем примере французский перевод также отличается отсутствием какого-либо детерминанта перед *tentacules*. Это продиктовано наличием конструкции *en guise de,* означающей *в качестве*, *под видом*, *в роли.* Она предполагает родовое, неопределенное значение, поэтому не может требовать определенный артикль или притяжательное местоимение.

На основании приведенных примеров можно сделать следующие выводы: функционал типов артикля в ИЯ и в ПЯ выявляет как пересечения, так и расхождения. Так, например, увеличение количества форм детерминативов в английском языке ведет к сужению функций неопределенного артикля как пространственного количественно-качественного детерминатива имени. Также проявляются предпочтения идиостиля переводчиков, равно как и норма того или иного языка, ограничения, определяемые лексическим значением имени, лексем, служебных слов. Так, например, в случае широкого ряда возможной референции, связываемой с данным словом, артикль помогает его сузить, конкретизировать до необходимого объема.

Источники

Gang – с немецкого на русский. URL: https://translate.academic.ru/Gang/de/ru/ (дата обращения: 08.06.2025).

Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[1] Prince Harry. Le Suppleant. URL: https://archive.org/details/le-suppleant-prince-harry/page/n13/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

[2] Príncipe Harry. En la sombra. URL: https://archive.org/details/en-la-sombra-principe-harry/mode/1up (дата обращения: 08.06.2025).

Prince Harry. Spare. URL: https://liteka.ru/english/library/6341-spare (дата обращения: 08.06.2025).

Prinz Harry. Reserve. URL: https://b.twirpx.one/file/3897303/ (дата обращения: 08.06.2025).

Литература

Бойчук Е.И., Воронцова А.В., Шляхтина Е.В., Беляева О.В. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль: ЯГПУ, 2019. 184 с.

Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. 255 с.

Огуречникова Н.Л. Английский артикль: к вопросу о количественности в языковом мышлении. М.: Наука, 2006. 558 с.

Попова В.Б. Анализ дихотомии «вариативное/типичное» ядра лексического значения слова как функционального потенциала определенного артикля // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2021. № 1 (272). С. 91–104.

Попова В.Б. Исчисляемость как основополагающий принцип теории артикля (романо-германская группа языков) // Научная мысль Кавказа, 2012. № 3 (71). С. 114–119.

Попова В.Б. Значимое отсутствие артикля: нулевой знак как член оппозиции артиклевых форм // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2012. № 3 (105). С. 162–167.

Popova V.B., Ivankina G.A., Kazachenko O.V. Pragmatics of article choice as a mathematical formula (based on the material of abstract value-oriented vocabulary) // Liberal Arts in Russia, 2022. Vol. 11, № 4. P. 244–257.

Ю.Е. Шудегова (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***С.Б. Гулиянц***

РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ ИЗ ИНОСМИ.РУ)

В работе рассматриваются вопросы, связанные с особенностями выражения несогласия в англоязычном медиадискурсе и способами его передачи на русский язык. Материалом исследования стали англоязычные статьи, представленные на сайте ИноСМИ.ru и переведенные на русский язык. В результате выделены наиболее частотные модели выражения несогласия в англоязычных статьях и выявлены способы их перевода.

Ключевые слова: медиадискурс, выражение несогласия, способы перевода, речевые модели.

Исследование особенностей медиадискурса попало в область изучения многих наук, преимущественно – лингвистики, в связи с оптимизацией информационных технологий и расширением границ коммуникативного пространства [Балашова, Башмакова, Безкоровайная, 2023; Борисова, Васильченко, Гудков, 2024]. Изучение речевых моделей выражения несогласия в медиадискурсе необходимо для понимания основных принципов того, как в средствах массовой коммуникации могут подвергать сомнению некоторую информацию и представлять разные точки зрения на события. Зачастую новостные сайты публикуют переведенные на русский язык статьи из зарубежных источников, в связи с чем появляется необходимость в изучении особенностей выражения несогласия во избежание коммуникативных неудач.

Актуальность предпринимаемого исследования определяется наличием общего интереса к процессам выражения несогласия и изучению способов его выражения в англоязычном дискурсе. Ранее уже были рассмотрены особенности англоязычного речевого акта несогласия [Василина, 2015], описаны языковые признаки согласия / несогласия в англоязычных и русскоязычных откликах читателей (на материале британской и белорусской прессы) [Сажина, 2014], проанализированы дискурсивные маркеры выражения согласия / несогласия в академическом дискурсе на материале статей ВАК [Раджабова, Гулиянц, 2022].

Исследователями анализировались стратегии выстраивания медиадискурса [Антонова, Остапенко, Плетяго, 2019], особенности его структурной организации в сети Интернет на материале англоязычных электронных сообщений [Кротова, 2012]; описывались новости как неотъемлемая часть дискурса [Ваттовани, 2019], особенности создания и восприятия текста в Интернете [Ионина, 2010], языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе СМИ [Чупрына, Кригер, 2021] и медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации [Дорошлонская, 2006]. Также на материале сайтов Inosmi.ru и Inonews.ru уже изучались синтаксические трансформации при переводе публицистических текстов [Стефаненкова, Богатская, 2022], передача английского инициального обстоятельства на русский язык [Терещенко, Гулиянц, 2020] и оценочной лексики [Чивильдеева, Гулиянц, 2022], особенности передачи имен собственных [Олейников, Рязанцева, 2021]. При этом пока не представлено научных работ, в которых бы изучались особенности речевых моделей выражения несогласия в англоязычных статьях в переводческой перспективе. Это и определяет новизну данного исследования.

Целью работы стало выявить, описать и проанализировать особенности речевых моделей выражения несогласия в англоязычном медиадискурсе, а также определить способы их перевода на русский язык. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач: во-первых, описать особенности медиадискурса; во-вторых, выявить основные способы выражения несогласия в английском языке; в-третьих, отобрать материал исследования, а именно англоязычные статьи из новостного агрегатора ИноСМИ.ru, переведенные на русский язык; в-четвертых, определить модели выражения несогласия в англоязычном медиадискурсе; в-пятых, выявить основные способы перевода речевых моделей выражения несогласия в новостных статьях.

Материалом исследования послужили 40 статей из новостного агрегатора ИноСМИ и найденные в них 200 примеров выражения несогласия.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, анализирующих особенности моделей выражения несогласия в англоязычном дискурсе и их перевод на русский язык и связанных с:

– анализом речевого акта несогласия в современном русском и английском языках [Воробьёва, Граббе, 2016];

– выражением имплицитного несогласия в разноструктурных языках [Воробьёва, 2015];

Ситуацией несогласия / отказа в динамике английской речи [Постоенко, 2001];

– компаративным анализом средств выражения отказа в русском и английском языках [Замышляева, 2020];

Стилистическим своеобразием медиадискурса (на материале англоязычных СМИ) [Корецкая, 2016];

– грамматическими аспектами перевода с английского на русский [Сулейманова, Беклемешева, Карданова, Лягушкина, Яременко, 2012].

Методика исследования определялась целью и поставленными задачами. На начальных этапах выделялись особенности медиадискурса, описывалась эмпирическая база исследования, а именно лексические и грамматические способы выражения несогласия в английском языке. Отбирались англоязычные статьи, представленные на сайте ИноСМИ.ru и переведенные на русский язык. После этого производился поиск в них скрытых и явных способов выражения несогласия. На следующем этапе определялись наиболее частотные модели выражения несогласия в англоязычных статьях и их особенности. На заключительном этапе выявлены частотные способы их перевода.

Представим основные **результаты исследования**. Под речевой моделью выражения несогласия в медиадискурсе нами принимается представление в тексте статьи различия во мнениях, взглядах или позициях относительно определенного вопроса через коммуникативную и ситуативную реализацию

языкового образования, состоящего из постоянных элементов, объединенных закономерной связью.

На сегодняшний день исследователями выявлены лишь незначительные различия между англоязычными и русскоязычными медиатекстами. При этом определены некоторые особенности выражения несогласия в англоязычном медиадискурсе, среди которых: использование клише, частицы *not* в составе глагольных форм изъявительного наклонения в отрицательных и вопросительно-отрицательных предложениях и в составе глагольных форм повелительного наклонения. Встречается несогласие, выраженное при помощи модальных глаголов, лексико-стилистических средств и переданное через риторические вопросы. Языковыми средствами выражения несогласия в русскоязычном медиадискурсе могут выступать единицы лексического (слова с негативной оценочной семантикой) и морфологического уровней (уменьшительно-ласкательные суффиксы) и стилистические приемы (метафоры, сравнения, ирония, создающие негативную экспрессивность) [Сажина, 2014].

В результате исследования выявлено пять частотных речевых моделей выражения несогласия в англоязычном медиадискурсе. Рассмотрим их и представим способы перевода англоязычных речевых моделей выражения несогласия на русский язык.

Одной из самых частотных моделей стала ***вспомогательный глагол + частица not.*** Рассмотрим способы ее перевода. Обратимся к первому примеру: *You probably **didn't** hear about two new breakthroughs in slowing down Alzheimer's from Eli Lilly and Eisai. – **Но** ведь вы наверняка **не** слышали о двух новых открытиях, которые замедляют развитие болезни Альцгеймера, от компаний Eli Lilly и Eisai*.

При переводе на русский язык используется речевая модель ***союз но + частица не.*** В данной речевой модели автор сначала выделяет часть высказывания, с которым он согласен, и после с помощью союза *но* выражает несогласие и вводит аргументацию. Также при употреблении данной речевой модели в некоторых случаях использовались усилительные наречия, которые

передавались на русский язык усилительными наречиями (например, *probably – наверняка*).

Рассмотрим следующий способ перевода:

This part of Homer's Odyssey ***doesn't*** *sound very Mediterranean. – Согласитесь, этот эпизод, взятый из «Одиссеи» Гомера, звучит* ***совсем уж не*** *по-средиземноморски*.

В представленном примере при переводе на русский язык используется речевая модель ***частица не + наречие.*** В оригинальном тексте несогласие выражалось с действием предмета, в переводе с характеристикой действия.

Представим наиболее частотный способ перевода:

I ***don't*** *like that I caught wind that he hid in the bunker. – Мне* ***не*** *нравится, что он прячется у себя в бункере, а достается мне*.

Отметим, что в англоязычном примере при переводе на русский язык речевая модель не поменялась, а в переводе возникла безличная конструкция.

Таким образом, речевая модель ***вспомогательный глагол + частица not*** чаще всего на русском языке передавалась следующими способами:

- *союз но + частица не;*
- *частица не + наречие;*
- *частица не.*

Следующей по частоте использования стала модель ***глагол to be + частица not.*** Представим способы её перевода: *It's a place so rich in history, it's* ***not*** *a pool or a beach where you can do all this stuff. – Это место с невероятно богатой историей, это* ***не*** *бассейн и* ***не*** *пляж, где можно делать подобное*.

При передаче речевой модели использовалась отрицательная частица ***не***. Перевод полностью воспроизводит структуру оригинала, однако в приведенном примере частица *не* используется перед каждым однородным членом предложения для усиления выражения несогласия. В рамках исследования было выявлено, что во всех примерах при переводе данной англоязычной модели воспроизводилась структура оригинала и использовалась отрицательная частица *не*.

Следующая речевая модель: ***союз but + слово с отрицательной семантикой.*** Рассмотрим способы ее перевода: ***But*** *it will be known more as the* ***destroyer*** *of a once hallowed Election Day. –* ***Однако*** *в историю оно войдет как поколение,* ***уничтожившее*** *некогда священный День выборов*.

При переводе на русский язык используется речевая модель ***однако + слово с отрицательной семантикой***, через которую автор выражает несогласие и вводит противоположную точку зрения. *Однако*, так же как и *but*, является противительным союзом.

Представим еще один вариант перевода: *They demand equality,* ***but*** *want to build a new society based on* ***discrimination****. – Они требуют равенства,* ***но*** *хотят выстроить новое общество на* ***дискриминации***.

В примере при переводе на русский язык используется речевая модель ***союз но + слово с отрицательной семантикой***, через которую автор выражает несогласие и вводит противоположную точку зрения. В большинстве случаев союз *but* переводится именно союзом *но*.

Обозначим еще один способ передачи англоязычной речевой модели выражения несогласия *союз but + слово с отрицательной семантикой* на русский язык: ***But*** *alleviating that* ***inequality*** *by making sure that an even greater number of people starve is* ***clearly wrong****. –* ***Но*** *пытаться «смягчить»* ***неравенство*** *так, чтобы* ***голодало*** *еще больше,* ***явно неправильно***. В данном случае в русском языке, как и в оригинале, используется расширенная модель ***союз но + слово с отрицательной семантикой + слово с отрицательной приставкой***.

Отметим, что при переводе описываемой англоязычной речевой модели выражения несогласия выявлена определенная закономерность*:* если союз *but* стоит в середине предложения, возможна его передача союзом *но*, однако в случае его расположения в начале предложения более частотны случаи его перевод с помощью союза *однако*. Последний вариант видится нам более узуальным.

Таким образом, модель *союз but + слово с отрицательной семантикой* может быть переведена тремя способами:

- *однако + слово с отрицательной семантикой;*
- *союз но + слово с отрицательной семантикой*;
- *союз но + слово с отрицательной семантикой + слово с отрицательной приставкой.*

Следующей по частотности использования стала модель ***отрицательное местоимение no + слово с отрицательной семантикой.*** Представим способ её перевода: *Enact* ***discriminatory*** *policies and do it with a vision that has* ***no*** *resemblance to the America we know & love. – Вводят* ***дискриминацию***, ***душат***, *и их идеи* ***не*** *имеют общего с Америкой, которую мы знаем и любим*.

Во всех случаях при переводе на русский язык отрицательное местоимение *no* передавалось частицей *не*. Также нами отмечено добавление большего количества слов с отрицательной семантикой для усиления категоричности несогласия, например: *гнилость, глупый, абсурдность, смутная, противоречить, невежество* и др.

Представим последнюю довольно частотную речевую модель выражения несогласия: ***союз but + вспомогательный глагол + частица not + глагол с отрицательной семантикой.*** Рассмотрим способы ее перевода.

В большинстве случаев при переводе структура предложения сохраняется и используется модель ***союз но + частица не + глагол с отрицательной семантикой***: ***But*** *they* ***did not*** *fundamentally alter the fact that the internet had hollowed out the value of the daily newspaper. –* ***Но*** *это* ***не*** *отменило факта* ***обесценивания*** *периодики Интернетом*.

При анализе способов перевода в отдельных случаях найдено использование дополнительных языковых средств, через которые может быть выражено несогласие, и вносящих усиленную категоричность высказывания, например, использование усилительных наречий (*наверняка, несомненно, абсолютно*). Ранее лингвистами отмечалось, что для английского языка характерны низкая частотность отрицательных конструкций и стремление заменить их положительными формами, следовательно, при переводе на русский язык необходимо произвести обратную операцию. В ходе исследования также

выявлено, что в большинстве случаев при передаче на русский язык используется в два раза больше маркеров выражения несогласия. Это еще раз подтверждает утверждение, что в русском языке категория несогласия выражается более эксплицитно, чем в английском.

Источники

ИноСМИ.ru. URL: https://inosmi.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

Литература

Антонова С.Н., Остапенко А.С., Плетяго Т.Ю. Стратегия выстраивания новостного дискурса в интернет-медиа // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №1. С. 25–33.

Балашова Е.С., Башмакова И.С., Безкоровайная, Г.Т. [и др.]. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. 8-е издание, исправленное и дополненное. Саранск: Афана, 2023. 27 с.

Василина В.Н. Особенности англоязычного речевого акта несогласия // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 25 октября 2015 года. Минск: Издательский центр БГУ, 2015. С. 31–33.

Ваттовани Ю.Б. Новости как неотъемлемая часть дискурса // Молодой ученый. 2019. №48 (286). С. 483–485.

Воробьёва О.В. Выражение имплицитного несогласия в разноструктурных языках // Научные труды КубГТУ. 2015. №5. С. 67–70.

Воробьева О.В., Граббе Н.Ю. Средства выражения несогласия и его семантико-синтаксическая значимость // Научный журнал КубГАУ. 2016. №116. С. 218–227.

Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.

Замышляева Д.Н. Компаративный анализ средств выражения отказа в русском и английском языках (на материале современной прозы) // Филология и лингвистика. 2020. №1 (13). С. 36–40.

Ионина А.А. Особенности создания и восприятия текста в Интернете // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2 (6). С. 33–39.

Корецкая О.В. Стилистическое своеобразие медиадискурса (на материале англоязычных СМИ) // Преподаватель XXI век. 2016. №1. С. 384–391.

Кротова Е.А. Особенности структурной организации новостного дискурса в сети Интернет: на материале англоязычных электронных сообщений // Дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 148 с.

Борисова Е.Г., Васильченко М.А., Гудков Д.Б. Медиалингвистика в современной научной парадигме: коллективная монография. М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2024. 308 с.

Олейников Н.С., Рязанцева Л.И. Особенности перевода имён собственных при переводе англоязычных медиатекстов на русский язык (на основе публикаций новостного портала ИноСМИ) // Форум молодёжной науки. 2021. Т. 2, № 4. С. 8–10.

Раджабова С.М., Гулиянц С.Б. Дискурсивные маркеры выражения согласия / несогласия в академическом дискурсе (на материале статей ВАК) // Молодежь и наука: слово, текст, личность: к 90-летнему юбилею УлГПУ им. И.Н. Ульянова: материалы VI Международной молодёжной научно-практической конференции, Ульяновск, 12-13 мая 2022 года. / Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 2022. С. 52–55.

Сажина Е.В. Языковые признаки согласия / несогласия в англоязычных и русскоязычных откликах читателей (на материале британской и белорусской прессы) // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2014. №1 (42). С. 144–148.

Стефаненкова А.Ю., Богатская Е.Ю. Синтаксические трансформации при переводе публицистических текстов с английского языка на русский (на материале проекта ИНОСМИ) // Актуальные проблемы лингвистики и

лингводидактики: Материалы IX научно-практической интернет-конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 11–13 мая 2022 года. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Донской государственный технический университет. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. С. 215–220.

Терещенко А.И., Гулиянц А.Б. Перевод английского инициального обстоятельства на русский язык (на материале сайтов INOSMI.RU и INONEWS.RU) // Язык и профессиональная коммуникация в цифровом обществе: сборник материалов национальной научно-практической конференции, Москва, 13 декабря 2019 года. Российский университет транспорта, Институт управления и цифровых технологий. Москва: Белый ветер, 2020. С. 133–142.

Чивильдеева Т.И., Гулиянц А.Б. Особенности передачи оценочной лексики в англо-русском политическом переводе (на материале сайта иносми.ру) // STUDENTS RESEARCH FORUM 2022: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 июня 2022 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 183–189.

Чупрына О.Г., Кригер Е.И. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 42–52.

П.А. Якушонок (Россия, Москва)

Московский городской педагогический университет
4 курс, бакалавриат
Научный руководитель: ***И.Н. Пучкова***

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ – НАЗВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена лингвокультурному анализу фразеологических единиц с компонентами-названиями одежды в русском, английском и французском языках. Анализируются метафоры, отражающие образ одежды сквозь призму телесного, эмоционального, социального и поведенческого опыта носителей русского, английского и французского языков. Выявляются общие черты в таких фразеологических единицах и их специфика для каждого из изучаемых языков.

Ключевые слова: фразеологизмы, метафора, одежда, культурная семантика, когнитивная лингвистика, сравнительно-сопоставительный анализ.

Исследование основано на материалах современных фразеологических словарей и электронных баз данных (Collins Dictionary, Expressio.fr, Wiktionnaire, Cambridge Dictionary), а также на трудах отечественного лингвиста – А.В. Кунина и труде основателей когнитивной лингвистики «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Фразеологизмы представляют собой устойчивые словосочетания, которые отражают не только особенности языка, но и культурные модели мышления. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «наша повседневная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, по своей сути метафорична» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1980: 3]. Поэтому фразеологизмы можно рассматривать как когнитивные маркеры культурного опыта, через которые язык концептуализирует мир.

Одним из таких универсальных образов является одежда – архетипическая категория, объединяющая телесное, социальное и символическое. В культуре одежда функционирует как защита тела, элемент идентичности и форма социального взаимодействия, что делает фразеологизмы с этим компонентом особенно показательными в межкультурном сравнении.

Анализ фразеологизмов показывает, что в их основе лежат различные культурные и когнитивные стратегии осмысления человеческого поведения и

мира. Так, выражение *быть под каблуком – to be under someone's thumb*[1] *– être mené par quelqu'un*[2] демонстрирует три различных метафорических модели подчинения. В когнитивной лингвистике подобные модели описывают то, каким именно образом язык осмысляет социальные отношения власти. В русском языке *быть под каблуком* отражает вертикальную физическую модель подчинения, в основе которой лежит метафора пространственного давления, которое осмысливается как структурная метафора: власть – подчинение – нахождение под физическим воздействием другого. В английском варианте образ *thumb* (большой палец) формирует модель контроля через действие – удержание предмета между пальцем и поверхностью. Во французском фразеологизме *être mené par quelqu'un (букв. быть ведомым кем-то)* реализуется направляющая или динамическая модель подчинения, где субъект утрачивает автономию и право выбора направления движения. Таким образом при функционировании в трех разных лингвокультурах, мы можем наблюдать три различные модели подчинения: физическую в русском, контролирующую через действие в английском и направленную во французском языках. Стоит отметить, что в русском и английском фразеологизмах используется активный залог глагола, в то время как во французском – пассивный залог. Можно полагать, что активный залог указывает на возможность человека принять решение, быть в этом состоянии, или нет, тогда как через пассивный залог транслируется идея невозможности данного исхода. Аналогично, выражения *плакаться в жилетку – vider son sac* [3] *(букв.: опустошить свою сумку) – to pour one's heart out* [4] *(букв.: выливать свое сердце)* иллюстрируют три культурных сценария эмоциональной разрядки: в русском языке присутствует адресат, на котором надета жилетка, то есть тактильность, непосредственный контакт, установка диалога; во французском и английском языках такого указателя на взаимодействие с другим

[1] Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. В. Кунина – URL: https://www.phantastike.com/dic/anglo_russkiy_frazeologicheskiy_slovar/djvu/view/ (дата обращения: 01.10 .2025).
[2] Larousse – URL: https://www.larousse.fr/ (дата обращения: 02.11.25)
[3] Wiktionnaire – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/Wiktionnaire:Page_d%E2%80%99accueil (дата обращения: 06.11.2025)
[4] Cambridge Dictionary – URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 25.09.2025).

человеком при выражении своих эмоций и переживаний нет, что может указывать на то, что в этих культурах нет представлений о том, что уязвимость выражается только при близком контакте, раскрывается только при непосредственном взаимодействии с физически близким человеком.

Фразеологизмы *бегать за каждой юбкой – skirt chaser – coureur de jupons*[1] отражают гендерную метафорику, где одежда выступает символом пола. В русском сохраняется предметность образа, тогда как в английском и французском наблюдается тенденция к абстрагированию от конкретного предмета и классификации.

Особое внимание заслуживает английское выражение *to wear the pants*[2] (букв.: *носить брюки*), фиксирующее гендерный код власти через предмет одежды, исторически связанный с мужской ролью, этот фразеологизм можно использовать и по отношению в мужчине и по отношению к женщине. Во французском языке выражение *porter la culotte*[3] используется только в случае, когда о женщине говорят, что она главная в семье, так как *la culotte* обозначало «брюки» тогда, когда этот предмет одежды носили только мужчины и, соответственно, выражение было символом мужской власти в семье. Сейчас брюки во французском выражаются словом *le pantalon*, тогда как *la culotte* с конца XVIII века приобрело новое значение– теперь оно обозначает «трусыи не имеет гендерной маркированности.

В русском языке нет прямого аналога этого устойчивого выражения, используемого в литературной речи. Однако в разговорной речи фигурирует конструкция «мужик в юбке» со сходным значением.

Как подчеркивают Эльза Вула и Назлы Тюфекчи в своем исследовании для Richtmann Publishing, «идиомы нередко служат зеркалом социальных норм и ожиданий, передавая не только язык, но и поведенческие модели, закреплённые культурой» [Э. Вула, Н. Тюфекчи, 2020: 285]. Этот тезис особенно ярко

[1] Wiktionnaire – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/Wiktionnaire:Page_d%E2%80%99accueil (дата обращения: 06.11.2025)
[2] Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. В. Кунина – URL: https://www.phantastike.com/dic/anglo_russkiy_frazeologicheskiy_slovar/djvu/view/ (дата обращения: 01.10 .2025).
[3] Expressio.fr – URL: https://www.expressio.fr (дата обращения: 03.10.2025).

проявляется в фразеологизмах, связанных с внешним видом и социальным имиджем.

Пример *сидеть как перчатка – to fit like a glove – aller comme un gant* показывает универсальность метафоры телесного соответствия, понятной всем культурам. Выражения *разодетый в пух и прах – dressed to kill*[1] *(букв.: одетый, чтобы убить) – se mettre sur son trente et un*[2] *(букв.: быть натянутым на четыре булавки)* раскрывают национальные акценты: эмоциональную гиперболу в русском языке, ироничную эстетику в английском и ритуальную утончённость во французском. Фразеологизм *être tiré à quatre épingles (букв.: быть натянутым на четыре булавки)* символизирует французскую установку на порядок и симметрию, тогда как русское «одеться с иголочки» и английское *dressed to the nines (букв.: одеться на девятку или одеться до девятки)* выражают ту же идею без пространственного образа.

Фразеологизмы, описывающие социальные ситуации, часто уходят корнями в историческую символику и ритуалы. Выражение *бросить перчатку – to throw down the glove*[3] *– jeter le gant* сохраняет общий европейский архетип рыцарской чести. *Снимаю шляпу – I take my hat off* [4] *– chapeau bas!* представляет жестовую метафору уважения, а *затянуть пояс – tighten one's belt* [5]*– se serrer la ceinture* [6]демонстрирует универсальную телесную метафору экономии и самоконтроля, так как в каждом устойчивом выражении используется слово со значением «ремень, пояс».

Перевод фразеологических единиц представляет собой сложную задачу, так как они нередко содержат метафорические и культурно специфические элементы, не имеющие прямых эквивалентов в других языках. Вслед за

[1] Collins Dictionary – URL: https://www.collinsdictionary.com (дата обращения: 02.10.2025).
[2] Wiktionnaire – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/Wiktionnaire:Page_d%E2%80%99accueil (дата обращения: 06.11.2025)
[3] Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. В. Кунина – URL: https://www.phantastike.com/dic/anglo_russkiy_frazeologicheskiy_slovar/djvu/view/ (дата обращения: 01.10 .2025).
[4] Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. В. Кунина – URL: https://www.phantastike.com/dic/anglo_russkiy_frazeologicheskiy_slovar/djvu/view/ (дата обращения: 01.10 .2025).
[5] Cambridge Dictionary – URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 25.09.2025).
[6] Wiktionnaire – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/Wiktionnaire:Page_d%E2%80%99accueil (дата обращения: 06.11.2025)

исследователями A. Adelnia и H. Vahid Dastjerdi можно утверждать, что «не все идиомы имеют прямые эквиваленты в другом языке, поскольку они представляют собой языковые выражения, типичные для данной речи и специфичные для конкретной культуры» [A. Adelnia и H. Vahid Dastjerdi, 2011: 879].

Уникальные фразеологизмы раскрывают особенности национального мышления. В русской фразеологии *тришкин кафтан, ежовые рукавицы, остаться без штанов* преобладает телесно-материальная образность, отражающая связь языка с трудом, моралью и социальными отношениями. В английской традиции *to be hot under the collar (букв.: быть горячим под воротником) – быть ярости, выходить из себя, all mouth and no trousers (букв.: только рот, без штанов) – пустослов,* одежда выступает социальной маской и маркером поведения. Во французской фразеологии *retourner sa veste*[1] *(букв.: вывернуть жакет наизнанку) – переметнуться, une autre paire de manches*[2] *(букв.: другая пара рукавов) – совсем другое дело,* преобладает интеллектуальная игра и эстетическая дистанция, при которой одежда становится когнитивным инструментом классификации опыта.

Проведённый анализ показывает, что фразеологизмы с компонентом «одежда» являются культурными метафорами телесного опыта, объединяющими физическое, социальное и эмоциональное измерения. Русская фразеология характеризуется образностью и эмоциональной насыщенностью, английская – рациональностью и поведенческой направленностью, французская – эстетизмом и интеллектуальностью. Образы одежды выполняют функцию медиатора между личным и социальным, внутренним и внешним, а фразеология одежды становится своеобразной «тканью культуры», где язык буквально воплощает метафору в материю культурного сознания.

[1] Expressio.fr – URL: https://www.expressio.fr (дата обращения: 03.10.2025).
[2] Wiktionnaire – URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/Wiktionnaire:Page_d%E2%80%99accueil (дата обращения: 06.11.2025)

Литература

Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. В. Кунина. URL: https://www.phantastike.com/dic/anglo_russkiy_frazeologicheskiy_slovar/djvu/view/ (дата обращения: 01.10 .2025).

Лакофф Дж., Джонсон М. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 с.

Adelnia, A., Vahid Dastjerdi, H. Translation of Idioms: A Hard Task for the Translator // Theory and Practice in Language Studies. 2011. № 7. С. 879–883.

Cross-Cultural Translation of Idioms: Challenges and Strategies // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Т. 9, № 4. С. 283–289.

Richtmann Publishing // The Cultural and Cognitive Determinants of Idiomatic Expressions // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2020. Т. 9, № 3. С. 284–292.

.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Никита Александрович (Россия, Москва) – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, astakhovna209@mgpu.ru. Научный руководитель: **Пучкова Ирина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Бригаденко Любовь Павловна (Россия, Москва) – магистратура 1 курса историко-филологического факультета, кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, liubrig@gmail.com. Научный руководитель: **Анна Павловна Вяльсова**, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры славянской филологии историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Бутина Карина Геннадьевна (Россия, Москва) – магистрант 1 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, kgbutina@mail.ru. Научный руководитель: **Надежда Михайловна Девятова**, доктор филологических наук, профессор; профессор департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Волкова Елизавета Романовна (Россия, Москва) – бакалавр 5 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, elllezaveta@gmail.com. Научный руководитель: **Мария Валентиновна Захаровна**, кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Голованова Дарья Сергеевна (Россия, Москва) – бакалавр 5 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, golovanovads@mgpu.ru. Научный руководитель: **Мария Сергеевна Баликова**, кандидат филологических наук, доцент департамента

филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Гришкина Мария Сергеевна (Россия, Москва) **–** бакалавр 3 курса филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1132230728@pfur.ru**.** Научный руководитель: **Наталия Юрьевна Нелюбова**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Евдокимова Яна Александровна (Россия, Москва) – магистрант 1 курса Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, evdokimovaya007@mgpu.ru. Научный руководитель: **Алексеев Александр Валерьевич**, доктор филологических наук, доцент; профессор Департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Еремеева Светлана Анатольевна (Россия, Казань) – аспирант 3 курса Института цифровых технологий и экономики Казанского государственного энергетического университета, moltobene95@mail.ru. Научный руководитель: **Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна**, доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой Иностранных языков Казанского государственного энергетического университета.

Ершова Екатерина Валерьевна (Россия, Санкт-Петербург) – бакалавр 4 курса института истории Санкт-Петербургского государственного университета, erschova3kat@yandex.ru. Научный руководитель: **Павел Александрович Кротов**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Жеребков Иван Андреевич (Россия, Чита) – бакалавр 4 курса историко-филологического факультета гуманитарно-педагогического института Забайкальского государственного университета, pripyat.restore@inbox.ru. Научный руководитель: **Анна Николаевна Булдыгерова,** старший

преподаватель кафедры китайского языка историко-филологического факультета гуманитарно-педагогического института Забайкальского государственного университета.

Игнатов Михаил Сергеевич (Россия, Москва) – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, mishaignatov@bk.ru. Научный руководитель: **Мария Валентиновна Захарова**, кандидат филологический наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Карабанова Мария Ильинична (Россия, Москва) – бакалавр 4 курса института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники», m.karabanova.m@gmail.com. Научный руководитель: **Ирина Михайловна Доронина**, кандидат филологических наук, доцент института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники».

Карасева Наталья Алексеевна (Россия, Москва) – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, karaseva-01@mail.ru. Научный руководитель: **Екатерина Николаевна Абрашина**, кандидат педагогических наук, доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Кармолиева Лина Рустамовна (Россия, Москва) – бакалавр 4 курса образовательный программы «Филология» факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», karmolievalina@gmail.com. Научный руководитель: **Надежда Владиславовна Яворовская**, ассистент школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Кирюткина Екатерина Сергеевна (Россия, Москва) – специалист 3 курса Института филологии Московского педагогический государственного

университета, kiryutkina26@bk.ru. Научный руководитель: **Екатерина Васильевна Огольцева**, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Корсакова Виктория Андреевна (Россия, Москва) – бакалавр 3 курса института иностранных языков Московского городского педагогического университета. korsakovava379@mgpu.ru. Научный руководитель: **Дорохова Анастасия Михайловна**, старший преподаватель кафедры англистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Кучашвили София Кахаберовна (Россия, Москва) – бакалавр 3 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Kuchashvili@mgpu.ru. Научный руководитель: **Беляева Вера Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Мамбетназаров Миразиз Куанышбаевич (Узбекистан, Нукус) – бакалавр 2 курса Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, mirazizmambetnazarov@mail.ru. Научный руководитель: **Даулетнияз Утениязович Бердимуратов**, доктор философии по филологическим наукам (PhD); доцент кафедры немецкого языка и литературы Каракалпакского государственного университета имени Бердаха.

Марченко Виктория Викторовна (Россия, Калинниград) – бакалавр 4 курса Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий Балтийского федерального университета им. И. Канта, vivimarchenko@stud.kantiana.ru. Научный руководитель: **Кузенная Татьяна Федоровна**, кандидат педагогических наук, доцент; доцент Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Мохамед Хэйтем Матук (Россия, Москва) – магистрант 1 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, HaythemMaatouk@yandex.ru. Научный руководитель: **Мария Валентиновна Захарова**, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Московского городского педагогического университета.

Поляков Артём Геннадьевич (Россия, Москва) – аспирант 3 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, PoljakovAG@mgpu.ru. Научный руководитель: **Алесья Вячеславовна Леонтьева**, кандидат филологический наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Поштанова Елена Дмитриевна (Россия, Москва) – магистрант 2 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, poshtanovaed@mgpu.ru. Научный руководитель: **Мария Валентиновна Захарова**, кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Пузакова Екатерина Дмитриевна (Россия, Москва) – аспирант 3 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, atlantidastory@mail.ru. Научный руководитель: **Алексеев Александр Валерьевич**, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

Синчугов Михаил Владимирович (Россия, Москва) – аспирант 2 курса института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, sinchugov_mv@pfur.ru. Научный руководитель: **Владимир Иванович Шляхов**, доктор педагогических наук, профессор, старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Скоковская Ярослава Дмитриевна (Россия, Луганск) – бакалавр 4 курса кафедры романо-германской филологии института филологии и социальных

коммуникаций Луганского государственного педагогического университета, skokovskaya05y@mail.ru. Научный руководитель: **Наталия Викторовна Грицкова**, кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры романо-германской филологии института филологии и социальных коммуникаций Луганского государственного педагогического университета.

Скорбенко Анна Денисовна (Россия, Москва) – бакалавр 2, затем 3 курса филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1132233968@pfur.ru. Научный руководитель (2 курс): **Татьяна Евгеньевна Евсикова**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Строганова Виктория Романовна (Россия, Москва) – бакалавр 3 курса института иностранных языков Московского городского педагогического университета, StroganovaVR638@mgpu.ru. Научный руководитель: **Светлана Борисовна Гулиянц**, кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Сумцова Дарья Константиновна (Россия, Москва) – бакалавр 3 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, sumtsovadk040@mgpu.ru. Научный руководитель: **Кузьмина Ольга Владимировна**, старший преподаватель института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Филимонова Анастасия Романовна (Чита, Забайкальский край) – бакалавр 3 курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Забайкальского государственного университета», anastasiyafil0713@gmail.com. Научный руководитель: **Анна Николаевна Булдыгерова**, старший преподаватель кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета.

Чижикова Вера Евгеньевна (Россия, Москва) – бакалавр 3, затем 4 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, chizhikovave728@mgpu.ru. Научный руководитель на 3 курсе:

Валерия Борисовна Попова, кандидат филологических наук; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Научный руководитель на 4 курсе: **Ирина Николаевна Пучкова**, кандидат филологических наук; доцент департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Шудегова Юлия Евгеньевна (Россия, Москва) – бакалавр 4 курса института иностранных языков Московского городского педагогического университета, shudegovaye@mgpu.ru. Научный руководитель: **Светлана Борисовна Гулиянц**, кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Щулькина Елизавета Владимировна (Россия, Москва) – специалист 3 курса института Филологии Московского педагогический государственного университета, shchul25@gmail.com. Научный руководитель: **Екатерина Васильевна Огольцева**, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Якушонок Полина Андреевна (Россия, Москва) – бакалавр 4 курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, YakushonokPA521@mgpu.ru. Научный руководитель: **Ирина Николаевна Пучкова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии.

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ…

Сборник научных статей: в 3 томах. Том 2

HOMO DICENS

Московский городской педагогический университет
Усл. печ. л. 20

Цифровое издание